

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

ИЗЪ ЗАВѢСОВЪ

ОТЪ ПИСАТЕЛЯ ПОВѢСТЕЙ И ОЧЕРКОВЪ

ПИСАТЕЛЯ

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

ПОВѢСТЕЙ И ОЧЕРКОВЪ П. А. СЕРГѢЕВА

ИЗЪ ЗАВѢСОВЪ

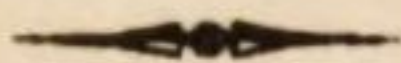
ИЗЪ ЗАВѢСОВЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВЛАДИМИРА И СЪ

1887

ТАБЕЛЬНЫЕ ОДЕЖДЫ.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ОТСТАВНАГО НАДВОРНАГО СОВѢТНИКА

ЩЕДРИНА.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ М. Е. САЛТЫКОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1857.

91. - 99.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ОТСТАВНОГО НАДВОРНАГО СОВѢТНИКА

ПЕЧАТНА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 11-го Генваря 1857 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКВА

Въ Типографіи Н. Галактионовъ

1857

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Въ одномъ изъ далекихъ угловъ Россіи есть городъ, который какъ-то особенно говоритъ моему сердцу. Не то чтобы онъ отличался великолѣпными зданіями; нѣтъ въ немъ садовъ семирамидиныхъ, ни одного даже трехъ-этажнаго дома не встрѣтите вы въ длинномъ рядѣ улицъ, да и улицы-то все немощенныя; но есть что-то мирное, патріархальное во всей его физіономіи, что-то успокоивающее душу въ тишинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его. Въѣзжая въ этотъ городъ, вы какъ-будто чувствуете, что карьера ваша здѣсь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать отъ жизни, что вамъ остается только жить въ прошломъ и переваривать ваши воспоминанія.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ этого города даже дороги дальше nikуда нѣтъ, какъ-будто здѣсь конецъ міру. Куда ни взгляните вы окрестъ — лѣсъ, луга да степь; степь, лѣсъ и луга; гдѣ-гдѣ вьется прихотливымъ извивомъ проселокъ, и бойко проскачетъ по немъ телѣга, запряженная маленькою рѣзвою лошадкой, и опять все затихнетъ, все потонетъ въ общемъ однообразіи...

Крутогорскъ расположенъ очень живописно; когда вы подъѣзжаете къ нему лѣтнимъ вечеромъ, со

стороны рѣки, и глазамъ вашимъ издалика откроется брошенный на крутомъ берегу городской садъ, присутственные мѣста и эта прекрасная группа церквей, которая господствуетъ надъ всею окрестностью, — вы не оторвете глазъ отъ этой картины. Темнѣетъ. Огни зажигаются и въ присутственныхъ мѣстахъ и въ острогѣ, стоящихъ на обрывѣ, и въ тѣхъ лачужкахъ, которыя лѣпятся тѣсно, внизу, подлѣ самой воды; весь берегъ кажется усѣяннымъ огнями. И Богъ знаетъ почему, вслѣдствіе ли душевной усталости, или просто отъ дорожнаго утомленія, и острогъ и присутственные мѣста кажутся вамъ пріютами мира и любви, лачужки населяются Филемонами и Бавкидами, и вы ощущаете въ душѣ вашей такую ясность, такую кротость и мягкость... Но вотъ долетаютъ до васъ звуки колоколовъ, зовущихъ ко всенощной; вы еще далеко отъ города, и звуки касаются слуха вашего безразлично, въ видѣ общаго гула, какъ-будто весь воздухъ полонъ чудной музыки, какъ-будто все вокругъ васъ живетъ и дышитъ; и если вы когда-нибудь были ребенкомъ, если у васъ было дѣтство, оно съ изумительною подробностью встанетъ передъ вами; и внезапно воскреснетъ въ вашемъ сердцѣ вся его свѣжесть, вся его впечатлительность, всѣ вѣрованья, вся эта милая слѣпота, которую въ послѣдствіи разсѣялъ опытъ, и которая такъ долго и такъ всецѣло утѣшала ваше существованіе.

Но мракъ все болѣе и болѣе завладѣваетъ горизонтомъ; высокіе шпили церквей тонутъ въ воздухъ

и кажутся какими-то фантастическими тѣнями; огни по берегу выступаютъ ярче и ярче; голосъ вашъ звонче и яснѣе раздается въ воздухъ. Передъ вами рѣка... Но ясна и спокойна ея поверхность, ровно ея чистое зеркало, отражающее въ себѣ блѣдно-голубое небо съ его милліонами звѣздъ; тихо и мягко ласкаетъ васъ влажный воздухъ ночи, и ничто, никакой звукъ не возмущаетъ какъ бы оцѣпенѣвшей окрестности. Паромъ словно не движется, и только нетерпѣливый стукъ лошадиного копыта о помость, да всплескъ вынимаемаго изъ воды шеста возвращаютъ васъ къ сознанію чего-то дѣйствительнаго, не фантастическаго.

Но вотъ и берегъ; начинается суматоха; вынимаются причалы; экипажъ вашъ слегка трогается; вы слышите глухое позвякиванье подвязаннаго колокольчика; пристегиваютъ пристяжныхъ; наконецъ все готово; въ тарантасъ вашемъ появляется шляпа и слышится: «Не будетъ ли, батюшка, вашей милости?» — «Трогай!» раздается сзади, и вотъ вы бойко взбираетесь на крутую гору, по почтовой дорогѣ, ведущей мимо общественнаго сада. А въ городѣ, между тѣмъ, во всѣхъ окнахъ горятъ ужь огни; по улицамъ еще бродятъ разсѣянные группы гуляющихъ; вы чувствуете себя дома, и остановивъ ямщика, выѣзаете изъ экипажа и сами идете бродить.

Боже! какъ весело вамъ, какъ хорошо и отраднo на этихъ деревянныхъ тротуарахъ! Всѣ васъ знаютъ, васъ любятъ, вамъ улыбаются! Вонъ мелькнули

въ окнахъ четыре фигуры за четверугольнымъ столомъ, предающіяся дѣловому отдохновенію за карточнымъ столомъ, вотъ изъ другаго окна столбомъ валитъ дымъ, обличающій собравшуюся въ домъ веселую компанію приказныхъ, а быть-можетъ и сановниковъ; вотъ слышался вамъ изъ сосѣдняго дома смѣхъ, звонкій смѣхъ, отъ котораго вдругъ упало въ груди ваше юное сердце, и тутъ же, съ нимъ рядомъ, произносится острота, очень хорошая острота, которую вы ужъ много разъ слышали, но которая, въ этотъ вечеръ, кажется вамъ особенно привлекательною, и вы не сердитесь, а какъ-то добродушно и ласково улыбаетесь ей. Но вотъ и гуляющіе — все больше женскій полъ, около котораго, какъ и вездѣ, какъ комары надъ болотомъ, роится молодежь. Эта молодежь иногда казалась вамъ нестерпимою; въ ея стремленіяхъ къ женскому полу вы видѣли что-то не совсѣмъ опрятное; шуточки и нѣжности ея отзывались въ вашихъ ушахъ грубо и матеріально; но въ этотъ вечеръ вы добры. Еслибъ вамъ встрѣтился пылкій Трезоръ, томно виляющій хвостомъ на бѣгу за кокеткой-Діанкой, вы и тутъ нашли бы средство отыскать что-то наивное, буколическое. Вотъ и она, крутогорская звѣзда, гонительница знаменитаго рода князей Чебылкиныхъ — единственнаго княжескаго рода во всей Крутогорской губерніи — наша Вѣра Готлибовна, Нѣмка по происхожденію, но Русская по складу ума и сердца! Идетъ она, и издали несется ея голосъ, звонко командующій надъ цѣлымъ взводомъ молодыхъ взды-

хателей; идетъ она, и прячется съдовласая голова князя Чебылкина, высунувшаяся—было изъ окна, ожигаются губы княгини, кушающей вечерній чай, и выпадаетъ фарфоровая куколка изъ рукъ двадцатилѣтней княжны, играющей въ растворенномъ окнѣ. Вотъ и вы, великолѣпная Катерина Осиповна, также звѣзда крутогорская, вы, которой роскошныя формы на поминаютъ лучшія времена человѣчества, вы, которую ни съ кѣмъ сравнить не смѣю, кромѣ Гречанки Бобелины. Около васъ также роятся поклонники, и вьется жирный разговоръ, для котораго неистощимымъ предметомъ служатъ ваши прелести. И все это такъ привѣтливо улыбается вамъ, всякому вы жмете руку, со всякимъ вступаете въ разговоръ. Вѣра Готлибовна разказываетъ вамъ какую—нибудь новую продѣлку князя Чебылкина; Порфирій Петровичъ передаетъ замѣчательный случай изъ вчерашняго преферанса.

Но вотъ и самъ его сіятельство князь Чебылкинъ изволить возвращаться отъ всенощной, четверней въ коляскѣ. Его сіятельство милостиво раскланивается на всѣ стороны; четверня раскормленныхъ лошадокъ влачить коляску мѣрнымъ и томнымъ шагомъ: сами безсловесныя чувствуютъ всю важность возложеннаго на нихъ подвига, и ведутъ себя, какъ слѣдуетъ лошадямъ хорошаго тона.

Наконецъ и совсѣмъ стемнѣло; гуляющіе исчезли съ улицъ; окна въ домахъ затворяются; гдѣ—гдѣ слышится захлопыванье ставней, сопровождаемое звяканьемъ засовываемыхъ желѣзныхъ болтовъ, да

доносятся до васъ унылые звуки флейты, извлекаемые меланхоликомъ—приказнымъ.

Все тихо, все мертво; на сцену выступаютъ собаки...

Казалось бы, это ли не жизнь! А между тѣмъ всѣ крутогорскіе чиновники, и въ особенности супруги ихъ, съ ожесточеніемъ нападаютъ на этотъ городъ. Кто звалъ ихъ туда, кто приклеилъ ихъ къ столь постылому для нихъ краю? Жалобы на Крутогорскъ составляютъ вѣчную канву для разговоровъ; за ними обыкновенно слѣдуютъ стремленія въ Петербургъ.

— Очаровательный Петербургъ! восклицаютъ дамы.

— Душка Петербургъ! вздыхаютъ дѣвицы.

— Да, Петербургъ... глубокомысленно отзываются мужчины.

Въ устахъ всѣхъ Петербургъ представляется чѣмъ-то въ родѣ жениха, приходящаго въ полночи; но ни тѣ, ни другія, ни третьи не искренни; это такъ, *façon de parler*, потому что ротъ у насъ не покрыть. Съ тѣхъ поръ, однакожь, какъ двукратно княгиня Чебылкина съѣздила съ дочерью въ столицу, восторги не много поохладились; оказывается, «*qu'on n'y est jamais chez soi*», что «мы отвыкли отъ этого шума», что «*le prince Курылкинъ, jeune homme tout-à-fait charmant, mais — que ça reste entre nous — m'a fait tellement la cour, что просто совѣстно!*» — но все-таки какое же сравненіе нашъ милый, нашъ добрый, нашъ тихій Крутогорскъ!»

— Душка Крутогорскъ! питить княжна.

— Да, Крутогорскъ... отзывается князь, плотно улыбаясь.

Страсть къ французскимъ фразамъ составляетъ общій недугъ крутогорскихъ дамъ и дѣвицъ. Собираются дѣвицы, и первое у нихъ условіе: «ну, mesdames, съ нынѣшняго дня мы ни слова не будемъ говорить по-русски». Но оказывается, что на иностранныхъ языкахъ имъ извѣстны только двѣ фразы: *permettez moi de sortir* и *allez-vous-en!* Очевидно, что всѣхъ понятій, какъ бы они ни были ограниченны, этими двумя фразами никакъ не выразишь, и бѣдныя дѣвицы вновь осуждены прибѣгнуть къ этому дубовому русскому языку, на которомъ не выразишь никакого тонкаго чувства.

Впрочемъ, сословіе чиновниковъ—слабая сторона Крутогорска. Я не люблю его гостиныхъ. Я не люблю его гостиныхъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, все глядитъ какъ-то неуклюже. Но мнѣ отрадно и весело шататься по городскимъ улицамъ, особливо въ базарный день, когда онѣ кипятъ народомъ, когда всѣ площади завалены разнымъ хламомъ: сундуками, бураками, ведерками и проч. Мнѣ милъ этотъ общій говоръ толпы, онѣ ласкаютъ мой слухъ пуще лучшей итальянской аріи, несмотря на то, что въ немъ нерѣдко звучатъ самыя странныя, самыя фальшивыя ноты. Взгляните на эти загорѣлыя лица: они дышатъ умомъ и сметкою, и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то неподдѣльнымъ простодушіемъ, которое, къ сожалѣнію, исчезаетъ все больше и больше. Столица этого простодушія — Крутогорскъ. Вы

видите, вы чувствуете, что здѣсь человѣкъ доволенъ и счастливъ, что онъ простодушенъ и открытъ именно потому, что не для чего ему притворяться и лукавить. Онъ знаетъ, что, что бы ни выпало на его долю — горе ли, радость ли — все это его, его собственное, и не ропщетъ. Иногда только онъ вздохнетъ да промолвить: «Господи! кабы не было блохъ, да станovýchъ, чтобы это за рай, а не жизнь была!» — вздохнетъ и смирится предъ рукою Промысла, содѣлавшаго и Киѳерона, птицу сладкогласную, и гадовъ разныхъ.

Купечества въ Крутогорскѣ нѣтъ. Коли хотите, проживаютъ въ немъ такъ-называемые негоціанты, но они пробубнили до такой степени, что, кромѣ ношебнаго платья и неоплатныхъ долговъ, ничего не имѣютъ. Сгубила ихъ неосновательность разсудка, да пристрастіе къ пиджакамъ и крѣпкимъ напиткамъ. Пробовали было они, по началу, когда деньги еще кой-какія водились, на свой капиталъ торговать, да нѣтъ, не спорится! Сведетъ негоціантъ къ концу года счета — все убытокъ, а онъ ли, кажется, не трудился, на пристани съ лихими людьми ночи напролетъ не пропивывалъ, до послѣдней копейки въ картежъ не проигрывалъ, все въ надеждѣ увеличить родительское наслѣдіе! Не везетъ! Пробовали они и на комиссію закупы разнаго товара дѣлать, и тутъ оказались провинности: купить негоціантъ щетины, да для коммерческаго оборота въ нее песочку подсыплетъ, а не то хлѣбца такого поставить, чтобъ хрусту побольше ощуща-

лось — отказали и тутъ. Господи! совсѣмъ коммерціей заниматься нельзя.

Но вотъ наступаетъ воскресенье; весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ-будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обуздываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праздникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу, но духа времени измѣнить нельзя: «помилуйте, ваше превосходительство, это намъ не въ тягость, а въ сладость!»

— Сегодня отличная погода, говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ ея превосходительству.

Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

— Только жарко не множко-съ, отзывается уѣздный стряпчій, слегка привставая на креслѣ: — я, ваше превосходительство, потѣю....

— Какъ здоровье вашей супруги? спрашиваетъ ея превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замѣять разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи..

Ея превосходительство рѣшительно теряетъ.

Общее смущеніе.

— А у насъ, ваше превосходительство, говоритъ

Порфирій Петровичъ : — случилось на прошлой недѣлѣ обстоятельство. Получили мы изъ Рожновской палаты бумагу-съ. Читали мы, читали эту бумагу —ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ, нужная. Вотъ только и говоритъ Иванъ Кузмичъ: «позовемте, господа, архиваріуса — можетъ-быть онъ пойметъ.» И точно-съ, призываемъ архиваріуса, прочиталъ онъ бумагу. «Понимаешь? спрашиваемъ мы. — «Понимать не понимаю, а отвѣчать могу.» Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ-это бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако мы подписали и отправили.

Общій хохоть.

— Любопытно, говоритъ его превосходительство: — удовлетворится ли Рожновская палата?

— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? вѣдь имъ больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ: вотъ они возьмутъ да цѣликомъ нашу бумагу куда-нибудь и пропишутъ-съ, а то мѣсто опять пропишетъ-съ; такъ оно и пойдетъ...

Но я предполагаю, что вы лицо служащее и не заживаетесь въ Крутогорскѣ по долгу. Васъ посылаютъ по губерніи обревизовать, изловить и вообще сдѣлать полезное дѣло.

Дорога! сколько въ этомъ словѣ заключено для меня привлекательнаго! Особливо, въ лѣтнее теплое время, если притомъ предстоящіе вамъ переѣзды не утомительны, если вы не спѣша можете расположиться на станціи, чтобы переждать полуденный

зной, или же вечеромъ, чтобъ побродить по окрестности, — дорога составляетъ неисчерпаемое наслаждение. Вы лежа ѣдете въ вашемъ покойномъ тарантасѣ; маленькія обывательскія лошадки бѣгутъ бойко и весело, верстъ по пятнадцати въ часъ, а иногда и болѣе; ямщикъ, добродушный молодой парень, безпрестанно оборачивается къ вамъ, зная, что вы платите прогоны, а пожалуй и на водку дадите. Передъ глазами вашими разстилаются необозримыя поля, окаймляемые лѣсомъ, которому, кажется, и конца нѣтъ. Изрѣдка попадаетъ по дорогѣ починокъ изъ двухъ, трехъ дворовъ, или же одиноко стоящая сельская расправа, и опять поля, опять лѣсъ! земли-то, земли-то! то-то раздолье тутъ земледѣльцу! Кажется, и жилъ бы и умеръ тутъ, лѣнивый и безпечный, въ этой непробудной тишинѣ!

Однако, вотъ и станція; вы утомлены немного; но это — то пріятное утомленіе, которое придаетъ еще болѣе цѣны и сладости предстоящему вамъ отдыху. Въ ушахъ вашихъ еще остается впечатлѣніе звуковъ колокольчика, впечатлѣніе шума, производимаго колесами вашего экипажа. Вы выходите изъ вашего тарантаса и немного пошатываетесь. Но, черезъ четверть часа, вы снова бодры и веселы, вы идете бродить по деревнѣ, и передъ вами развертывается та мирная сельская идиллія, которой первообразъ такъ цѣльно и полно сохранился въ вашей душѣ. Съ горы спускается деревенское стадо; оно ужъ близко къ деревнѣ, и картина мгновенно оживляется; необыкновенная суэта про-

является по всей улицѣ; бабы выбѣгаютъ изъ избъ съ прутьями въ рукахъ, преслѣдуя тощихъ малорослыхъ коровъ; дѣвчонка лѣтъ десяти, также съ прутикомъ, бѣжитъ вся въ попыхахъ, загоняя теленка и не находя никакой возможности слѣдить за его своенравными скачками; въ воздухѣ раздаются самые разнообразныя звуки, отъ мычанья до визгливаго голоса тетки Арины, громко ругающейся на всю деревню. Наконецъ, стадо загнано, деревня пустѣетъ; только кое-гдѣ по завалинкамъ сидятъ еще старики, да и тѣ позѣвываютъ и постепенно, одинъ за другимъ, исчезаютъ въ воротахъ. Вы сами отправляетесь въ горницу и садитесь за самоваръ. Но — о чудо! — цивилизація и здѣсь преслѣдуетъ васъ! За стѣною вамъ слышатся голоса.

— Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ одинъ голосъ.

— Кого? отвѣчаетъ другой.

— Тебя?

— Меня-то?

— Ну да, тебя?

— Зовутъ-то?

— Ахъ, чтобъ тебя...

Раздаются аплодиссменты.

— Акимъ, Акимъ Сергѣевъ, торопливо отвѣчаетъ голосъ.

Ваше любопытство заинтересовано; **Вы** посылаете развѣдать, что происходитъ у васъ въ сосѣдяхъ, и узнаете, что еще передъ вами пріѣхалъ сюда становой для производства слѣдствія, да **вотъ** такъ-то день деньской и мается.

Вамъ внезапно дѣлается грустно, и вы поспѣшно велите закладывать лошадей.

И снова передъ вами дорога, снова свѣжій вѣтеръ нѣжитъ ваше лицо, снова обнимаетъ васъ тотъ прозрачный полумракъ, который на сѣверѣ замѣняетъ лѣтнія ночи. А полный мѣсяцъ кротко и мягко освѣщаетъ всю окрестность, надъ которою вьется, какъ паръ, легкій ночной туманъ...

Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ милъ твой просторъ и простодушіе твоихъ обитателей! И если перо мое нерѣдко коснется такихъ струнъ твоего организма, которыя издають непріятный и фальшивый звукъ, то это не отъ недостатка горячаго сочувствія къ тебѣ, а потому собственно, что эти звуки грустно и болѣзненно отдаются въ моей душѣ. Много есть путей служить общему дѣлу; но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не бесполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ. Смѣю думать, что всѣ мы, отъ мала до велика, видя ту упорную и непрестанную борьбу съ зломъ, предпринимаемую тѣми, въ рукахъ которыхъ хранится судьба Россіи, — всѣ мы обязаны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этой борьбѣ и облегчать ее.

...и не полагаясь
на свои силы, а на помощь Божию.
Итак, мы должны помнить, что
Бог — наш Отец, и мы должны
быть Ему послушны. А если мы
будем послушны Богу, то Он
будет с нами, и мы будем
спасены. А если мы не будем
послушны Богу, то мы будем
погибнуть. Итак, мы должны
быть Богу послушны, и тогда
мы будем спасены. А если мы
не будем послушны Богу, то мы
будем погибнуть. Итак, мы
должны быть Богу послушны.

ПРОШЛЫЯ ВРЕМЕНА

ИПОЛИПР ВРЕМЕНА

ПЕРВЫЙ РАЗКАЗЪ ПОДЪЯЧАГО

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

«... Нѣтъ нынче не то, что было въ прежнее время; въ прежнее время народъ какъ-то проще, любовнѣе былъ. Служилъ я теперича въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, триста рублей бумажками получалъ, семействомъ угнетенъ былъ, а не хуже людей жилъ. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-ѣсть надо, ну, и мѣсто давали такъ, чтобъ прокормиться было чѣмъ... А отчего? оттого, что простота во всемъ была, начальственное снисхожденіе было — вотъ что!

«Много было у меня въ жизни случаевъ, доложу я вамъ, случаевъ истинно любопытнѣйшихъ. Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ, ну, и жили мы тутъ, какъ у Христа за пазушкой; съѣдишь, бывало, въ годъ разъ, въ губернской городъ, поклонись чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтобъ подъ судъ попасть, или ревизіи тамъ какія-

нибудь, какъ нынче — все шло себѣ какъ по маслу. А вотъ вы, молодые люди, поди-ка чай думаете, что нынче лучше, народъ-дескать меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все это напрасно-съ; чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они и про экономію-то, и про благо-то общее начнутъ толковать, инда злость подъ сердце подступаетъ.

«Брали мы, правда, что брали — кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? да вѣдь и то сказать, лучше что ли денегъ-то не брать, да и дѣла не дѣлать? какъ возьмешь, оно и работать какъ-то сподручнѣе, поощрительнѣе. А нынче посмотрю я, все разговоромъ занимаются, и все больше на счетъ этого безкорыстія, а дѣла не видно.

«Жили мы въ тѣ поры, чиновники, всѣ промежь себя очень дружно. Не то чтобъ зависть или чернота какая-нибудь, а всякій другъ-другу совѣтъ и помощь даетъ. Проиграешь, бывало, въ картишки цѣлую ночь, все до чиста спустишь, — какъ быть? ну, и идешь къ исправнику. Батюшка, Демьянъ Ивановичъ, такъ и такъ, помощи! Выслушаетъ Демьянъ Ивановичъ, посмѣется начальнически: «вы молъ, такіе-сякіе, приказные, и деньгу-то сколотить не умѣете, все въ кабакъ, да въ карты!» А потомъ и скажетъ: «ну, ужъ нечего дѣлать, ступай въ Шарковскую волость подать собирать.» Вотъ и поѣдешь; подати-то не соберешь, а ребятишкамъ на молочишко будетъ.

«И вѣдь, какъ это все просто дѣлалось! не то чтобъ истязаніе или вымогательство какое-нибудь, а пріѣдешь — этакъ, соберешь сходъ. — Ну-моль, ребятушки, выручайте! царю-батюшкѣ деньги надобны, давайте подати.

«А самъ идешь-себѣ въ избѣ, да изъ окошечка посматриваешь: стоятъ ребятушки, да затылки почесываютъ. А потомъ и пойдеть у нихъ смятеніе, вдругъ всѣ заговорятъ и руками замахаютъ, да вѣдь съ часъ времени этакъ-то прохлажаются. А ты себѣ сидишь натурально въ избѣ, да посмѣиваешься, а часомъ и сотскаго къ нимъ вышлешь: «будеть-моль вамъ разговаривать — баринъ сердится». Ну, тутъ пойдеть у нихъ суматоха пуще прежняго; начнутъ жеребій кидать. Это значитъ дѣло идетъ на ладъ, порѣшили идти къ засѣдателю, не будетъ ли божеская милость обождать до заработковъ.

«— Э-э-эхъ, ребятушки, да какъ же съ батюшкой царемъ-то быть! вѣдь ему деньги надобны; вы хошь бы насъ, своихъ начальниковъ, пожалѣли!

«И все это ласковымъ словомъ, не то чтобъ по зубамъ, да за волосы: «Я-дескать взятку не беру, такъ вы у меня знай, каковъ я есть окружной!» — нѣтъ, этакъ лаской да жалѣньемъ, чтобъ насквозь его, сударь, прошибло!

«— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать!

«Ну, натурально, въ ноги.

«— Обождать-то, дляче не обождать, это все

въ нашихъ рукахъ, да за что жь я передъ начальствомъ въ отвѣтъ попаду? — судите сами.

«Пойдутъ ребята опять на сходъ, потолкуютъ, потолкуютъ, да и разойдутся по домамъ, а часика черезъ два смотришь, сотскій и несетъ тебѣ за пожданье по гривнѣ съ души, а какъ въ волости-то душъ тысячи четыре, такъ и выйдетъ рублевъ четыреста, а гдѣ и больше... Ну, и ѣдешь домой веселѣе.

«А то вотъ у насъ еще фортель какой былъ — это обыскъ повальный. Эти дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь-это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать; мало одной волости, такъ и другую прихватишь — всѣхъ тащи. Сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый — какъ есть на всѣ руки. Сгонять человѣкъ триста, ну, и лежатъ они на солнышкѣ. Лежатъ день, лежатъ другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ, а ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видятъ, что время уходитъ — полевая-то работа не ждетъ — ну, и начнутъ засылать сотскаго: «нельзя ли дескать явить милость, спросить въ чемъ слѣдуетъ?» Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего жь имъ удовольствіе не сдѣлать, а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ, другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ шалишь! по три пятака

дешевле не могли и думать. Покончивши это, и переспросишь ихъ всѣхъ скопомъ :

«— Каковъ молъ такой-то Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?

«— Мошенникъ, батюшка, что и говорить мошенникъ.

«— А вѣдь онъ лошадь-то у Морейя укралъ? онъ, ребята?

«— Онъ, батюшка, онъ должно.

«— А грамотные изъ васъ есть?

«— Нѣтъ, батюшка, какая грамота!

«Это говорятъ мужички повеселѣе : знаютъ, что, значить, отпускъ сейчасъ имъ будетъ.

«— Ну, ступайте съ Богомъ, да впередъ будьте умнѣе.

«И отпустишь черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпишь : сутки двое, трое сложа руки сидишь, кислый хлѣбъ жуешь... другой бы и жизнь-то всю проклялъ — ну, ничего такимъ манеромъ и не добудеть.

«Всему у насъ этому дѣлу учитель и заводчикъ былъ уѣздный нашъ лѣкарь. Этотъ человѣкъ былъ подлинно, доложу вамъ, необыкновенный, и на такія дѣла преостроумнѣйшій! Министромъ ему быть настоящее мѣсто по уму; одинъ грѣхъ былъ : къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, а такъ какое-то остервенѣніе. Увидить, бывало, графинъ съ водкой, такъ и задрожитъ весь. Конечно, и всѣ мы этого придерживались, да все же въ мѣру: сидишь-себѣ да

благодушествуешь, и много-много что въ подпитіи ; ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣры не зналъ, напивался даже до безобразія лица.

«— Я еще какъ ребенкомъ былъ, говоритъ, бывало : — такъ мамка меня съ ложечки водкой поила, чтобы не ревѣлъ, а семи лѣтъ такъ ужъ и родитель по стаканчику на день отпущать сталъ.

«Такъ вотъ этакой-то прѣйда и наставлялъ насъ всему.

«— Мое, говоритъ, братцы, слово будетъ такое, что никакого дѣла, будь оно самой Святой Пасхи святѣе, не слѣдуетъ дѣлать даромъ : хоть гривенникъ, а слупи, руки не порти.

«И ужъ выкидывалъ же онъ колѣна — утѣшенье вспомнить ! Утонулъ ли кто въ рѣкѣ, съ колокольни ли упалъ и расшибся — все это ему рука. Да и времена были тогда другія : нынче объ такихъ случаяхъ и дѣлъ заводить не велѣно, а въ тѣ поры всякое мертвое тѣло есть мертвое тѣло. И какъ бы вы думали : ну, утонулъ человѣкъ, расшибся ; кажется, какая тутъ корысть, чѣмъ тутъ попользоваться ? А Иванъ Петровичъ зналъ чѣмъ. Пріѣдетъ въ деревню, да и начнетъ утопленника-то пластать ; натурально, понятые тутъ, и фельдшеръ тоже, собака такая, что хуже самого Ивана Петровича.

«— А ну-ка ты, Гришуха, держи-ко покойника-то за носъ, чтобъ мнѣ тутъ ловчѣе рѣзать было.

«А Гришуха (изъ понятыхъ) смерть покойника боится, на пять сажень и подойти-то къ нему не смѣетъ.

«— Ослободи, батюшка Иванъ Петровичъ, смерть не могу, нутро измираетъ!

«Ну, и освобождаютъ, разумѣется, за посильное приношеніе. А то другаго заставляетъ внутренности держать; сами разсудите, кому весело мертвечину ослизлую въ рукѣ имѣть, ну, и откупаются полегоньку, анъ глядишь, и наколотилъ Иванъ Петровичъ рубликовъ десятокъ, а дѣло-то всепустяковое.

«Однако, и страхъ Божій тоже имѣлъ: убійцу или душегуба не покроетъ.

«— Вы, братцы, этого грѣха и на душу не берите, говоритъ, бывало: — за этакія дѣла и подъ судъ попасть можно. А вы мошенника-то откройте, да и себя не забывайте.

«— Да какъ же молъ это такъ, Иванъ Петровичъ? спрашиваемъ мы.

«— А вотъ какъ. Убійца-то онъ одинъ, да знакомыхъ да сватовей у него чуть не цѣлый уѣздъ; ты вотъ и поди перебирать всѣхъ этихъ знакомыхъ, да и преступника-то подмасли, чтобъ онъ побольше народу оговаривалъ: былъ молъ въ такомъ-то часу у такого-то крестьянина? не пошелъ ли отъ него къ такому-то? а часы выбирай тѣ, которые нужно... ну и привлекай и привлекай. Если уменъ, да дѣло знаешь, такъ много тутъ Божьяго народа спутать можно; а потомъ и начинай распутывать. Разумѣется, всѣ эти оговоры вздоръ и кончатся пустяками, да ты-то дѣло свое сдѣлалъ: и мужичка отъ напраслины очистилъ, и самъ сердечную благодарность получилъ, и преступника уличилъ.

«А то была у насъ и такая манера: заведешь, бывало, слѣдствіе, примѣрно хоть по конокрадству; облупишь мошенника, да ипустишь на волю. Смотришь, черезъ мѣсяцъ опять попался — опять слупишь и опять выпустишь. До тѣхъ, сударь, поръ этакъ дѣйствуешь, покуда на голубчикъ, что называется, лягушечьяго пуха не останется. Ну, тогда ужъ шалишь, любезный, ступай въ острогъ и взаправду. Оно, вы скажете, скверно преступника покрывать, а я вамъ доложу, что не покрывать, а примѣрно значить пользоваться обстоятельствами дѣла. Вѣдь мы знаемъ, что онъ нашихъ рукъ не минуетъ, такъ отчего жъ и не потѣшить его?»

«Жилъ у насъ въ уѣздѣ купчина, милліонщикъ, фабрику имѣлъ кумачную, большія дѣла велъ. Ну, хочь что хочешь! нѣтъ намъ отъ него прибыли, да и только! такъ держить ухо востро, что наподи. Развѣ только иногда чайкомъ поподчуеть, да бутылочку холодненькаго разопьеть съ нами — вотъ и вся корысть. Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить — не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

«Что жъ бы вы думали? Ыдемъ мы, однажды, съ Иваномъ Петровичемъ на слѣдствіе: мертвое тѣло нашли не подалеку отъ фабрики. Ыдемъ мы это мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ подлець, дескать, ни на какую штуку не лѣзетъ. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ

задумался, и какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ и думаю : выдумаетъ онъ что-нибудь, право, выдумаетъ. Ну, и выдумалъ. На другой день, сидимъ мы это утромъ и опохмѣляемся.

«— А что, говорить : — дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалить ?»

«— Да что ты, Иванъ Петровичъ, въ умѣ ли — двѣ тысячи !»

«— А вотъ увидишь ; садись и пиши.

«Свиногорскому 1-й гильдіи купцу Платону Степанову Троекурову вѣдѣніе. По показаніямъ такихъ-то и такихъ-то поселянъ (валяй больше) вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильственномъ убитіи съ таковыми же признаками безчеловѣчныхъ побоевъ, и притомъ рукою нѣкоего злодѣя, въ предшедшую предъ симъ ночь, скрылось въ фабричномъ вашемъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить.»

«— Да помилуй, Иванъ Петровичъ, вѣдь тѣло-то въ шалашѣ на дорогѣ лежитъ !»

«— Ужъ дѣлай, что говорятъ.

«Да только засвисталъ свою любимую *При дороженькѣ стояла*, а какъ былъ чувствителенъ, и не могъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и проследился немного. Послѣ я узналъ, что онъ и впрямь велѣлъ сотскимъ тѣло-то на время въ оврагъ куда-то спрятать.

«Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ на дворъ. Встрѣчаетъ насъ блѣдный весь.

«— Не угодно ли, молю, чаю, откушать?

«— Какой, братъ, тутъ чай, говоритъ Иванъ Петровичъ: — тутъ нечего чаю, а ты прудъ спущать вели.

«— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите!

«— Какъ разорять! видишь, слѣдствіе пріѣхали дѣлать — указъ есть.

«Слово за словомъ, купецъ видитъ, что шутки тутъ плохія, хочъ и впрямь прудъ спущай, заплатилъ три тысячи, ну, и дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючьями въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только я вамъ скажу, на угощеньи, когда ужъ были мы всѣ выпивши, и разкажи Иванъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было; вѣрите, такъ ли обозлилась борода, что даже зачоченѣлъ весь. Вѣдь этакое, подумаешь, ожесточеніе въ людяхъ бываетъ.

«Чудовый это былъ человѣкъ, нечего и говорить. За что ни возьмется, все у него такъ выходитъ, что любо-дорого смотрѣть. Кажется, пустая вещь оспо-прививанье, а онъ и тутъ сумѣлъ найдтись. Пріѣдетъ, бывало, въ расправу, и разложитъ всѣ эти аппараты: токарный станокъ, пила разная, подпилки, свѣрла, наковальни, ножи такіе страшнѣйшіе, что хоть быка ими рѣзать; какъ соберутъ на другой день бабъ съ ребятами — и пошла вся эта фабрика въ дѣйствіе: ножи точатъ, станокъ гремитъ, ребята режутъ, бабы стонутъ, хоть святыхъ вонъ понеси. А онъ себѣ важно этакъ похаживаетъ, трубочку

покуриваетъ, къ рюмочкѣ прикладывается, да на фельдшеровъ покрикиваетъ: «точи дескать во-стрѣе.» Смотрятъ глупыя бабы, да пуще воютъ.

«— Смотри, тетка, вѣдь совсѣмъ робенка-то изведетъ ножищемъ-то. Да и самъ-отъ вишь пьяный какой.

«Повоютъ-повоютъ, да и начнутъ шептаться, а черезъ полчаса смотришь, и выйдетъ всѣмъ одно рѣшеніе: дать кто-цѣлковый — ступай домой, а не дать, такъ всю руку на-прочь.

«И вѣдь не то чтобъ эти дѣла до начальства не доходили; доходили, сударь, и изловить его старались, да не на того напали — такія штуки отмачивалъ подъ носомъ у самого начальства, что только поми-раешь со смѣху. Былъ у насъ это рекрутскій наборъ объявленъ, ну, и Иванъ Петровичъ само собою живѣйшее тутъ участіе принималъ. Такіе случаи, доложу вамъ, самые были для него выгодные, и онъ смѣючись наборъ своимъ сѣнокосомъ звалъ. На ту пору былъ начальникомъ губерніи такой звѣрь, что у!!! (и въ старину такіе скареды прорывались). Вотъ и вздумалъ онъ поймать Ивана Петровича, и научи же онъ мѣщанинишку: «поди молъ ты къ лѣкарю, объясни, что вотъ такъ и такъ, состою на рекрутской очереди, не по сущей справедливости, семейство большое, не будетъ ли отеческой милости.» И прилагательнымъ снабдили, да такимъ, знаете, все полуимперіялами, такъ, чтобъ у лѣкаря нутро разгорѣлось, а за оградой и свидѣтели и все какъ слѣдуетъ устроено — погибъ Иванъ Петровичъ, да и все

тутъ. Только узналъ онъ объ этой напасти загодя, отъ нѣкотораго милостивца, и сидитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Ну, и подлинно, приходитъ—это мѣщанинишка, излагаетъ все обстоятельно, и прилагательное на столъ кладетъ. Какъ онъ все это разказалъ, какъ взбѣленился мой Иванъ Петровичъ, да на него.

«— Ка-а-къ! ты подкупать меня! да развѣ я фальшивую присягу—то принялъ! душѣ что ли я своей ворогъ, царствія небеснаго не хочу!

«Да какъ хватить кулакомъ по столу—золотушки—то и покатились по полу, а самъ еще пуще кричитъ:

«— Вонъ съ моихъ глазъ, анаѳема! гони его, вотъ такъ, въ шею его, кулаками—то въ загорбокъ!

«Мѣщанинишку выгнали, да на другой день не смотря и забрили въ присутствіи. А имперіальчики—то съ полу подняли! Ужь что смѣху—то у насъ было!

«Женился онъ самымъ, то есть, курьёзнѣйшимъ образомъ. Обѣщаль ему тестъ пять тысячъ, а какъ дѣло кончилось — не даетъ, да и весь тутъ балъ. И не то чтобъ денегъ у него не было, а такъ сквалыга былъ, разстаться съ ними жаль. Ждетъ Иванъ Петровичъ мѣсяцъ, ждетъ другой; каждой—то день жену бьетъ, а тестя непристойно обзываетъ — не беретъ. А деньги получать надо. Вотъ и слышимъ мы какъ—то: боленъ Иванъ Петровичъ, въ бѣлой горячкѣ лежитъ, на всѣхъ—это кидается, попадись подъ—руку ножикъ — кажется и зарѣжетъ совсѣмъ. И такъ, сударь, искусно онъ всю эту комедію поддѣлалъ, что и насъ всѣхъ жалость взяла. Жену билъ пуще

прежняго, изъ окошка, сударь, прыгалъ, по улицамъ въ развращенномъ видѣ бѣгалъ. Вотъ, покуралесивши этакъ съ недѣлю, выходитъ онъ однажды ночью и прямо въ домъ къ тестю, а въ рукахъ у него по пистолету.

«— Ну, говоритъ, подавай теперь деньги, а не то, видитъ Богъ, пришибу.

«Старикъ перепугался.

«— Ты, говоритъ, думаешь, что я и впрямь съ ума спятилъ, такъ нѣтъ же, все это была штука. Подавай, говорю, деньги, или прощайся съ жизнью; меня, говоритъ, на покаянье пошлютъ, потому что я не въ своемъ умѣ — свидѣтели есть, что не въ своемъ умѣ, — а ты въ могилкѣ лежать будешь.

«Ну, конечно-съ, тутъ разговаривать нечего: хочъ и ругнулъ его тесть, можетъ и чести коснулся, а деньги все-таки отдалъ. На другой же день Иванъ Петровичъ ни въ чемъ не бывало, и долго отъ насъ таился, да ужъ послѣ, за пуншикомъ, всю исторію разказалъ, какъ она была.

«И не себя одного, а и насъ грѣшныхъ неоднократно выручалъ Иванъ Петровичъ изъ бѣды. Приѣзжала, однажды, къ намъ въ уѣздъ особа, не то чтобъ для ревизіи, а такъ поглядѣть.

«Однако, пошли тутъ просьбы да кляузы разныя какъ водится, и все больше на одного засѣдателя. Особа была добрая, однако рязсвирѣпѣла. «Подать, говоритъ, мнѣ этого засѣдателя.»

«А онъ, по счастью, былъ на ту пору въ уѣздѣ, на слѣдствіи, какъ разъ съ Иваномъ Петровичемъ.

Вотъ и дали мы имъ знать, что будутъ завтра у нихъ ихъ сіятельство, такъ имѣли бы это въ предметъ, потому-что вотъ такъ и такъ, такія-то молъ ихъ сіятельство рѣчи держатъ. Струсилъ нашъ засѣдатель, сконфузился такъ, что и желудкомъ слабѣть началъ.

«— А что, говоритъ Иванъ Петровичъ: — что дашь? выручу изъ бѣды.

«— Да жизни не пожалѣю, Иванъ Петровичъ, будь благодѣтель.

«— Что мнѣ, братъ, въ твоей жизни, а ты говори дѣло. Выручать такъ выручать, а не то выпутывайся самъ, какъ знаешь.

«Сторговались они, а на другой день и пріѣзжаютъ ихъ сіятельство ранехонько. Ну и мы, то-есть весь земскій судъ, натурально тутъ, всѣ въ мундирахъ; одного того засѣдателя нѣтъ, котораго нужно.

«— А гдѣ засѣдатель Томилкинъ? спрашиваютъ ихъ сіятельство.

«— Имѣю честь явиться, отвѣчаетъ Иванъ Петровичъ.

«Мы такъ и похолодѣли.

«А ихъ сіятельство и не замѣчаютъ, что мундиръ-то совсѣмъ не тотъ (даже мундира не перемѣнилъ, такъ натуру-то зналъ): зрѣніе, должно полагать, слабое имѣли.

«— На васъ, говорятъ ихъ сіятельство, — множество жалобъ и притомъ такихъ, что мало васъ за всѣ эти дѣла повѣсить.

«— Невинно, видитъ Богъ, невинно, оклеветали

меня враги передъ вашимъ сіятельствомъ ; осмѣлюсь униженно просить выслушать меня, и надѣюсь вполнѣ оправдаться, но при свидѣтеляхъ ощущаю робость.

«Ихъ сіятельство уважили; пошли они это въ другую комнату; цѣлый часъ онъ тамъ объяснялъ: что и какъ — никому неизвѣстно; только вышли ихъ сіятельство изъ комнаты очень ласковы, даже приглашали Ивана Петровича къ себѣ, въ Петербургъ, служить, да отказался онъ тѣмъ, что скромнѣе и столичнаго образованія не имѣетъ.

«А вѣдь и дѣлъ-то онъ тѣхъ въ совершенствѣ не зналъ, о которыхъ его сіятельству докладывалъ, да на остроуміе свое понадѣялся и не напрасно.

«Одинъ былъ грѣхъ на его душѣ, великій грѣхъ — инородца загубилъ. Вотъ это какъ было. Уѣздъ нашъ, извѣстно вамъ, господа, лѣсной, и все больше живутъ въ немъ инородцы. Народъ простодушнѣйшій все и зажиточный. Только ужъ очень неопратно себя держатъ, и болѣзни это у нихъ иностранныя развелись такъ, что изъ рода въ родъ переходятъ. Убьютъ они это зайца, шкуру съ него сдерутъ, да такъ не потроша и кидаютъ въ котелъ варить, а котелъ-то не чищенъ какъ сдѣланъ; одно слово, смрадъ нестерпимый, а они ничего, ѣдятъ все это мѣсиво съ аппетитомъ. Съ одной стороны, и не стоить этакій народъ, чтобъ на него вниманіе обращать: и глупъ-то, и не образованъ, и не чистъ — такъ, истуканъ какой-то. Вотъ ходилъ одинъ инородецъ бѣлку стрѣлять, да и угоразди его какимъ-то манеромъ невзначай плечо себѣ прострѣлить. Хорошо.

Само собой, слѣдствіе ; ну, невзначай такъ невзначай, и судъ уѣздный рѣшилъ дѣло такъ, что предать моль это обстоятельство волѣ Божьей, а мужика отдать на излѣченіе уѣздному лѣкарю. Получилъ Иванъ Петровичъ указъ изъ суда — скучно ѣхать, даль ужасная ! — однако, вспомнилъ, что мужикъ зажиточный, недѣли съ три пообождалъ, да какъ случилось въ той сторонѣ по службѣ быть, и къ нему за одно заѣхалъ. А у того, между тѣмъ, и плечо-то совсѣмъ зажило. Пріѣхалъ теперича, прочиталъ указъ.

«— Раздѣвайся, говоритъ.

«— Да у меня, бачка, плечомъ совсѣмъ здоровъ, говоритъ мужикъ : — ужь пятымъ недѣлемъ здоровъ.

«— А это видишь ! видишь, идолопоклонникъ ты такой, указъ, видишь, лѣчить тебя велѣно ?

«Дѣлать нечего, раздѣлся мужикъ, а онъ ему и ну по живому-то мѣсту ковырять. Реветь дуракъ благимъ матомъ, а онъ только смѣется да бумагу показываетъ. Тогда только кончилъ, какъ тотъ три золотыхъ ему отдалъ.

«— Ну, говоритъ, Богъ съ тобой.

«Понадобились Ивану Петровичу опять деньги, онъ опять къ инородцу лѣчить, да такимъ манеромъ больше году его томилъ, покуда всѣхъ денегъ не высосалъ. Исхудалъ мужичонка, не ѣстъ не пьетъ — бредитъ лѣкаремъ. Однако, какъ замѣтилъ, что тутъ взятки-то гладки, пересталъ ѣздить. Отдохнулъ мужикъ и смотрѣть веселѣе сталъ. Вотъ однажды и случилось какому-то чиновнику, совсѣмъ посто-

роннему, проѣзжать мимо этой деревни, и спроси онъ у поселянъ, какъ молъ живетъ такой-то (его многіе чиновники, по хлѣбосольству, знавали)? Вотъ и говорятъ мужику, что тебя молъ какой-то чиновникъ спрашивалъ. Чтò жь, сударь? представься ему, что это опять лѣкаръ лѣчить его хочетъ; пошелъ домой, ничего никому не сказалъ, да за-ночь и удавился.

«Ну, это, я вамъ доложу, точно грѣхъ живую душу такимъ родомъ губить. А по прочему по всему, чудовый былъ человѣкъ, и прегостепріимный — послѣ, какъ умеръ, нечѣмъ похоронить было: все, чтò ни нажилъ, все прогулялъ! Жена до сихъ поръ по-міру ходитъ, а дочери — ужь Богъ ихъ знаетъ! — кажись по ярмонкамъ ѣздить: изъ себя очень красивы.

«Такъ вотъ-съ какіе люди бывали въ наше время, господа; это не то, что грубые взяточники или съ большой дороги грабители; нѣтъ, все народъ — аматёръ былъ. Намъ и денегъ, бывало, не надобно, коли сами въ карманъ лѣзутъ; нѣтъ, ты подумай да прожектъ составь, а потомъ и пользуйся пожалуй.

«А нынче чтò! нынче, пожалуй, говорятъ, и съ откупщика не бери. А я вамъ доложу, что это одно вольнодумство. Это все единственно, что деньги на дорогѣ найти, да не воспользоваться... Господи!»

— Какъ же вы-то попались, Прокофій Николаичъ, если въ ваше время все такъ счастливо сходило?

— Охъ, ужъ и не говорите! на такомъ дѣлѣ попался, что совѣстно сказать — на мертвомъ тѣлѣ. Эта у насъ музыка-то по нотамъ разыгрывалась, а меня на ней-то и попуталъ лукавый. Дѣло было зимнее; мертвое-то тѣло надо было оттаять; вотъ и повезли мы его въ что ни-на-есть большую деревню, ну, и начали, какъ водится, по домамъ возить да отсталаго собирать. Возили, возили, покуда осталась одна только изба: солдатка-вдова тамъ жила; той и заплатить-то нечего было — ну, тамъ мы и оставили тѣло. Собрали на другой день понятыхъ, ну, и тутъ, разумѣется, покорыстоваться желалось: такъ чтобъ не разошлись они по домамъ, мы и отобрали у нихъ шапки, да въ избу и заперли. Только не совсѣмъ осторожно это дѣло соорили, больно многіе это запримѣтили. А нату пору у насъ губернаторъ — такая ли собака былъ, и теперь еще его помню, чтобъ ему пусто было. Сейчасъ это отрѣшили отъ должности, и пошла писать. Уличить-то меня доподлинно не уличили, а обпакостили всего да суду предали. И вѣрите ли, вѣдь знаю я, что меня *учинятъ отъ дѣла свободнымъ*, потому что уликъ прямыхъ нѣтъ, — такъ нѣтъ же, злодѣи, истомили всего. Лѣтъ десять все волочатъ: то справки забираютъ, то слѣдствіе дополняютъ. А я вотъ сиди безъ хлѣба да жди у моря погоды.

ВТОРОЙ РАЗКАЗЪ ПОДЪЯЧАГО

«А вотъ городничій у насъ былъ — этотъ другаго сорта былъ мущина, и подлинно гусь лапчатый назваться можетъ. Прозывался онъ Фейеромъ, родомъ былъ изъ Нѣмцевъ; изъ себя не то чтобъ видный, а больше жилистый, бѣлокурый и суровый. То и дѣло, бывало, брови насупливаетъ, да усами шевелить, а разговариваетъ совсѣмъ мало. Ужь это, я вамъ доложу, самое послѣднее дѣло, коли человѣкъ бѣлокурый да суровъ еще: отъ такого ни въ чемъ пардону себѣ не жди. Снаружи-то онъ будто и не злобствуетъ, да и внутри, можетъ, нѣтъ у него на тебя негодованія, однако хуже этого человѣка на всемъ свѣтѣ не сыщешь: весь какъ есть злющій. Ужь что забралъ себѣ въ голову — не выбьешь оттоль никакими средствами, хошь рѣжь ты его на куски. Ужь на что Иванъ Петровичъ, а и тотъ его побаивался. Говорилъ онъ басомъ, какъ-будто съ просонья, и

все этакъ кратко — одно-два слова, больше изо рта не выпустить. А на дѣла и на всю эту полицейскую механику былъ предошлый: готовъ ни ѣсть, ни пить цѣлыя сутки, пока всего дѣла не придѣлаетъ. Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь — онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку советъ, да ею же кого слѣдуетъ и удавить.

«По той единственно причинѣ, ему всѣ его противоестественности съ рукъ и сходили, что человекъ онъ былъ золотой. Напишутъ—это изъ губернии —рыбу непременно къ именинамъ надо, да такая чтобъ была рыба, китъ не китъ, а около того. Мечется Фейеръ какъ угорѣлый, мечется и день и другой —есть рыба, да все не такая, какъ надо: то съ рыла вся въ именинника вышла, скажутъ личность, то молоко мало, то перомъ не выходитъ, величественности настоящей не имѣетъ. А у насъ въ губернии любятъ, чтобъ каждая вещь въ своемъ то—есть видѣ была. Задумается Фейеръ, да и засадитъ всѣхъ рыболововъ въ сибирку. Тѣ чуть не плачутъ.

«— Да помилуй, ваше благородіе, гдѣ жъ возьмешь эку рыбу?

«— Гдѣ? а въ водѣ?

«— Въ водѣ—то, знамо дѣло, что въ водѣ; да гдѣ ее искать—то въ водѣ?

«— Ты рыболовъ? говори, рыболовъ ли ты?

«— Рыболовъ—то я точно, что рыболовъ...

«— А начальство знаешь?

«— Какъ не знать начальства, завсегда знаемъ.

«— Ну, слѣдственно...

«И являлась рыба, и такая именно, какъ быть слѣдуетъ, во всѣхъ статьяхъ.

«Или, бывало, вотъ желательно губерніи передъ начальствомъ отличиться. Пишутъ Фейеру изъ губерніи, былъ чтобъ бродяга, и такой бродяга, чтобы въ носъ бросилось. Вотъ и начнетъ Фейеръ по городу рыскать, и все нюхаетъ, къ огонькамъ присматривается, нѣтъ ли гдѣ сборища.

«Попадаются все больше бабы.

«— Откуда? спрашиваетъ Фейеръ.

«— Да я, ваше благородіе, оттуда, изъ села изъ того...

«— Откуда? повторяетъ Фейеръ.

«— А вотъ, ваше благородіе, по сиротству, по четвертому годку отъ родителей осталась...

«— Обыскать ее!

«Однако, отъ начальства настояніе, а объ старухѣ какой-нибудь, безногой, докладывать не осмѣливается. Вотъ и нападетъ уже онъ, подъ конецъ, на странника заблудшаго, такъ бродягу безталаннаго.

«— Ты, говоритъ, кто таковъ?

«— А я, ваше благородіе, съ малолѣтствія по своей охотѣ суету мірскую оставилъ и странникомъ нарекаюсь; отецъ у меня Царь Небесный, мать — сыра земля; скитался я въ лѣсахъ дремучіихъ со звѣрьми дикіими, въ пустыняхъ жилъ со львы люты-

ими; слѣпъ былъ и прозрѣлъ, нѣмъ — и возглаго-
лалъ. А болѣе ничего вашему благородію объяснить
не могу, по той причинѣ, что самъ объ себѣ свѣ-
дѣній никакихъ не имѣю.

«— А это что?

«Возьметъ онъ сумку странническую, а тамъ все
цвѣтнички да записочки разныя, а въ записочкахъ-
то ужъ чего-чего не наврано! И «горняго-то Іеру-
салима жителю», и «райскаго житія ревнителю», и
«паче звѣздъ небесныхъ добродѣтелями изукра-
шенному»!

«— Это что? спрашиваетъ Фейеръ.

«— А это такъ-съ, ваше благородіе, намеренъ
на базарѣ ходить, такъ въ снѣгу въ тряпочкѣ
нашелъ-съ.

«— Маршъ!

«Повлекутъ раба Божія въ острогъ, а на другой
день и идетъ въ губернію пространное донесеніе,
что вотъ такъ и такъ, имѣя неусыпное попеченіе
о благоустройствѣ города — и пошла писать. И
чего не напишетъ! И изувѣрство, и дѣятельныя
сношенія съ единомышленниками, и плевелы, и
жатва, все тутъ есть.

«Случалось и мнѣ ему въ этихъ дѣлахъ содѣйст-
вовать—истинно-съ диву дался. Выберемъ, знаете,
время — сумеречки, понятыхъ возьмемъ, сотскихъ
человѣкъ пятокъ, да и пойдемъ съ обыскомъ. И всѣ
въ разсыпную, будто каждый по своему дѣлу. Какъ
подходишь, гдѣ всему происшествію быть слѣдуетъ,
такъ не то чтобъ прямо, а бочкомъ да ползкомъ про-

бираешься, и сердце-то у тебя словно упадетъ, и въ роту сушить станетъ. Ворота и ставни—все наглухо заперто. Походитъ Фейеръ около дома, прищепитъ скважинку и начнетъ высматривать, а мы всѣ стоимъ, молчимъ, не шелохнемся. Собака начнетъ ворчать, а у него и хлѣбца въ рукѣ есть — и опять все затихнетъ. Какъ все заприимѣтитъ, что ему нужно, — ну, и велитъ въ ворота стучаться, а самъ покуда все въ скважинку высматриваетъ.

«— Кто тутъ? кричатъ изнутри.

«— Городничій.

«Извѣстное дѣло, смятеніе; начнутъ весь свой припасъ прятать, а ему все и видно. Отопрутъ, наконецъ. Стоять они всѣ блѣдные; бабы, которыя помоложе, тѣ больше дрожатъ, а старухи такъ совсѣмъ воютъ. И ужъ всѣ-то онъ углы у нихъ обшаритъ, даже въ печкахъ любопытствуетъ, и все оттоль повытаскаетъ.

«Съ молоду, однако, жизнь его совсѣмъ не такая была. Отецъ у него былъ человѣкъ богатый и дворянинъ, и нашему Фейеру, сказываютъ, восемьсотъ душъ оставилъ. Однако, онъ недолго съ ними носился; годика черезъ два всѣ спустилъ. И не то чтобъ на что-нибудь путное, а такъ все прахомъ пошло. Служилъ онъ гдѣ-то въ гусарахъ — ну, на жидовъ охоту имѣлъ: то возьметъ да собаками жида затравитъ, то посадить его по горло въ ящикъ съ помоями, да надъ головой-то саблей и махаетъ, а не то еще заложить ихъ тройкой въ бричку, да и разъѣзжаетъ до тѣхъ поръ, пока всю тройку не

загонить. Такимъ-то родомъ и прожилъ онъ все, да какъ остался безъ хлѣба, такъ откуда и умъ взялся. Такой ли звѣрь сдѣлался, что Боже упаси.

«Женатъ онъ не былъ, а жила съ нимъ дѣвица не дѣвица, а просто мадамъ. Звали ее Каролиной, и ужъ я вамъ доложу, этакой красоты я и не привидывалъ. Не то чтобъ полная была или краснощекая, какъ наши барыни, а тонкая, да бѣленькая вся, словно будто прозрачная. Глаза у ней были голубые, да такіе мягкіе, да ласковые, что, кажется, звѣрь лютый — и тотъ бы не выдержалъ — укротился. И подлинно, грѣхъ сказать, чтобъ онъ ея не любилъ, а больше такъ все объ ней одной и въ мысляхъ держалъ. Извѣстно, могла бы она и попридерживать его при случаѣ, да ужъ очень смирна была; ну, и онъ тоже осторожность имѣлъ, во всѣ эти дразги ее не вмѣшивалъ. Пріѣдетъ, бывало, домой весь измученный и пойдетъ къ ней. И сдѣлается такой, сударь, ласковый, да нѣжный: — «Каролинхенъ, да Каролинхенъ,» и все это ей ручки цѣлуетъ и головку гладить. Или возьметъ гитару и начнетъ нѣмецкія пѣсни пѣть, — оба и плачутъ сидятъ. Выходить, у всякаго человѣка такой есть пунктъ, что съ своей дороги его сбиваетъ.

«Присланъ былъ къ намъ Фейеръ изъ другаго города за отличіе, потому что нашъ городъ торговый и на рѣкѣ судоходной стоитъ. Передъ нимъ былъ городничій старикъ, и такой слабый да добрый. Осѣдлали его здѣшніе граждане. Вотъ пріѣхалъ Фейеръ на городничество, и сзываетъ всѣхъ завод-

чиковъ (а у насъ ихъ не мало, до пятидесяти штукъ въ городъ-то).

«— Вы молъ такъ и такъ, платили старику по десяти рублевъ, ну, а мнѣ, говорить, этого мало; я, говорить, на десять рублевъ наплевать хотѣлъ, а надобно мнѣ три бѣленькихъ съ cadaго хозяина.

«Такъ куда тебѣ, и слушать не хотятъ.

«— Видали мы-ста этихъ щелкоперовъ...

«Онъ было вспыхнулъ.

«— Ну, говорить, такъ не хотите по три бѣленькихъ?

«— Пять рубликовъ, кричатъ: — ни копѣйки больше.

«— Ладно, говорить.

«Черезъ недѣлю глядь, что ни-на-есть къ первому кожевному заводчику съ обыскомъ: «кожи-то молъ у тебя краденныя.» Краденныя не краденныя, однако откуда взялись, и у кого купилъ, заводчикъ объясниться не могъ.

«— Ну, говорить: — не давалъ трехъ бѣленкихъ, давай пятьсотъ.

«Тотъ было ужъ и въ ноги, нельзя ли поменьше, такъ куда-тебѣ, и слушать не хочетъ.

«Отпустилъ его домой, да не одного, а съ сотскимъ. Принесъ заводчикъ деньги, да все думаетъ, не будетъ ли милости, не согласится ли на двѣсти рублевъ. Сосчиталъ Фейеръ деньги и положилъ ихъ въ карманъ.

«— Ну, говорить, принеси остальные триста.

«Опять кланяться сталъ купецъ, да нѣтъ, одере-

венѣлъ человѣкъ, какъ одеревенѣлъ, твердитъ одно и то же. Попробовалъ еще сотню принесть, и ту въ карманъ положилъ, и опять:

«— Остальные двѣсти!

«И не выпустилъ—таки изъ сибирки, доколѣ всѣ сполна не заплатилъ.

«Видятъ парни, что дѣло дрянъ выходитъ: и камнями—то ему въ окна кидали, и ворота дегтемъ по ночамъ обмазывали, и собакъ цѣпныхъ отравляли —нейметъ ничего! Раскаялись. Пришли съ повинной, принесли по три бѣленькихъ, да не на того напали.

«—Нѣтъ, говоритъ: — не дали, какъ самъ просилъ, такъ не надо жъ мнѣ ничего коли такъ.

«Такъ и не взялъ: смекнулъ, видно, что по разнотѣ—то складнѣе, нежели скопомъ.

«Какъ сейчасъ помню я, пріѣхалъ къ намъ въ городъ сынокъ купеческій къ роднымъ погостить. Ну, все это ему ни по чемъ, цыгары, теперича, не цыгары, лошади не лошади, польто не польто — кути душа! Соберетъ это женскій полъ, натопитъ въ комнатѣ да и дебоширствуетъ. Не понутру это Фейеру — потому что на счетъ чего другаго, а на счетъ нравственности левъ былъ! —однако терпитъ—сидитъ. Видитъ купчикъ, что ничего, все ему поблажаетъ, онъ и тонъ задавать началъ. Стали доходить до городничаго слухи, что онъ и тамъ и въ другомъ мѣстѣ чести его касался. «Я—моль», говоритъ: «и любовницу—то его куплю, какъ захочу; слышь вы, дѣвки, желательно вамъ, чтобъ

городничій танціи разныя представлялъ? это намъ все наплевать; пошлемъ двѣ сотни и сдѣлаемъ себѣ удовольствіе!»

«Молчитъ Фейеръ, только усами какъ тараканъ шевелить, словно обнюхиваетъ, чѣмъ пахнетъ. Вотъ и приходитъ какъ-то купчикъ въ гостинный дворъ въ лавку, а въ зубахъ у него цыгарка. Вошелъ онъ въ лавку, а городничій въ другую рядомъ: слѣдилъ ужъ онъ за нимъ шибко, ну, и свидѣтели на всякій случай тутъ же. Перебираетъ молодецъ товары, и все швыряетъ, все не по немъ, скверно да непотребно, да и все тутъ, и ресунокъ не тотъ и доброта скверная, да ужъ и что это за городъ такой, что чай и ситцу порядочнаго найдтить нельзя.

«Ну, купецъ ему и то и сѣ и разные резоны говорить.

«— Ты, говоритъ, молодецъ, не буйань, да цыгарку-то кинь, не то, чего добраго, городничій увидить.

«— А плевать я, говоритъ: — на вашего городничаго....

«Въ эвто въ самое время какъ быть къ вечернѣ ударили.

«— Ты бы, говоритъ лавочникъ, — хоть Бога-то побоялся бы, да лобъ-отъ перекрестилъ: слышь къ вечернямъ звонять...

«А онъ, замѣсто отвѣта, такое, сударь, тутъ загнулъ, что и хмѣльному не выговорить.

«Оборачивается, а Фейеръ тутъ какъ тутъ, словно изъ земли выросъ.

«— Не угодно ли, говоритъ: — вамъ повторить то, что вы сейчасъ сказали?»

«— Я... я ничего не говорилъ, ей-Богу не говорилъ...

«— Православные! слышали?»

«— Слышали, ваше высокоблагородіе.

«— Маршъ!

«На другой день разказываетъ намъ городничій всю эту исторію.

«— Поздравьте, говоритъ, — меня съ крестникомъ. Что бы вы думали? двѣ тысячи взялъ, да изъ городу черезъ два часа велѣлъ выѣхать: «чтобъ и духу молъ твоего здѣсь не пахло.»

«А то еще вотъ какой случай былъ. Умеръ у насъ въ городѣ купецъ, и купецъ, знаете, не изъ мелконькихъ. Служилъ онъ какъ-то въ городѣ головой-ли, бургомистромъ-ли, доподлинно теперь не упомню, только мундирчика, по закону, не выслужилъ. Ну, родственники, сами изволите вѣдать, народъ безобразнѣйшій, въ законѣ не искусились: гдѣ же имъ знать, что въ правилѣ и что не въ правилѣ? Вотъ, сударь мой, и рѣшили они семейнымъ совѣтомъ похоронить покойника во всемъ паратѣ. Пронюхалъ сначала всю эту штуку стряпчій. Человѣкъ этотъ былъ паче пса голоднаго и Фейеромъ употреблялся больше за тѣмъ, что молъ ты только задери, а я тамъ обдѣлаю дѣло на свой манеръ. Приходитъ онъ къ городничему и разказываетъ, что вотъ такъ и такъ «желаетъ дескать борода въ землю въ мундирѣ лечь, по закону же не имѣетъ на то ни

малѣйшаго права ; такъ не угодно ли вамъ будетъ, Густавъ Карлычъ, принять это обстоятельство къ соображенію ? »

« — Можно, говоритъ : — валяй отношеніе .

« А купчину тѣмъ временемъ и въ церковь ужъ вынесли . . . Ну-съ и взяли они тутъ, сколько было желательно, а купца такъ въ паратѣ и схоронили . . .

« А впрочемъ, мы, чиновники, этого Фейера не любили . Первое дѣло, онъ насъ передъ начальствомъ исполнительностью въ сумнѣнье приводилъ , а второе , у него все это какъ-то ужъ больно просто выходило , — такъ, ломить нахрапомъ съ плеча, да и все . Что жъ и за удовольствіе этакъ-то служить !

« Однако въ городѣ эти купчишки да мѣщанишки лѣтъ десять съ нимъ маялись-маялись, и, вѣрите ли, полюбили подъ конецъ . Намъ, говорятъ, лучше городничаго и желать не надо . Привычка-съ . »

НЕПРІЯТНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ

Вы послушайте, ребята,
Какъ живали при Аскольдѣ!

(Изъ оперы «Аскольдова могила».)

Темно. По улицамъ уѣзднаго городка Черноборска, несмотря на густую и клейкую грязь, безпрестанно снуютъ экипажи самыхъ странныхъ видовъ и свойствъ. Городничій уже разъ десять, въ теченіе трехъ часовъ, успѣлъ побывать у подъѣзда ярко-освѣщеннаго каменнаго дома, чтобы освѣдомиться о здоровьи генерала. Отвѣтъ былъ, однакожь, всякій разъ одинъ и тотъ же: «его высокородіе изволятъ еще почивать».

— Такъ вы ужь, пожалуста, имъ напомните, какъ они встанутъ, говорилъ городничій Ѳедору, камердинеру его высокородія.

— Ужъ это безпремѣнно-съ, отвѣтствовалъ Ѳедоръ: — они завсегда у насъ въ послушаньи...

— Такъ я ужь буду въ надеждѣ-съ...

Городничій, Дмитрій Борисычъ Желваковъ, доб-

рый, крѣпенькій и кругленькій, но до крайности робкій старичекъ. Провинностей за нимъ особенныхъ не водилось, кромѣ того, что за столъ онъ садился всякій день самъ—двадцать, по случаю немѣрнаго количества дочекъ, племянницъ и другихъ сиротъ—родственниковъ. За обѣдомъ всегда бывало весело, а послѣ обѣда вся семья отправлялась, на длинныхъ дрогахъ, кататься по городу. Это бы еще ничего; Дмитрій Борисычъ очень хорошо зналъ, что начальство не только разрѣшаетъ, но даже поощряетъ невинныя занятія, и потому не мѣшалъ предаваться имъ мамолѣтнымъ членамъ своего семейства. Но на бѣду вмѣшались тутъ пожарныя лошади. Сами ли эти невинныя твари получили навремя даръ слова, или осунувшіяся ихъ ребра краснорѣчивѣе языка докладывали о труженическомъ существованіи, которое владѣльцы ихъ, — неизвѣстно. Извѣстно только, что его высокородіе какимъ—то образомъ объ этомъ обстоятельстве провѣдалъ. Обозрѣвая опрятность въ городѣ, его высокородіе счелъ долгомъ заѣхать и на пожарный дворъ.

— Это чтò? спросилъ онъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ, когда вывели лошадей.

Дмитрій Борисычъ растерялся и озирался во всѣ стороны, не сообразивъ вдругъ вопроса.

— Это чтò? повторилъ его высокородіе.

— Это... лошади—съ! отвѣчалъ смущенный городничій.

— То-то «лошади!» произнесъ его высокородіе, и сдѣлавши олимпическій жестъ пальцемъ, сѣлъ въ экипажъ.

Я всегда удивлялся, сколько краснорѣчія нерѣдко заключаетъ въ себѣ одинъ палецъ истиннаго администратора. Городничіе и исправники извѣдали на практикѣ всю глубину этой тайны; что же касается до меня, то до тѣхъ поръ, покуда я не сдѣлался литераторомъ, я ни о чемъ не думалъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ о возможности сдѣлаться, посредствомъ какого-нибудь чародѣйства, указательнымъ пальцемъ губернаторскимъ или хотъ его правителя канцеляріи.

Его высокородіе былъ въ сущности очень добрый господинъ. Тѣлосложенія онъ былъ хлипкаго, имѣлъ румяныя щеки и густые сѣдые волосы. Это послѣднее обстоятельство, по моему мнѣнію, однакоже, сильно противорѣчило добродушному выраженію лица Алексѣя Дмитрича (такъ звали его высокородіе). Неизвѣстно почему, я съ самаго малолѣтства не могу себѣ вообразить добродѣтель иначе, какъ въ видѣ плѣшиваго старца съ немного телячьимъ выраженіемъ въ очахъ. По свойственной чело-вѣчеству слабости, его высокородіе не прочь былъ иногда задать головомойку, и вообще учинить такое невѣжество, отъ котораго затряслись бы поджилки у подчиненнаго. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ по дѣлу о пожарныхъ лошадяхъ. Алексѣй Дмитричъ очень хорошо сознавалъ, что, на мѣстѣ Желвакова, онъ бы и не такъ еще упарилъ лошадей, но

порядокъ службы громко вопіялъ о мылѣ и щелокѣ, и мыло и щелокъ были употреблены въ дѣло.

Тѣмъ не менѣе, когда Дмитрію Борисычу объяснили добрые люди, по какой причинѣ его высокородіе изволилъ тыкать пальцемъ, онъ впалъ въ ипохондрію. Съ нимъ приключился даже феноменъ, который, навѣрное, ни съ кѣмъ никогда не приключался. И именно, ощущая себя въ совершенно бордственномъ состояніи, онъ вдругъ увидѣлъ сонъ, ужасный, но настоящій сонъ. Случилось съ нимъ это приключеніе въ то самое время, когда онъ, послѣ посѣщенія его высокородія, стоялъ посреди пожарнаго двора, растопыривши, какъ слѣдуетъ, руки въ видѣ оправданія. Въ послѣдствіи, онъ самъ любилъ разказывать объ этомъ необыкновенномъ случаѣ, но считая его за дьявольское навожденіе, всякій разъ отплевывался съ глубокимъ омерзѣніемъ.

— Стою я это, и вижу вдругъ, что будто передо мною каторга, и ведутъ будто меня, сударь, сѣчь, и кнутъ будто тотъ самый, которымъ я стегалъ этихъ лошадей — чтобъ имъ пусто было! Только я будто палъ, сударь, на колѣни, и прошу, знаете, пощады. «Нѣтъ, говоритъ, тебѣ пощады! самъ, говоритъ, не пощадишь невинность, такъ клади те-перича голову на плаху!» Вотъ я и такъ и сякъ — не проймешь его, сударь, ничѣмъ! Только мнѣ и самому будто досадно стало, что вотъ изъ-за скотовъ, можно сказать, безсловесныхъ такое поношеніе претерпѣть долженъ... «Ну, сѣки-моль!» говорю. На этомъ самомъ мѣстѣ и разбудилъ меня

Алексѣевъ, а то бы, можетъ, и Богъ знаетъ что сонной было! Такъ вотъ—съ какія приключенія случаются!

— И точно всѣ пятеро полицейскихъ и самъ стряпчій собственными глазами видѣли, какъ Дмитрій Борисычъ сталъ на колѣни, и собственными ушами слышали, какъ онъ благимъ матомъ закричалъ: «сѣки же, коли такъ!»

Когда Дмитрій Борисычъ совершенно прочухался отъ своего сновидѣнія, онъ счелъ долгомъ пригласить къ себѣ на совѣтъ старшаго изъ пятерыхъ полицейскихъ, Алексѣева, который, не безъ основанія, слылъ въ городѣ правою рукой городничаго.

— Слышалъ? спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— Слышалъ, отвѣчалъ Алексѣевъ.

— Ну, такъ то-то же! сказалъ Дмитрій Борисычъ, и хотѣлъ было погрозить пальцемъ, по подобию его высокородія, но должно быть не изловчился, потому что Алексѣевъ засмѣялся.

— Ты чему смѣешься? спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— Я не смѣюсь... зачѣмъ смѣяться! отвѣчалъ Алексѣевъ.

— То-то же! смотри, чтобъ у меня теперь лошади... ни-ни... никуда... понимаешь! даже на пожаръ не смѣть... слышишь? вездѣ брать обывательскихъ! даже для барышень!...

Распорядившись такимъ образомъ, онъ поворотился къ окну, и увидѣлъ на улицахъ такую грязь,

что его собственные утки плавали въ ней какъ въ прудѣ.

— Это что такое? спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— А что «что такое?» спросилъ Алексѣевъ.

— Не видишь? спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— Вижу, сказалъ Алексѣевъ.

Вся запальчивость и ретивость Желвакова разбились объ это патріархальное равнодушіе.

— Ты бы хоть тово чтоли, произнесъ онъ, немного сконфуженный, и отворачиваясь отъ Алексѣева, чтобъ скрыть свое смущеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ «тово,» когда ужъ «грязь такъ грязь и есть» и «все отъ Бога».

— Вотъ кабы мы этому дѣлу причинны были, глубокомысленно присовокупилъ Алексѣевъ.

— Ишь его...

«Принесла нелегкая», хотѣлъ было сказать Дмитрій Борисычъ, но затруднился, потому что и въ мысляхъ не осмѣливался нанести какое-нибудь оскорбленіе начальству.

Но все это еще не бѣда. Ну, побранили его высокородіе—не повѣсили же въ самомъ дѣлѣ! Даже *вы* не сказали, а продолжали по прежнему говорить *ты* и *братецъ*. Дѣло въ томъ, что въ этотъ самый день случилось Дмитрію Борисычу быть именинникомъ, и онъ вознамѣрился сотворить для дорогаго гостя балъ на славу. Какимъ образомъ пригласить его высокородіе послѣ такого происшествія? Ну, если да они скажутъ, что «я дескать съ такими канальями хлѣба ѣсть не хочу!»—а этому вѣдь бывали

примѣры. Однако Дмитрій Борисычъ пріободрился, и на обѣдѣ у головы, втянувъ въ себя все количество воздуха, какое могли вмѣщать его легкія, проговорилъ приглашеніе не только смѣлымъ, но даже излишне звучнымъ голосомъ. И его высокородіе ничего: приняли и даже ласково посмотрѣли на Дмитрія Борисыча.

— Да, господинъ Жевлаковъ, сказали его высокородіе: — мы пріѣдемъ, господинъ Желваковъ! хорошо господинъ Желваковъ!

По этой-то самой причинѣ и пріѣзжалъ Дмитрій Борисычъ нѣсколько разъ въ домъ купчихи Облепихиной узнать, какъ почивалъ генералъ, и въ какомъ они находятся расположеніи духа: въ веселомъ, прискорбномъ или такъ-себѣ.

Между тѣмъ въ домѣ купчихи Облепихиной происходила сцена довольно мрачнаго свойства. Его высокородіе изволилъ проснуться и чувствовалъ себя мучительно. На обѣдѣ у головы подали такое какое-то странное кушанье, что его высокородіе ощущалъ нестерпимую изжогу, отъ которой долгое время отплевывался безъ всякаго успѣха.

— Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ они тамъ кормятъ! бормоталъ Алексѣй Дмитріевичъ: — масло что ли скверное — просто мочи нѣтъ!

И выпилъ стаканъ воды.

— Экой народъ безобразный! зоветъ ѣсть, словно не знаетъ, кого зоветъ! Рыба да рыба — обрадовался, что рѣка близко! Ълъ, кажется, пропасть, а

въ животѣ бурчить, точно три дня не ѣдалъ! И изжога эта... эй, Кшецынскій!

Вошелъ господинъ не столько малаго роста, сколько скрюченный повиновениемъ и преданностью.

— Пріѣзжалъ городничій?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Анъ врите вы, пріѣзжалъ! раздалось изъ передней.

— Я не видалъ, ей-Богу не видалъ, ваше высокородіе! бормоталъ скороговоркой Кшецынскій.

— Пріѣзжалъ ужъ разъ десять! произнесъ камердинеръ Ѳедоръ, входя въ комнату съ стаканомъ чаю на подносѣ: — извѣстно, вы ничего не видите!

— Это правда, Кшецынскій, правда, что ты ничего не видишь! Не понимаю, братецъ, на что у тебя глаза! Еслибъ мнѣ не была извѣстна твоя преданность... еслибъ я своими руками не вытащилъ тебя изъ грязи — ты понимаешь! «изъ грязи»?.. право, я не знаю... Что жъ, спрашивалъ что-нибудь городничій?

— Спрашивалъ, что дескать генералъ дѣлаютъ?

— Ну, а ты что?

— Спать молъ, извѣстно молъ, что имъ дѣлать какъ не спать! ночью ѣдемъ — въ каретѣ спимъ, днемъ стоимъ — на кварталѣ спимъ.

— Ты такъ и сказалъ?

— Сказалъ... отчего не сказать!

— Ска-атина!

На губахъ Кшецынскаго появилась блѣдная улыбка. Очевидно, что между нимъ и Ѳедоромъ суще-

ствовало соперничество такого же рода, какое может существовать между хитрою, но забавною Амишкой и неуклюжимъ, но вѣрнымъ Полканомъ. Федоръ всегда бралъ верхъ; онъ, нимало не стѣсняясь, оказывалъ полное презрѣніе къ самымъ законнымъ и неприхотливымъ требованіямъ несчастнаго выходца. Платье и сапоги его оставались нечищенными, а на мѣсто чая подавалась ему какая-то странная смѣсь, болѣе похожая на брагу, нежели на чай. За обѣдомъ, Кшецынскій не осмѣливался оставить на своей тарелкѣ ножъ и вилку, потому что Федоръ, безъ церемоніи, складывалъ ихъ тутъ же къ нему на скатерть. Кшецынскій при этомъ зеленѣлъ и вздрагивалъ и во рту у него дѣлалось скверно; но все это происходило лишь на одно мгновѣніе, и онъ снова потуплялъ глаза въ тарелку. Когда ему подавали кушанье (а подавали ему всегда послѣднему), Федоръ никогда не забывалъ толкнуть его въ плечо, если Кшецынскій, по его мнѣнію, не достаточно проворно бралъ кушанье. Больше одного куска ему брать не дозволялось. Вообще, присутствіе Кшецынскаго за барскимъ столомъ составляло для Федора предметъ постоянныхъ и мучительнѣйшихъ размышленій.

— И что это за баринъ такой! говаривалъ онъ обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, объ Алексѣѣ Дмитричѣ: — просто шавку паршивую съ улицы поднялъ, и ту за столъ посадилъ!

Но на этотъ счетъ Алексѣй Дмитричъ оставался непреклоннымъ. Кшецынскій продолжалъ обѣдать за

столомъ его высокородія, и — мало того! — каждый разъ, вставая изъ-за стола, проходилъ мимо своего врага съ улыбкою столь непримѣтною, что понимать и оцѣнить всю ея ядовитость могъ только Ѳедоръ. Но возвратимся къ разказу.

Въ передней послышалось шарканье.

— Да вотъ и онъ! сказалъ Ѳедоръ и, обращаясь къ Дмитрію Борисычу, прибавилъ: — а вотъ меня изъ-за васъ, сударь, обругали тутъ! Зачѣмъ только васъ носить сюда!

— А! это, ты, господинъ Желваковъ! милости просимъ, господинъ Желваковъ! прошу садиться, господинъ Желваковъ! молвилъ его высокородіе, кротно улыбаясь.

— Осмѣлюсь просить ваше высокородіе...

— Помню, господинъ Желваковъ! будемъ, будемъ, господинъ Желваковъ! Кшецынскій! и ты, братецъ, можешь съ нами! Смотри же, не ударь лицомъ въ грязь: я люблю, чтобъ у меня веселились... Ну, что новенькаго въ городъ? Какъ поживаютъ пожарныя лошадки?

Желваковъ поблѣднѣлъ.

— Ну, да ты не тово! я это такъ! А дать господину Желвакову чаю!

Ѳедоръ явился съ стаканомъ, который не столько подалъ, сколько сунулъ въ руки Дмитрію Борисычу.

— Да ты попробуй прежде, есть ли сахаръ, сказалъ его высокородіе: — а то намеднись, въ Оковъ, стряпчій у меня цѣлыхъ два стакана безъ сахару выпилъ... послѣ ужъ Кшецынскій мнѣ это разка-

залъ... Такой, право, чудакъ!... А благодѣтельный!
Я, знаешь, не люблю этихъ вотъ, что звѣзды-то съ
неба хватаютъ; у меня главное, чтобъ былъ чело-
вѣкъ благодѣтельный и преданъ... Да! ты, братецъ,
не торопись, однакожь, а не то вѣдь языкъ обож-
жешь!

— Помилуйте, ваше высокородіе, мы завсегда съ
полнымъ нашимъ удовольствіемъ...

Между тѣмъ, для Дмитрія Борисыча питье чая
составляло дѣйствительную пытку. Впервые, онъ
пилъ его стоя; во вторыхъ, чай дѣйствительно ока-
зывался самый горячій, а продлить эту операцію,
значило бы снѣвѣжничать передъ его высокородіемъ,
потому что, если ихъ высокородіе и припускаютъ,
такъ-сказать, къ своей высокой особѣ, то это еще
не значитъ, чтобъ позволительно было утомлять ихъ
зрѣніе исполненіемъ обязанностей, до дѣлъ службы
не относящихся.

— Да ты, братецъ, садись.

— Помилуйте, ваше высокородіе...

— Садись, братецъ.

— Не въ такихъ чинахъ, ваше высокородіе...

— Ну, какъ хочешь.

— Исправникъ Маремьянкинъ, провозглашаетъ
Федоръ.

— Такъ я буду въ надеждѣ-съ, ваше высоко-
родіе! говоритъ Дмитрій Борисычъ, въ послѣдній
разъ обжигая губы и удаляясь съ стаканомъ въ
переднюю.

— А! Живоглотъ! говоритъ Алексѣй Дритричъ:

— добро пожаловать! Молодецъ, братъ, молодецъ!
Ни соринки въ судѣ нѣтъ! Молодецъ, господинъ
Живоглотъ.

Исправникъ Маремьянкинъ мущина вершковъ
пятнадцати. Живоглотомъ онъ прозванъ по той при-
чинѣ, что, будучи еще въ дѣтствѣ и обуреваемый
голодомъ, котораго требованіямъ не всегда могъ
удовлетворить его родитель, находившійся при зем-
скомъ судѣ сторожемъ, нерѣдко блуждалъ по берегу
рѣки и вылавливалъ въ ней мелкую рыбёшку, кото-
рую и проглатывалъ живьемъ, твердо надѣясь на
помощь Божію и на чрезвычайную крѣпость своего
желудка, въ которомъ, по собственному его созна-
нію, камни жерновые, всякій злакъ въ одинъ моментъ
переваривали. Замѣчательнѣйшею странностью въ
его лицѣ было то, что ноздри его представлялись
безстрашному зрителю какъ бы вывороченными на-
изнанку, вслѣдствіе чего мѣстные чиновчики, кромѣ
прозвища Живоглотъ, называли его еще Пугачевымъ
и «рваными ноздрями».

— Имѣю честь, рапортуетъ Живоглотъ.

— Откуда?

— Изъ уѣзда-съ. Приключилось умертвіе-съ.
Нашли туловище, а голову отыскать не могли-съ?

— Какъ же, братъ, это такъ?

— Съ ногъ сбились искамши, ваше высокородіе.

— Какъ же это? надо, братъ, надо отыскать го-
лову... Голова, братецъ, это при слѣдствіи глав-
ное .. Ну, самъ ты согласишься, не будь, напримѣръ,

у насъ съ тобой головы, что жъ бы это такое вышло!
Надо, надо голову отыскать!

— Будемъ стараться, ваше высокородіе.

— То-то, любезный! ты пойми, ты вникни въ мои
усилія... какъ я, могу сказать, денно и нощно...

— Это справедливо, ваше высокородіе.

— Ну то-то же! Впрочемъ, ты у меня молодецъ!
Ты знаешь, что вотъ я завтра отъ васъ выйду, и
мнѣ все эта голова показываться будетъ... такъ ты
меня успокой!

— Помилуйте, ваше высокородіе, будьте безъ
сумлѣнія-съ...

— Убіиство, конечно, вещь обыкновенная, это,
можно сказать, каждый день случиться можетъ... а
голова! Нѣтъ, ты пойми меня, ты вникни въ мои
усилія! Голова, братецъ, это, такъ-сказать, центръ,
сѣдалище...

— Найдемъ-съ, отвѣчалъ Живоглотъ съ нѣкото-
рымъ ожесточеніемъ, какъ-бы думая про себя:
«чтобъ тебя прорвало! экъ привязался, проклятый!»

— А въпрочемъ по уѣзду благополучно?

— Благополучно, ваше высокородіе, реветъ Жи-
воглотъ, разъ навсегда закаявшись докладывать его
высокородію о чемъ бы то ни было неблагополуч-
номъ.

— Воровства нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Убіиствъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То-есть, кромѣ этой головы... Эта, братецъ,

голова, я тебѣ скажу... голова эта весь сегодняшний день мнѣ испортила... я, братецъ, Титъ; я, братецъ, люблю, чтобъ у меня тово...

Живоглотъ потупился. Въ эту минуту онъ готовъ былъ отрѣзать себя языкъ за то, что онъ сболтнулъ сдуру этакую скверную штуку.

— И хоть бы доподлинно эта голова была, думалъ онъ, въ тысячный разъ проклиная себя: — а то вѣдь и происшествія—то никакого не было! Такъ, сдуру ляпнулъ, чтобъ похвастаться передъ начальствомъ дѣятельностью!

— Ты думаешь, мнѣ это пріятно! продолжалъ между тѣмъ его высокородіе: — начальству, братецъ, тогда только весело, когда всѣ довольны, когда все, знаешь, смотритъ на тебя съ довѣрчивостью, можно сказать, съ упованіемъ...

Молчаніе.

— Нѣтъ, ты поѣзжай... ты поѣзжай! Я не могу! Я спокоенъ не буду, пока ты въ городѣ.

— Помѣщикъ Перегоренскій! докладываетъ Ѳеодоръ.

Входитъ Перегоренскій, господинъ лѣтъ шестидесяти, но еще бодрый и свѣжій. Видно, однако же, что, для подкрѣпленія угасающихъ силъ, онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ напитку, вслѣдствіе чего и носъ его пріобрѣлъ всѣ возможные оттѣнки фіолетоваго цвѣта. На немъ порыжѣлый фракъ съ узенькими фалдочками и нанковые панталонцы безъ штрипокъ. При появленіи его, Алексѣй Дмитричъ прячетъ обѣ руки къ самымъ ягодицамъ, изъ опасенія, чтобъ

господину Перегоренскому не вздумалось протянуть ему руку.

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ.

Защиты! о защитѣ взываю я къ вашему высокородію! Защиты невиннымъ, защиты угнетеннымъ!

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЧЪ.

Что же такое—съ?

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ.

Вы извините меня, ваше высокородіе! я внѣ себя! Но я вѣрноподанный, ваше высокородіе! я христіанинъ, ваше высокородіе! я человѣкъ!

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЧЪ.

Позвольте, однакожь, что же такое случилось? И къ чему тутъ «вѣрноподанный?» Мы всѣ здѣсь вѣрноподанные—съ.

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ.

Не доносъ... нѣтъ, роля доносчика далека отъ меня! Не съ доносомъ дерзнулъ я предстать предъ лицо вашего высокородія! Чувство состраданія, чувство любви къ ближнему одно подвигло меня обратиться къ вамъ: добродѣтельный царедворецъ, спаси, спаси погибающую вдову!

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЧЪ.

Но позвольте... мнѣ сказали, что вы здѣшній помѣщикъ... зачѣмъ же тутъ вдова?... я не понимаю.

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ (*вздыхая*).

Да—съ, я здѣшній помѣщикъ; это правда; я имѣю, я имѣю несчастіе называться здѣшнимъ помѣщи-

комъ... У меня семь душъ... безъ земли-съ, и только онъ, одинъ онъ поддерживаютъ мое бренное существованіе?... Я былъ угнетенъ, ваше высокородіе! Я былъ на службѣ — и выгнанъ! Я служилъ честно — и вотъ предстою нищъ и убогъ! Я имѣлъ чувствительное сердце и сохранилъ его до сихъ поръ! За что же терпѣлъ я? За что всѣ гоненія судьбы на меня? Не за то ли, что любилъ правду выше всего! Не за то ли, что, можно сказать, ненавидѣлъ ложь, и истину царямъ съ улыбкой говорилъ! Защиты! О защитѣ взываю къ тебѣ, покровитель гонимыхъ и угнетенныхъ?

Алексѣй Дмитричъ.

Да помилуйте, что же я могу сдѣлать?... Объяснитесь, пожалуйста.

Перегоренскій.

Повторяю вашему высокородію: не доносъ, котораго самое названіе презрительно для моего сердца, намѣренъ я предъявить вамъ, государь мой! — нѣтъ! Слова мои будуъ простымъ извѣщеніемъ, которое, по смыслу закона, обязательно для всякаго вѣрноподданнаго...

Алексѣй Дмитричъ.

Но въ чемъ же дѣло? Позвольте... я занятъ; мнѣ надобно ѣхать...

Перегоренскій.

Коварный Живоглотъ...

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЧЪ (строго).

Кто же этотъ Живоглотъ? Я не понимаю васъ; вы, кажется, позволяете себѣ шутить, милостивый государь мой!

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ (не слушая его).

Коварный Живоглотъ, воспользовавшись темнотою ночи, съ толпою гнусныхъ наемниковъ окружилъ домъ торгующаго въ селѣ Чернораменьи, по свидѣтельству третьяго рода, мѣщанина Скурихина, и алчнымъ голосомъ требовалъ допустить его къ обыску, подъ предлогомъ, яко бы Скурихинъ производить торговлю мышьякомъ. Причемъ обозвалъ Скурихина непотребными словами; за оставленіе же сего дѣла втайнѣ, взялъ съ него пятьдесятъ рублей и удалился съ наемниками вспять. Это первый пунктъ.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЧЪ.

Но гдѣ же тутъ вдова?

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ.

Оный Живоглотъ, описывая, по указу губернскаго правленія, имѣніе купца Гламидова, утаилъ нѣкія драгоцѣнныя вещи, произнося при этомъ: «вещи сіи пригодятся ребятишкамъ на молочишко». При семъ равномерно не преминулъ обозвать Гламидова непотребно... (Пристально смотритъ на Алексѣя Дмитрича, который, въ смущеніи, нюхаетъ табакъ.) Сей же Живоглотъ, придя въ домъ къ отставному коллежскому регистратору Рыбушкину, въ то время, когда у того были гости, усиленно требовалъ,

для своего употребленія, стаканъ водки, и получивъ въ томъ отказъ, разогналъ гостей и хозяевъ, про-
износя при етомъ: *аллѣ маширъ!*

Алексѣй Дмитричъ.

Но гдѣ же тутъ вдова?

Перегоренскій.

Но симъ не исполнилась мѣра безчинствъ Живо-
говыхъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, прибывъ на ярмонку
въ село Березино, что на Новомъ, сей лютый звѣрь,
аки левъ рыкай и преисполнившись вина и ярости,
избилъ безпричинно всѣхъ торгующихъ, и дотолъ
не положилъ сокрушительной десницы своей, до-
колъ не пріобрѣлъ по полтинъ съ cadaго воза...
(Торжественно.) На всѣ таковыя противозаконныя
дѣйствія исправника Маремьянкина, въ просторѣчїи
Живоглотомъ именуемаго, и лютостію своею таковое
прозвище вполнѣ заслужившаго, имѣются надлежа-
щіе свидѣтели, которыхъ я, впрочемъ, къ свидѣтель-
ству подъ присягой допустить сомнѣваюсь.

Алексѣй Дмитричъ.

Позвольте, однакожь, я все-таки не могу понять,
гдѣ тутъ вдова, и въ какой мѣрѣ описываемыя вами
происшествія, или, какъ вы называете ихъ, безчин-
ства, касаются вашего лица, и почему вы... нѣтъ,
воля ваша, я этого просто понять не въ состояніи!

Перегоренскій.

Ваше высокородіе! Во мнѣ, въ моемъ лицѣ видите
вы единственное убѣжище общественной совѣсти,

Живоглотомъ поправной, Живоглотомъ поруганной.
Смѣни Живоглота, добродѣтельный царедворецъ!
Смѣни! вопіють къ тебѣ тысячи жертвъ его звѣро-
образной лютости.

Алексѣй Дмитричъ.

Но какъ же это... я, право, затрудняюсь... Свидѣ-
телей вотъ вы не допускаете... истцовъ тоже на лицо
не оказывается...

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ (*смѣется горько и потомъ
вздыхаетъ*).

Итакъ, нѣтъ правды на землѣ! Великій Господи!
здѣ предстоитъ рабъ лукавый и лѣнивый (*указы-
ваетъ на Алексѣя Дмитрича*), который меня же
обзываетъ ябедникомъ и кляузникомъ...

Алексѣй Дмитричъ (*тревожно*).

Позвольте, однако, я не называлъ васъ ни ябедни-
комъ, ни кляузникомъ!

ПЕРЕГОРЕНСКІЙ.

Ябедникомъ и кляузникомъ за то единственно, что
я принялъ на себя защиту невинности! (*Къ Алексѣю
Дмитричу*). Государь мой! Необходимость, одна
горестная необходимость вынуждаетъ меня сказать
вамъ, что я не премину, при первой же возможности,
обратиться съ покорнѣйшею просьбой къ господину
министру, умолять на колѣняхъ его высокопревос-
ходительство... (*Запальчиво*). Ты узнаешь, да, ты
узнаешь, коварный царедворецъ, что значитъ пре-
зирать совѣты добродѣтели! Вспомнутся тебѣ и

рябчики, и рыба, посылаемые Живоглотою, яко дань твоей плотоядности! (*Уходитъ*).

Алексѣй Дмитричъ (*минутъ съ пять стоитъ въ нѣкоторомъ оупльнѣи, come una statua; просыпаясь*)

Чортъ знаетъ что такое... Эй, Ѳедоръ! одѣваться!

Между тѣмъ, домъ Желвакова давно уже горитъ въ многочисленныхъ огняхъ, и у воротъ поставлены даже плошки, что привлекаетъ большую толпу народа, который, несмотря ни на дождь, ни на грязь, охотно собирается поглазѣть, какъ веселятся уѣздные аристократы. Гости уже собрались. Оркестръ, состоящій изъ двухъ флейтъ и одного контрбаса, сыгрывается въ лакейской, наводя нестерпимое уныніе на сердца Черноборцевъ извлекаемыми изъ флейтъ жалобными звуками. Сальные свѣчи въ изобиліи горятъ во всѣхъ комнатахъ; однакожь, въ одной изъ нихъ, предназначенной, повидимому, для резиденціи почетнаго гостя, на раскрытомъ ломберномъ столѣ, горятъ даже двѣ стеариновыя свѣчи, которыя Дмитрій Борисычъ, изъ экономіи, тушитъ и потомъ, услышавъ на улицѣ движеніе, вновь зажигаетъ. Дѣвицы, взявшись подъ руку, вереницей ходятъ по залѣ, предназначенной для танцованія. Увивающійся около нихъ протоколистъ дворянской опеки, должно-быть, говоритъ ужасно смѣшныя вещи, потому что дѣвицы безпрестанно закрываютъ

свои личики платками. Въ тревожномъ ожиданіи проходитъ два часа, въ продолженіи которыхъ всѣ бездѣйствуютъ. Нѣкоторыя дамы начинаютъ даже выказывать знаки нетерпѣнія. Въ особенности отличается жена окружнаго начальника, курящая папиросы и составляющая въ уѣздѣ постоянную оппозицію.

— Да помилуйте, Дмитрій Борисычъ! говоритъ она громко: — долго ли же намъ дожидаться! Вѣдь намъ-то онъ даже почти не начальникъ!

— Ужь сдѣлайте ваше одолженіе, Степанида Карповна! повремените крошечку-съ! Михайло Трофимычъ! уговорите Степаниду Карповну! умоляетъ Дмитрій Борисычъ.

— Stéphanie, mon ange! говоритъ Михайло Трофимычъ: — il faut donc faire quelque chose pour ces gens-là.

— Однакожь, Michel! отвѣчаетъ Степанида Карповна.

Въ это время, жена уѣзднаго судьи, не выражавшая доселѣ никакихъ знаковъ неудовольствія, считаетъ возможнымъ, въ знакъ сочувствія къ Степанидѣ Карповнѣ, пустить въ ходъ горькую улыбку, давно созрѣвшую въ ея сердцѣ. Но Дмитрій Борисычъ ловить эту улыбку, такъ-сказать, на-лету.

— Ну, вы-то что? говоритъ онъ судейшѣ! ну, Степанида Карповна... это точно! а вы-то что!

И махнувъ рукой, бѣжитъ дальше.

Однако же Дмитрій Борисычъ далеко не спокоенъ. Два обстоятельства гложутъ его сердце. Вопер-

выхъ, извѣстно ему, что у его высокородія, въ настоящее время, пропекается Перегоренскій. «Опакоститъ онъ, opakоститъ насъ всѣхъ, бестія!» думаетъ Дмитрій Борисычъ. Вовторыхъ, представляется весьма важный вопросъ: будетъ ли его высокородіе играть въ карты, и если не будетъ, то какимъ образомъ занять ихнюю особу? Партію для его высокородія онъ ужъ составилъ, и партію приличную: Михайло Трофимычъ Сертуковъ, окружной начальникъ, молодой человѣкъ, образованный и съ направлениемъ; ассессоръ палаты, Кшепшицульскій, тоже образованный и съ направлениемъ, и наконецъ той же палаты чиновникъ особыхъ порученій Пшикшецульскій, не столько образованный, сколько съ направлениемъ. Всѣ они согласны играть во что угодно и по сколько угодно.

— Господи! кабы не было хозяйственныхъ управленій! говоритъ про себя Дмитрій Борисычъ: — пропала бы моя головушка!

И въ торопяхъ, съ размаху останавливается передъ уѣзднымъ судьей, скромно сидящимъ въ углу, и, задумавшись, разсуждаетъ во всеуслышаніе:

— Что если бы все этакіе-то были! Вонъ онъ какой убогой! нищему даже подать нечего!

— Нѣтъ! куда намъ! говоритъ, махая руками, судья, который, отъ старости, не дослышитъ, и думаетъ, что Дмитрій Борисычъ приглашаетъ его составить партію для высокоименитаго гостя.

Но вотъ влѣмывается въ дверь Алексѣевъ и изо всей мочи провозглашаетъ: «Левизоръ! левизоръ»

ѣдетъ!» Дмитрій Борисычъ дрожащими руками зажигаетъ стеариновыя свѣчи, наскоро говоритъ музыкантамъ: «не осрамите, батюшки!» и стремглавъ убѣгаетъ на крыльцо.

Его высокородіе входитъ при звукахъ музыки, громко играющей тушъ. Его высокородіе смотритъ милостиво и останавливается въ залѣ. Дмитрій Борисычъ, скользящій около гостя бокомъ, простираетъ руку въ ту сторону, гдѣ приготовлена обитель для его высокородія и торопливо произноситъ:

— Сюда пожалуйста, сюда, ваше высокородіе!

— Зачѣмъ же? мнѣ и здѣсь хорошо! говоритъ его высокородіе, окидывая домъ орлинымъ взоромъ: — а, впрочемъ, дѣлай со мною, что хочешь! Извините меня, mesdames, я здѣсь невольникъ.

И шаркнувши ножкой, мелкими шагами удаляется въ обитель, въ дверяхъ которой встрѣчаетъ его сама городничиха, простая старуха, съ платкомъ на головѣ.

— Пожалуйста, ваше превосходительство, пожалуйста, не побрезгуйте! говоритъ она, низко кланяясь.

— Извините, сударыня! я еще только «высокородіе»! отвѣчаетъ Алексѣй Дмитричъ, и скромно потупляетъ глаза.

Его высокородіе садится на приготовленномъ диванѣ; городничиха въ ту жь минуту скрывается; именитѣйшіе мужи города стоятъ но стѣнѣ и безъ молвствуютъ. Его высокородію очевидно неловко.

— Прикажете начинать музыкъ? спрашиваетъ Дмитрій Борисычъ.

— Какъ же, какъ же! отвѣчаетъ его высокородіе. Музыка играетъ; до слуха его высокородія достигають только трескъ контрбаса.

— Да ты тутъ и музыку завелъ! замѣчаетъ его высокородіе: это похвально, господинъ Желваковъ! Это ты хорошо дѣлаешь, что соединяешь общество! Я это люблю... чтобъ у меня веселились...

— Всѣ силы-мѣры, ваше высокородіе... то-есть, сколько станетъ силы возможности, отвѣчаетъ Дмитрій Борисычъ.

Молчаніе.

— А вы, господа, развѣ не танцуете? спрашиваетъ Алексѣй Дмитричъ, поводя глазами по стѣнѣ.

Именитые чины, принимая эти слова въ смыслъ приглашенія выйти изъ комнаты, гурьбой направляются въ залу. Его высородіе нѣсколько озадаченъ.

— Что жъ это они? говоритъ онъ, хмуря брови: — развѣ мое общество... кажется, я тово...

Дмитрій Борисычъ, въ совершенномъ отчаяньи, спѣшитъ догнать бѣглецовъ.

— Ну, куда же вы, ради Христа? куда вы! говоритъ онъ умоляющимъ голосомъ: — Михайло Трофимычъ! Мечиславъ Станиславичъ! Станиславъ Мечиславичъ! хоть вы! хоть вы! вѣдь это скандалъ-съ! это, можно сказать, неприличіе!

Но именитыя лица упорствуютъ. Дмитрій Борисычъ вновь прибѣгаетъ въ обитель.

— Ваше высокородіе! не соблаговолите ли въ карточки!

Алексѣй Дмитричъ затрудненъ.

— Я... да... я тово... но, право, я не могу придумать, съ кѣмъ же ты меня... говоритъ онъ.

— На этотъ счетъ будьте покойны, ваше высоко-родіе! партія самая благородная: все губернскіе—съ...

— Ну да... если партія приличная... отчего же...

Одинъ изъ партнеровъ, Михаилъ Трофимычъ, поспѣшно распечатываетъ карты, и весьма развязно подлетаетъ къ его высокородію.

— *Votre Excellence!* говоритъ онъ, подавая карточку.

— *Mais... vous parlez français?* замѣчаетъ его высокородіе съ пріятнымъ изумленіемъ.

— Они обучались въ университетѣ, вступается Дмитрій Борисычъ:—ихняя супруга первая дама въ городѣ—съ.

— А! очень пріятно! *J'espère que vous me ferez l'honneur...* очень, очень пріятно!

Между тѣмъ танцы въ залѣ происходятъ обыкновеннымъ порядкомъ. Протоколистъ дворянской опеки превосходитъ самого себя: онъ танцуетъ и прямо и поперекъ, потому что дамъ вдвое болѣе, нежели кавалеровъ, и всякой хочется танцовать. Слѣдовательно, кавалеры обязаны одну и ту же фигуру кадрили попеременно отплясывать съ двумя разными дамами.

— Фу, упарился! говоритъ протоколистъ, обтирая платкомъ катящіяся по лбу струи пота: — Дмитрій Борисычъ! хоть бы вы водочкой танцоровъ—то поподчивали! вѣдь это просто смерть—съ! Этакого труда и каторжники не претерпѣваютъ!

— И ни-ни! отвѣчаетъ Дмитрій Борисычъ, махая руками: — что ты! что ты! ты, пожалуй, опять по намеднишнему налижешься! Вотъ уѣдетъ его высоко-кородіе — тогда хоть графинъ выпей... Эй, музыканты!

Музыка трогается, но танцоровъ урезонить не легко. Они становятся посреди зала въ каре, устраиваютъ между собой совѣтъ и рѣшаютъ не танцовать, покуда не будетъ выполнено справедливое требованіе протоколиста.

— Что жъ это за страмъ такой! хоть бы прохладительное какое-нибудь подали! говоритъ протоколистъ.

— Не танцуй, братцы, да и баста! подсказываетъ мужъ совѣта Петька Трясучкинъ.

— Не хотимъ танцовать! раздается общій отголосокъ.

Происходитъ смятеніе. Городничиха поспѣшаетъ сообщить своему мужу, что приказные бунтуются, требуютъ водки, а водки дескать дать невозможно, потому что вотъ еще намеднись, у исправника, столоначальникъ Подгоняйчиковъ до того натенькался, что даже вообразилъ, что домой спать пришелъ, и сталъ при всѣхъ раздѣваться.

Дмитрій Борисычъ выбѣгаетъ увѣщевать.

— Бога вы не боитесь, свиньи вы этакіе! говоритъ онъ: — знаете сами, какая у насъ теперича особа! Нешто жалко мнѣ водки-то, пойми ты это!.. Эй, музыканты!

— Да нѣтъ; танцовать совсѣмъ невозможно...

намъ что́ водка—съ! а совсѣмъ намъ танцовать не-
возможно—съ!

— Да почему же невозможно?

— Да такъ—съ... очень ужъ трудъ великъ—съ...

— Господи! Иванъ Перфильчъ! и ты—то! голуб-
чикъ! ну, ты умница! Прохладись же ты хоть разъ,
какъ слѣдуетъ образованному человѣку! Ну, жарко
тебѣ — выпей воды, или выдь что ли на улицу... а
то водки! Я вѣдь не стою за нее, Иванъ Перфильчъ!
Мнѣ что́ водка! Христось съ ней! Я вамъ всѣмъ
завтра утромъ по два стаканчика поднесу... ей-Богу!
да хоть теперь—то ты воздержись... а! ну, была не
была! Эй, музыканты!

На этотъ разъ убѣжденія подѣйствовали, и кадрили
кой—какъ составилаь. Изъ-за дверей корридора,
примыкавшаго къ залѣ, выглядывали лица горнич-
ныхъ и другихъ зрителей лакейскаго званія, впереди
которыхъ, въ самой уже залѣ, стоялъ камердинеръ
его высокородія. Онъ держалъ себя, какъ и слѣдуетъ
камердинеру знатной особы, весьма серьезно, съ
прочими лакеями не связывался, и заложивъ руки
назадъ, производилъ глубокомысленныя наблюденія
надъ танцующимъ уѣздомъ.

— Ну, а что, Федя, вѣдь и мы веселиться умѣемъ?
спрашивалъ Дмитрій Борисычъ, изрѣдка забѣгая къ
нему.

— Веселиться — отчего не веселиться! отвѣчалъ
Федоръ.

— Ну, а какъ, Федя, противъ вашихъ—то баловъ:
нашъ поди куда, чай, не годится?

— Да; противъ нашихъ ... разумѣтся... а впро-
чемъ, мнѣ вашъ больше нравится... проще, знаете.

— Ты, Федя, добрый! Приходи ужò, я тебѣ пол-
тинничекъ пожертвую... а чай пилъ?

— Пилъ-съ; благодаримъ покорно.

— Ты, братецъ, требуй... знаешь, безъ цере-
моній... распорядись самъ, коли чего захочется...
леденчиковъ тамъ, икорки, балычку... тебѣ, бра-
тецъ, отказу не будетъ...

Въ началѣ пятой фигуры, въ гостиной слышал-
ся шумъ, вскорѣ за тѣмъ смѣнившійся шушукань-
емъ. Въ дверяхъ залы показался самъ его высоко-
родіе. Приближался страшный моментъ, моментъ,
въ который слѣдовало дѣлать соло пятой фигуры.
Протоколистъ, завидѣвъ его высокородіе, рѣшитель-
но отказался выступать впередъ и хотѣлъ оставить
на жертву свою даму. Произошло нѣчто въ родѣ
борьбы, причинившей между танцующими замѣша-
тельство. Дмитрій Борисычъ бросился въ самый пылъ
сраженія.

— Ну, полно же, братецъ, иди! увѣщевалъ онъ
заартачившагося протоколиста:—вѣдь его высоко-
родіе смотреть...

Но протолистъ ни съ мѣста : и не говоритъ ни
слова, и впередъ не идетъ, словно ноги у него при-
росли къ полу.

— Обробѣлъ , ваше высокородіе! восклицаетъ
Желваковъ, перебѣгая къ Алексѣю Дмитричу: —
они у насъ не привычны-съ... всего пугаются.

— Отчего же? говоритъ Алексѣй Дмитричъ: —

я кажется не страшенъ! не хорошо, молодой человекъ! Я люблю, чтобъ у меня веселились... да!

И удаляется въ обитель, чтобъ не мѣшать общему веселью.

— А у меня сегодня былъ случай! говоритъ Алексѣй Дмитричъ, обращаясь къ Михаилу Трофимычу, который, какъ образованный человекъ, слѣдитъ шагъ за шагомъ за его высокородіемъ:—приходитъ ко мнѣ Маремьянкинъ и докладываетъ, что въ уѣздѣ отыскано туловище... и какъ странно! просто, одно туловище безъ головы! *Imaginez vous cela!*

— Ссъ! произноситъ Дмитрій Борисычъ, покачивая головой.

— Но вотъ что въ особенности меня поразило, продолжаетъ его высокородіе: — это то, что эту голову нигдѣ не могутъ найти! даже Маремьянкинъ! *Vous savez, c'est un coquin pour ces choses-là!*

— Ссъ! произноситъ опять Желваковъ.

— Но я, однако, принялъ свои мѣры! Я сказалъ Маремьянкину, что знать ничего не хочу, чтобъ была отыскана голова! Это меня очень-очень огорчило! *Ça m'a bouleversé!* Я, знаете, тружусь, забочусь... и вдругъ такая непріятность! Головы найти не могутъ! Да вѣдь гдѣ же нибудь она спрятана, эта голова! Признаюсь, я начинаю колебаться въ мнѣніи о Маремьянкинѣ; я думалъ, что онъ усердный—и что жь!

Бьетъ одиннадцать часовъ; его высокородіе беретъ за шляпу. Дмитрій Борисычъ въ отчаяньи.

— Ваше высокородіе! осчастливьте! не откажите

перекусить! умоляетъ онъ, въ порывѣ преданности почти осмѣливаясь прикасаться къ рукѣ его высокородія.

Алексѣй Дмитричъ видимо тронутъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ воля его непреклонна. «У него болитъ голова», «онъ тако много сегодня работалъ», «завтра ему надо рано выѣхать», и притомъ «этотъ Маремьянкинъ съ своею головою»...

— Спасибо, господинъ Желваковъ, спасибо! говоритъ его высокородіе: — это ты хорошо дѣлаешь, что стараешься соединить общество! Я буду имѣть это въ виду, господинъ Желваковъ.

И удаляется медленнымъ шагомъ изъ обители.

Подсадивши, какъ слѣдуетъ, его высокородіе въ экипажъ, Дмитрій Борисычъ возвращается въ залъ и долго-долго жметъ обѣ руки Михайлу Трофимычу.

— Благодарю! говоритъ онъ, растроганный до слезъ: — благодарю! еслибъ не вы... Эй, водки! восклицаетъ онъ совершенно неожиданно.

Ночь. Въ домѣ купчихи Облепихиной замѣчается лишь тусклое освѣщеніе. Алексѣй Дмитричъ ужъ раздѣтъ, и Ѳедоръ снимаетъ съ него сапоги.

— Ну, а помнишь ли, Ѳедоръ какъ мы въ Петербургъ-то бѣдствовали? спрашивалъ Алексѣй Дмитричъ.

— Какъ не помнить? такое дѣло развѣ позабыть можно? отвѣчаетъ Ѳедоръ угрюмо.

— Помнишь ли, какъ мы въ Мѣщанской, въ четвертомъ-то этажѣ горе мыкали?

Федоръ трясетъ головой.

— У кухмистра за шесть гривенъ обѣдъ бирали, и оба сыты бывали? продолжаетъ Алексѣй Дмитричъ: — а ждалъ ли ты, гадалъ ли ты въ то время, чтобъ вотъ, напримѣръ, какъ теперича... Стоитъ передъ тобой городничій — слушаю-съ; исправникъ къ тебѣ входитъ — слушаю-съ; судья рапортуетъ — слушаю-съ... Такъ вотъ, братъ, мы каковы!

— Это точно, что во снѣ не гадалъ.

— То-то же!

— Хорошо-то оно хорошо, говоритъ Федоръ: — да одно вотъ, сударь, не ладно.

— А что такое?

— Да вотъ Кшецу-то эту (Кшецынскаго) выгнать бы со двора слѣдовало.

— Опять ты... тово...

— Да нечего «тово», а продастъ онъ васъ, сударь.

— Что ты вздоръ-то городишь! только смущаешь, дуракъ!

— Мнѣ зачѣмъ смущать! я не смущаю! Я вотъ только знаю, что Кшеца эта шестьсотъ шестьдесятъ шесть означаетъ... ну, и предастъ онъ васъ...

Въспомогательный капиталъ, въ видѣ
денежныхъ суммъ, долженъ быть
предоставленъ въ распоряженіе
руководящихъ органовъ. Для этого
необходимо, чтобы въ распоряженіи
руководящихъ органовъ были
находящіеся въ распоряженіи
руководящихъ органовъ средства
находящіеся въ распоряженіи
руководящихъ органовъ.

МОЩНОСТИ

Въспомогательный капиталъ, въ видѣ
денежныхъ суммъ, долженъ быть
предоставленъ въ распоряженіе
руководящихъ органовъ. Для этого
необходимо, чтобы въ распоряженіи
руководящихъ органовъ были
находящіеся въ распоряженіи
руководящихъ органовъ средства
находящіеся въ распоряженіи
руководящихъ органовъ.

ОБМАНУТЫЙ ПОДПОРУЧИКЪ

Дѣло было весною, а въ тотъ годъ весна была ранняя. Уже въ началѣ марта полились съ горъ ручьи и прилетѣли грачи, чего и старожилы въ Крутогорской губерніи не запомнятъ. Время это самое веселое; видъ возраждающейся природы благотворно дѣйствуетъ на самага сонливаго человѣка; все принимаетъ какой-то необычный праздничный отбѣнокъ, все одѣвается радужными цвѣтами. Въ деревняхъ, на улицѣ проявляется грязь; ребятишка гурьбами возятся по дорогѣ и вездѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ лучей солнца, образовалась вода; старики также выползаютъ изъ душныхъ избъ и садятся на завалинахъ погрѣться на солнышкѣ. Вообще, всѣ довольны, всѣ рады веснѣ и теплу, потому что, въ зимнее время, изба, наполненная какою-то прогорклою атмосферой, наводитъ уныніе даже на привыкшаго къ ней мужичка.

Однако, путешествовать въ это время, и особливо по экстренной надобности—сущее наказаніе. Дорога уже испортилась; черная, исковерканная полоса ея безобразнымъ горбомъ выступаетъ изъ осѣвшаго по сторонамъ снѣга: лошади безпрестанно проступаются, и потому вы волею—неволею должны ѣхать шагомъ; сверхъ того, мѣстами попадаются такъ—называемыя зажоры, которыя могутъ заставить васъ простоять на мѣстѣ часовъ шесть и болѣе, покуда собьютъ окольный народъ, и съ помощью его ваша кибитка будетъ перевезена или правильнѣе перенесена на рукахъ по ту сторону колодца, образовавшагося посреди дороги. Это штука самая скверная; тутъ припомнишь всѣхъ, кого слѣдуетъ, и всѣхъ мысленно по родственному обласкаешь. Не радуютъ сердца ни красоты природы, ни шумъ со всѣхъ сторонъ стремящихся водныхъ потоковъ; напротивъ того, въ душѣ поселяется какое-то тупое озлобленіе противу всего этого: такъ бы, кажется, взялъ да и уѣхалъ, а уѣхать—то именно и нельзя.

Ночью въ такую пору ѣхать рѣшительно невозможно; поэтому и бываетъ, что отъѣдешь въ сутки верстъ съ сорокъ, да и славословишь остальное время имя Господне на станціи.

Подобную муку пришлось испытать и мнѣ. Промаявшись, покуда было свѣтло, въ безплодной борьбѣ со стихіями, я пріѣхалъ, наконецъ, на станцію, на которой предстояло мнѣ ночевать. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, станціонный домикъ, одинако стоящій немного поодаль дороги, за деревьями, состав-

ляетъ истинную благодать. Уѣхалъ, кажется, всего верстъ сорокъ или пятьдесятъ, а истомѣешь, отупѣешь, и раскиснишь такъ, какъ-будто собственными своими благородными ногами пробѣжалъ верстъ полтора. Разумѣется, первое дѣло самоваръ, и затѣмъ уже является на столъ посильная, зачерствѣвшая отъ времени закуска и прилаживается складная желѣзная кровать, безъ которой въ Крутогорской губерніи путешествовать такъ же невозможно, какъ невозможно быть станціонному дому безъ клоповъ и таракановъ.

На этотъ разъ, на станціи, оказался какой-то проѣзжій, что меня и изумило и огорчило. Огорчило потому, что мы, коренные Крутогорцы, до такой степени привыкли къ нашему безмятежному захолустью, что появленіе проѣзжаго кажется намъ оскорбленіемъ и посягательствомъ на наше спокойствіе. Кромѣ того, есть еще тайная причина, объясняющая наше нерасположеніе къ проѣзжему народу, но эту причину я могу сообщить вамъ только подъ величайшимъ секретомъ: имѣются за нами кой-какія провинности, и потому мы до смерти не любимъ ревизоровъ и всякаго рода любопытныхъ людей, которые любятъ совать свой носъ въ наше маленькое хозяйство. Мы разсуждаемъ въ этомъ случаѣ такъ: губернія Крутогорская хоть куда; мы тоже люди хорошіе и къ тому же приладились къ губерніи такъ, что она намъ словно жена; и климатъ, и все, то-есть и то и другое, такъ хорошо и прекрасно, и такъ все это славно, что вчужѣ даже мило смотрѣть на насъ,

а намъ-то, пожалуй, и умирать не надо! Охота же какому-нибудь — прости Господи! — кобелю борзому нарушать это трогательное согласіе!

Проѣзжій оказывался права меланхолическаго. Онъ то и дѣло ходилъ по комнатѣ, напѣвая извѣстный романсъ: *«Уймись волненія страсти»*. Но страсти, должно полагать, не унимались, потому что, когда дѣло доходило до «я пла-а-чу, я стра-а-жду!» то въ голосъ его происходила какая-то удивительнѣйшая штука: словно и вѣтеръ воетъ и въ то же время сапоги скрипятъ до истомы. Этой штуки мнѣ никогда, въ послѣдствіи, не приходилось испытывать; но помню, что въ то время она навела на меня уныніе. Замѣчательно было также то обстоятельство, что слова «плачу» и «стражду» безотмѣнно сопровождались возгласомъ «эй, Прошка, водки!» а какъ проѣзжій пѣлъ безпрестанно, то и водки, уповательно, вышло не малое количество.

Однакожь, я долженъ сознаться, что этотъ возгласъ пролилъ успокоительный бальзамъ на мое крутогорское сердце; я тотчасъ же смекнулъ, что это нашего поля ягода. Если и вамъ, милѣйшій мой читатель, придется быть въ такихъ же обстоятельствахъ, то знайте, что пьетъ человѣкъ водку — значитъ не ревизоръ, а хорошій человѣкъ: по той причинѣ, что ревизоръ, какъ человѣкъ злущій, въ самомъ себѣ порохъ и водку содержитъ.

— Милостивый государь! милостивый государь... мой! раздалось за перегородкой.

Воззваніе очевидно относилось ко мнѣ.

— Что прикажете?

— Не соблаговолите ли допустить побесѣдовать? тоска смертѣйшая—съ!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Вслѣдъ за симъ, въ мою комнату ввалилась фигура высокаго роста, въ дубленомъ овчинномъ полушубкѣ и съ огромными сѣдыми усами, опущенными внизъ. Фигура говорила очень громкимъ и выразительнымъ басомъ, сопровождая свои рѣченія приличными жестами. Знаковъ опьянѣнія не замѣчалось ни малѣйшихъ.

— Рекомендуюсь! рекомендуюсь! блудный сынъ, или Русскіе въ 18** году...

— Очень радъ познакомиться.

— Да—съ; это такъ; это точно, что блудный сынъ — чортъ поberi! Жизнь моя, такъ-сказать, рраманъ и рраманъ не простой, а этакъ Рафаила Михайлыча Зотова, съ танцами и превращеніями и великолѣпнымъ фейерверкомъ — на томъ стоимъ—съ! А съ кѣмъ я имѣю удовольствіе бесѣдовать?

Я назвалъ себя.

— Такъ—съ; ну, я ѳтставной подпоручикъ Живновскій... да—съ! служилъ въ полку—бросилъ; жилъ въ имѣніи — пропилъ! Скитаюсь теперь по бурному океану жизни, какъ чолнъ утлый, *безъ кормила, безъ весла...*

Я стрра—ажду, я пла-ачу!

Заспанный Прошка стремительно, какъ угорѣлый, вбѣжалъ съ полштофомъ водки и стаканомъ въ рукахъ, и съ просонья полѣзъ прямо въ окно.

— Куда? ну, куда лѣзешь? завопилъ Живновскій: — Эко рыло! мало ты спишь! очумѣлъ скотина отъ сна! Рекомендую! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — рабъ и наперстникъ! единственный обломокъ древней роскоши! хорошъ?

Прошка глядѣлъ на насъ во всѣ глаза и между тѣмъ очевидно продолжалъ спать.

— Хорошъ? Рожа-то, рожа-то! да вы взгляните, полюбуйтесь! хорошъ? А знаете ли, впрочемъ, что? вѣдь я его выдрессировалъ — истинно вамъ говорю, выдрессировалъ! Теперь онъ у меня всѣ эти, знаете, поговорки и всякую команду — все понимаетъ; стихи даже французскіе декламируетъ. А ну, Проша, потѣшь-ка господина!

Прошка забормоталъ что-то себѣ подъ носъ скороговоркой. Я могъ разобрать только припѣвъ: *се мистигрисъ ке же ле номме, се мистигрисъ, се мистигрисъ.*

— А! каковъ каналья! это вѣдь, батюшка, Беранже! Два мѣсяца, сударь, съ нимъ бился, училъ — вотъ и плоды! А пріятный это стихотворецъ. Беранже! Изъ Русскихъ, я вамъ доложу, подобнаго ему нѣтъ! И все, знаете, на счетъ этихъ деликатныхъ обстоятельствъ... бестія!

Живновскій залпомъ выпилъ стаканъ водки.

— Ну, теперь маршъ! можешь спать! да смотри, у меня не зѣвать — понимаешь!

Прошка вышелъ. Живновскій вынулъ изъ кармана засаленный бумажникъ, положилъ его на столъ и выразительно хлопнулъ по немъ рукой.

— Извольте видѣть? сказалъ онъ мнѣ.

— Вижу.

— Ну-съ, такъ вотъ здѣсь всѣ мои капиталы!.. То-есть, кромѣ тѣхъ, которые хранятся вотъ въ этомъ ломбардѣ!

Онъ указалъ на голову.

— Немного-съ! всего-то тутъ на все пятьдесятъ цѣлкахъ... и это на всю, сударь, жизнь!

Онъ остановился въ раздумьи.

— Дда-съ; это на всю жизнь! сказалъ онъ торжественно и съ разстановкой, почти налѣзая на меня: — это, что называется, на всю жизнь! то-есть, тутъ и буаръ и манже и сортиръ!... дда-съ; не красна изба углами, а впрочемъ, и пироговъ тутъ немного найдется... хитро-съ!

Онъ началъ шагать по комнатѣ.

— А ужъ чего, кажется, я не дѣлалъ! Тѣломъ торговалъ-съ! собственнымъ своимъ тѣломъ — вотъ какъ видите... Не вывезла! не вывезла шельма-кривая!

Молчаніе.

— Вотъ-съ хоть бы на счетъ браку! Чѣмъ не молодецъ—во всѣхъ статьяхъ! однако нѣтъ!.. Была вдова Поползновейкина, да и та спятила: «ишь, говоритъ, какія у тебя ручищи-то! такъ, пожалуй, усахаришь, что въ могилу ляжешь!» Ужъ я какихъ ей резоновъ не представлялъ: «это, говорю, сударыня, крѣпость супружескую обозначаетъ!» — такъ куда тебѣ! Вотъ и выходитъ, что только задаромъ на нее здоровье тратилъ: дала вотъ тулупчишку, да

сто цѣлковыхъ на дорогу, и указала дверь! А харя-то какая, еслибъ вы знали! точно вотъ у моего Прошки, словно антихристъ на ней съ сотворенія міра престолъ имѣлъ!

Жпвновскій плюнулъ.

— А не то вотъ Топорковъ — корнетъ: «слышалъ, говоритъ, Сеня, Англичане милліонъ тому даютъ, кто цѣлый годъ однимъ сахаромъ питаться будетъ?» Чтожъ, думаю, вѣдь канальская будетъ штука милліончикъ получить! Вѣдь это выходитъ не много ни мало, а такъ-себѣ взялъ да на пряники милліончикъ и получилъ! А мнѣ въ ту пору смерть приходилась неминучая—все просвисталъ! И кромѣ того, знаете, это у меня ужъ идея такая — разбогатѣть. Ну-съ, и полетѣлъ я съ-дуру въ Петербургъ. Пріѣхалъ; являюсь къ посланнику: «такъ и такъ, говорю, вызывались желающіе, а у меня молъ, ваше превосходительство, желудокъ настоящій, русскій-съ»... Чтожъ бы вы думали? перевели ему это — какъ загогочетъ басурманишка: даже обидно мнѣ стало; такъ, знаете, тамъ всѣ эти патріотическія чувства вдругъ и закипѣли.

— Да; это дѣйствительно обидно.

— Но, однакожъ, воротясь, задалъ-таки я Сашкѣ трезвону: уповательно полагать должно, помнитъ и теперь... Впрочемъ, и то сказать, я съ малолѣтства такой ужъ прожектеръ былъ. Голова, батюшка, горячая, съ головой сладить не могу! Это вотъ, какъ въ критикахъ пишутъ, сердце съ разсудкомъ въ разладѣ — ну, какъ засядетъ оно туда, никакими

силами его оттуда и не вытащишь : на стѣну лѣзть готовъ !

— А теперь что же вы располагаете дѣлать ?

— Теперь ? ну, теперь-то мы свои дѣлишки поправимъ ! Въ Крутогорскъ, батюшка, ѣдемъ, въ Крутогорскъ ! въ страну, съ позволенія сказать, антропофаговъ, страну дикую, лѣтную ! Нога, сударь, человѣческая тамъ никогда не бывала, дикіе звѣри по улицамъ ходятъ ! Такъ вотъ-съ мы съ вами въ какую сторонку запропастились !

Живновскій, въ увлеченіи, вѣроятно, позабылъ, что передъ нимъ сидитъ одинъ изъ смиренныхъ обитателей Крутогорска. Онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая руки, и физіономія его выражала нѣчто плотоядное, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ онъ готовъ былъ живьемъ пожрать Крутогорскую страну.

— Спасибо Сашкѣ Топоркову ! спасибо ! говорилъ онъ, очевидно забывая, что тотъ же Топорковъ обольстилъ его на счетъ сахара : « Ступай, говоритъ, въ Крутогорскъ, тамъ, братецъ, есть винцо тенерифъ — это, братъ, винцо ! » Ну, я, знаете, человѣкъ военный, долго не думаю : кушакъ да шапку, или, какъ сказалъ мудрецъ, *отпіа те сит те*... зарапортовался ! ну да все равно ! Слава Богу, теперь ужь недалечко и до мѣста.

— Однакожь, я все-таки не могу сообразить, на что же вы рассчитываете ?

— На что ? спросилъ онъ меня съ нѣкоторымъ изумленіемъ, вдругъ остановясь передо мной : —

какъ на что? Да вы, батюшка, не знаете, что такое Крутогорскъ! Крутогорскъ — это, я вамъ доложу, сторона! Тамъ, знаете, купецъ — борода безобразнѣйшая, кафтанишка на немъ весь оборванный, самъ нищимъ смотреть — нѣтъ: миллионщикъ, сударь вы мой, въ сапогѣ миллионы носить! Ну, а намъ этихъ негоціантовъ, что въ кургузыхъ тамъ пиджакахъ щеголяютъ, да тенерифцемъ отдѣлываются, — даромъ не надобно! Это не по нашей части! Намъ подавай этакъ бороду, такую, знаете, бороду, что какъ давнулъ ее, такъ бы старинные эти крестовики да лабанчики изъ нея и посыпались — вотъ намъ чего надобно!... А знаете, не хватить ли намъ желудочнаго?

Я пла-ачу, я стра-ажду.

Но Прошка не являлся. Живновскій повторилъ свой припѣвъ уже съ ожесточеніемъ. Прошка явился.

— Чтожь ты, шутить что ли, собачій сынъ, со мной вздумалъ? возопилъ Живновскій: — службу свою забылъ! Такъ я тебѣ ее припомню, ска-атина!

Онъ распростеръ свою длань и совершенно закрылъ ею лицо ополоумѣвшаго раба.

— Дратся я, доложу вамъ, не люблю: это дѣло не надежное! а вотъ помять, скомкать этакъ мардасы — ужъ это наше почтеніе, на томъ стоимъ-съ. У насъ, сударь, въ окологѣ помѣщица жила, дѣвица и бездѣтная, такъ она истинная была на эти вещи затѣйница. И тоже бить не била, а проштрафится у ней дѣвка, она и пошлетъ ее по деревнямъ милостыню собирать; соберетъ она тамъ куски какіе —

въ застольную! и дворовые сыты, и дѣвка наказана. Вотъ это, сударь, управленіе! это я называю управленіемъ.

Онъ выпилъ.

— Знаете ли, однакожь, сказалъ онъ:—напитокъ-то вѣдь начинаетъ забирать меня—какъ вы думаете?

Я согласился.

— Стара стала, слаба стала! Шли мы, я помню, въ восемсотъ четырнадцатомъ, походомъ—въ мѣсяцъ по четыре ведра на брата выходило! Ну-съ, четырежды восемь тридцать два—кажется, лопнуть можно! — такъ нѣтъ же, всѣ въ своемъ видѣ! такая ужъ компанія веселая собралась: все ребята были теплые!

На станціонныхъ часахъ пробило десять. Я звѣнулъ.

— Да вы постойте, не звѣвайте! Я вамъ разкажу, былъ со мной случай. Былъ у меня братъ, такой братъ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь — душа! Служилъ онъ, сударь, въ одномъ полку съ нѣкимъ Перетыкинымъ— такъ, жалконькій былъ офицеришка. Вотъ только и поклялись они промежь себя, въ счастья ли въ несчастья ли, вывозить другъ друга. Братъ вышелъ въ отставку, а Перетычка эта полѣзла въ гору, перешла, батюшка, къ штатскимъ дѣламъ и дослужилась тамъ до чиновъ генеральскихъ. Въ двадцатыхъ годахъ, какъ теперь помню, пробубнился я жесточайшимъ манеромъ—штабсъ-капитанъ Терпишка въ пухъ обыгралъ!—натурально къ брату. Вотъ и припомнилъ онъ, что есть у него другъ и пріятель Перетыкинъ: «онъ, говоритъ, тебя при-

строить!» Пишетъ онъ къ нему письмо, къ Перетычкѣ-то: «помнишь ли, дескать, другъ любезный, какъ мы съ тобой на-пролетъ ночи у метрессъ про-кучивали, какъ ты, какъ я... помоги брату!» Являюсь я въ Петербургъ съ письмомъ этимъ прямо къ Перетыкину. Принялъ отъ меня, во первыхъ, самымъ то-есть безобразнѣйшимъ образомъ: ни самъ не садится, ни мнѣ не предлагаетъ. Прочиталъ письмо. «А кто это, говоритъ, этотъ господинъ Живновскій?» и такъ, знаете, это равнодушно, и губы у него такія тонкія — ну, бестія, одно слово бестія!... Это, говорю, ваше превосходительство, мой братъ, а вашъ старинный другъ и пріятель! — А, да! говоритъ: теперь припоминаю! увлеченія молодости!... Ну, доложу вамъ, я не вытерпѣлъ! — А вы говорю, ваше превосходительство, вѣрно и въ ту пору канальей изволили быть!... Такъ и ляпнулъ. Чтожь бы вы думали? Онъ же на меня въ претензіи: зачѣмъ дескать обозвалъ его!

Молчаніе.

— И вотъ все-то я такъ маюсь по бѣлу свѣту. Куда ни сунусь, вездѣ какая-нибудь пакость... Ну, да, слава Богу, теперь, кажется, дѣло на ладъ пойдетъ, теперь я покоенъ... Да вы-то сами ужъ не изъ Крутогорска ли?

— Да.

— Такъ-съ; благодатная это сторона! Чай, пишите, бумагу переводите! Ну, и здѣсь, прибавилъ онъ, хлопая себя по карману: — полагательно, толстущечка-голубушка водится!

— Ну, разумѣется.

— Такъ-съ; безъ этого нельзя-съ. Вотъ и я тоже туда ѣду; бородушекъ этихъ, знаете, всѣхъ къ рукамъ приберемъ! Руки у меня, какъ изволите видѣть, цѣпкія, а и въ писаніи сказано: овцы безъ пастыря—толку не будетъ. А я вамъ истинно доложу, что тѣмъ эти бороды мнѣ любезны, что съ ними можно просто, безъ церемоній... Позвалъ онъ тебя, напрімѣръ, на обѣдъ: ну, надоѣла борода—и вонъ ступай!

— По крайней мѣрѣ, имѣете ли вы къ кому-нибудь рекомендацію въ Крутогорскъ?

— Ре-ко-мен-да-цію! А зачѣмъ, смѣю васъ спросить, мнѣ рекомендація? Какая рекомендація? Моя рекомендація вотъ гдѣ! закричалъ онъ, ударя себя по лбу; — да, здѣсь она, въ житейской моей опытности! Приѣду въ Крутогорскъ, явлюсь къ начальству, объясню, что мнѣ нужно... ну-съ, и дѣло въ шляпѣ... А то еще рекомендація!... Эй, водки и спать! прибавилъ онъ совершенно неожиданно.

И онъ побрелъ, пошатываясь, во-свояси.

На другой день, когда я проснулся, его уже не было; станціонный писарь сообщилъ мнѣ, что онъ уѣхалъ еще затемно и все спѣшилъ: «мнѣ, говорить, пора; пора, братъ, и дѣтишки свои поправить». Показывалъ также ему свой бумажникъ, и говорилъ, что «тутъ, братъ, на всю жизнь; съ этимъ, дружище, широко не разгуляешься!»...

Прошло мѣсяца два; я воротился изъ командировки и совсѣмъ забылъ о Живновскомъ, какъ вдругъ встрѣтилъ его, въ одно прекрасное утро, на улицѣ.

— Ба! ну, какъ дѣла?

Подпоручикъ смотрѣлъ не весело; на немъ висѣла шинель довольно подозрительнаго свойства, а сапоги были, очевидно, не чищены съ самаго пріѣзда въ Крутогорскъ.

— Надулъ Сашка! проворчалъ онъ угрюмо.

— Чѣмъ же вы живете?

— А вотъ лоттереи разыгрываемъ... намеднись, Прошку насвозъ продалъ, и вѣрите ли, бестія даже обрадовался, какъ я ему объявилъ.

— Ну, а являлись ли вы, какъ предполагали?

Онъ махнулъ рукой и пошелъ дальше.

Однакожь, я могъ разслышать, какъ онъ ворчалъ; «ну, задамъ же я тебѣ звону, бестія Сашка! дай только выбраться мнѣ отсюда».

И тѣмъ не менѣе, вы и до сихъ поръ, благосклонный читатель, можете встрѣтить его, прогуливающегося по улицамъ города Крутогорска и въ особенности принимающаго дѣятельное участіе во всѣхъ пожарахъ и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ. Сказываютъ даже, что онъ успѣлъ пріобрѣсти значительный кругъ знакомства, для котораго неистощимымъ источникомъ наслажденій служатъ разказы о претерпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ и крушеніяхъ, во время продолжительнаго плаванія по бурному морю житейскому.

ПОРФИРІЙ ПЕТРОВИЧЪ

Человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій.

Если вы не знакомы съ Порфиріемъ Петровичемъ, то совѣтую какъ можно скорѣе исправить эту опрометчивость. Его уважаетъ весь городъ, онъ уже двадцать лѣтъ старшиною благороднаго собранія, и его превосходительство ни съ кѣмъ не садится играть въ вистъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ съ Порфиріемъ Петровичемъ.

Не высокъ онъ ростомъ, а между тѣмъ всякое тѣлодвиженіе его брызжетъ нестерпимымъ величіемъ. Баталіонный командиръ, охотно отдающій справедливость всему великому, въ заключеніе своихъ восторженныхъ панегириковъ объ немъ, всегда прибавляетъ: «Какъ жаль, что Порфирій Петровичъ ростомъ не вышелъ; отличный былъ бы губерна-оръ!» Нельзя сказать также, чтобъ и во всей позѣ

Порфирія Петровича было много граціи; напротивъ того, весь онъ какъ-то кряжемъ сложенъ; но зато сколько спокойствія въ этой позѣ! сколько достоинства въ этомъ взорѣ, померкающемъ отъ избытка величія!

Когда онъ протягиваетъ вамъ руку, вы ощущаете, что въ вашей рукѣ заключено нѣчто неуловимое; это не просто рука, а какое-то блаженство, или, лучше сказать, благоуханіе, принявшее форму руки. И не то чтобы онъ подалъ вамъ какіе-нибудь два пальца, или же сунулъ руку наизнанку, какъ дѣлаютъ нѣкорые; — нѣтъ, онъ подаетъ вамъ всю руку, какъ слѣдуетъ ладонь на ладонь, но вы ни на минуту не усумнитесь, что передъ вами человѣкъ, который имѣлъ бы полное право подать вамъ одинъ свой мизинецъ. И вы чувствуете, что уваженіе ваше къ Порфирію Петровичу возрастаетъ до остервененія.

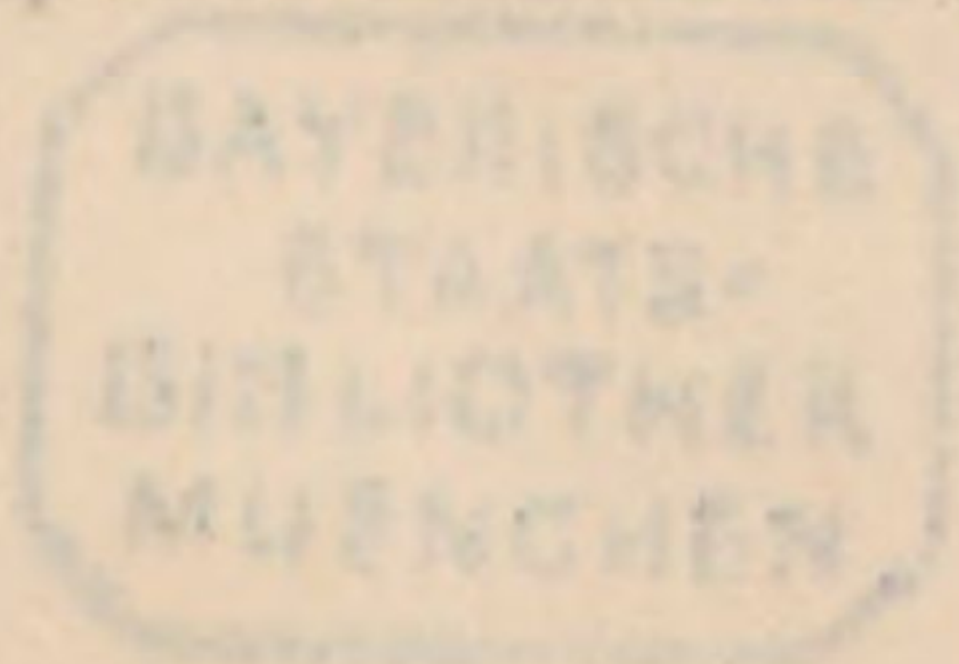
Въ сужденіяхъ своихъ, въ особенности о лицахъ, Порфирій Петровичъ уклончивъ; если иногда и скажетъ онъ вамъ «да», то вы несомнѣнно чувствуете, что здѣсь слышится нѣчто похожее на «нѣтъ», но такое крошечное «иѣтъ», что онъ придаетъ даже рѣчи что-то пріятное, расслабляющее. Онъ не прочь иногда пошутить и сострить, но эта шутка никого не компрометируетъ; напротивъ того, она доказываетъ только, что Порфирій Петровичъ вполне благонамѣренный человѣкъ: и могъ бы напасть, но не хочетъ пользоваться своимъ преимуществомъ. Онъ никого, на примѣръ, не назоветъ

болваномъ или старымъ колпакомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые обитатели пустынь, не понимающіе обращенія; если хотите, онъ выразить ту же самую мысль, но такъ деликатно, что, вмѣсто «болвана», вы удобно можете разумѣть «умница», и вмѣсто «старого колпака» — «почтеннаго старца, украшеннаго сѣдинами».

Когда говорятъ о взяткахъ и злоупотребленіяхъ, Порфирій Петровичъ не то чтобы запутался за нихъ, а только переминается съ ноги на ногу. И не оттого, чтобъ онъ всею душой не ненавидѣлъ взяточниковъ, а просто отъ сознанія, что вообще родъ человѣческій подверженъ слабостямъ.

Порфирій Петровичъ не поетъ и не играетъ ни на какомъ инструментѣ. Однако всѣ чиновники и всѣ знакомые его убѣждены, что онъ могъ бы и пѣть и играть, еслибъ только захотѣлъ. Онъ охотно занимается литературой, больше по части повѣствовательной, но и тутъ отдаетъ преимущество повѣстямъ и романамъ, одолженнымъ своимъ появленіемъ дамскому перу, потому что въ нихъ нѣтъ ничего «этакого». «Дама, говоритъ онъ при этомъ, ужъ то преимущество передъ мужчиной имѣетъ, что она, можно сказать, розанъ, и слѣдовательно ничего, кромѣ запаховъ, издавать не можетъ.»

Говорятъ, будто у Порфирія Петровича есть деньги, но это только предположеніе, потому что онъ ими никого никогда не ссужалъ. Однако, какъ умный человѣкъ, онъ металла не презираетъ, и въ душѣ отдаетъ большое предпочтеніе тому, кто имѣетъ,

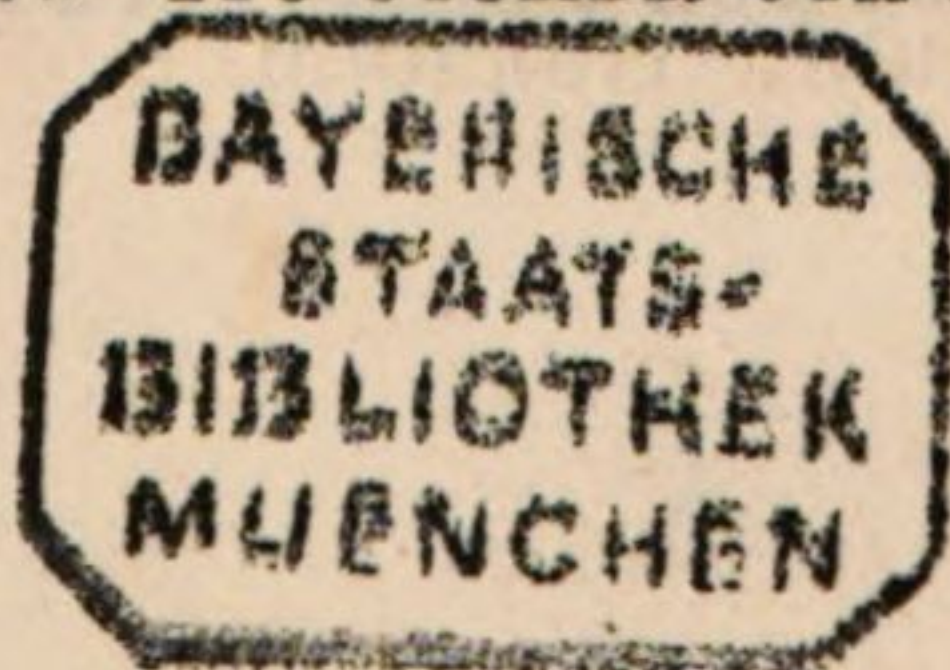
передъ тѣмъ, кто не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе, это предпочтеніе не выражается у него какъ-нибудь нахально, и развѣ нѣкоторая томность во взглядѣ изобличить внутреннюю тревогу души его.

Очень великолѣпенъ Порфирій Петровичъ въ мундирѣ, въ тѣ дни, когда у губернатора бываетъ пріемъ, и послѣ того въ соборѣ. Тутъ самый ростъ его какъ-то не останавливаетъ ничьего вниманія, и всякій благонамѣренный человѣкъ необходимо долженъ думать, что такой, именно такой ростъ слѣдуетъ имѣть для того, чтобъ быть величественнымъ. Одно обстоятельство сильно угрызаетъ его — это отсутствіе бѣлыхъ брюкъ. Не ѣздилъ ли онъ верхомъ на Константинѣ Владимірычѣ, не осѣдлалъ ли, не взнуздаль ли онъ его до такой степени, что несчастный старецъ головой пошевелить не можетъ? и между тѣмъ! — о несправедливость судебъ! — Константинъ Владимірычъ носитъ бѣлые брюки, и притомъ такъ носить, какъ-будто они у него пестрые, а онъ, Порфирій Петровичъ, вѣчно осужденъ на черный цвѣтъ.

Не менѣе величественъ Порфирій Петровичъ и на губернскихъ балахъ, въ тѣ минуты, когда всѣ собравшіеся не осмѣливаются приступить ни къ какимъ дѣйствіямъ въ ожиданіи его превосходительства. Онъ ласково бесѣдуетъ со всѣми, не роняя, одкакоже, своего достоинства, и стараясь прильнуть къ губернскимъ тузамъ. Когда входитъ его превосходительство, глаза Порфирія Петровича выражаютъ тоску и какъ-будто голодъ; и до той поры онъ, изнемогая

отъ жажды, чувствуетъ себя въ степи Сагаръ, покуда его превосходительство не приблизится къ нему и не пожметъ его руки. Послѣ этого акта, Порфирій Петровичъ притопываетъ ножкой, и дѣлая граціозный поворотъ на каблукахъ, устремляется всею сущностью къ карточному столу, для составленія его превосходительству приличной партіи. За карточнымъ столомъ Порфирій Петровичъ не столько великолѣпенъ, сколько милъ; въ цѣлой губерніи нѣтъ такого пріятнаго игрока: онъ не сердится, когда проигрываетъ, не глядитъ вамъ алчно въ глаза, какъ-бы желая выворотить всѣ внутренности вашего кармана, не подсмѣивается надъ вами, когда вы проигрываете, однакожь и не сидитъ какъ истуканъ. Напротивъ того, онъ охотно позволить себѣ, выходя съ карты, выразиться: «не съ чего, такъ съ бубенъ,» или же, въ затруднительныхъ случаяхъ, крикнуть и сказать: «тэ-э-ксъ». Вообще онъ старается руководить своего партнера болѣе взорами и тѣлодвиженіями; если же партнеръ такъ тупъ (и это бываетъ), что разговора этого не понимаетъ, то оставляетъ его на произволь судьбы, употребивъ, однакожь, напередъ всѣ мѣры къ вразумленію несчастнаго.

Вообще Порфирій Петровичъ составляетъ ресурсъ въ городѣ, и къ кому бы вы ни обратились съ вопросомъ о немъ, отовсюду навѣрное услышите одинъ и тотъ же отзывъ: «какой пріятный человѣкъ Порфирій Петровичъ!», «какой милый человѣкъ Порфирій Петровичъ!» Что отзывы эти неліцемерны —

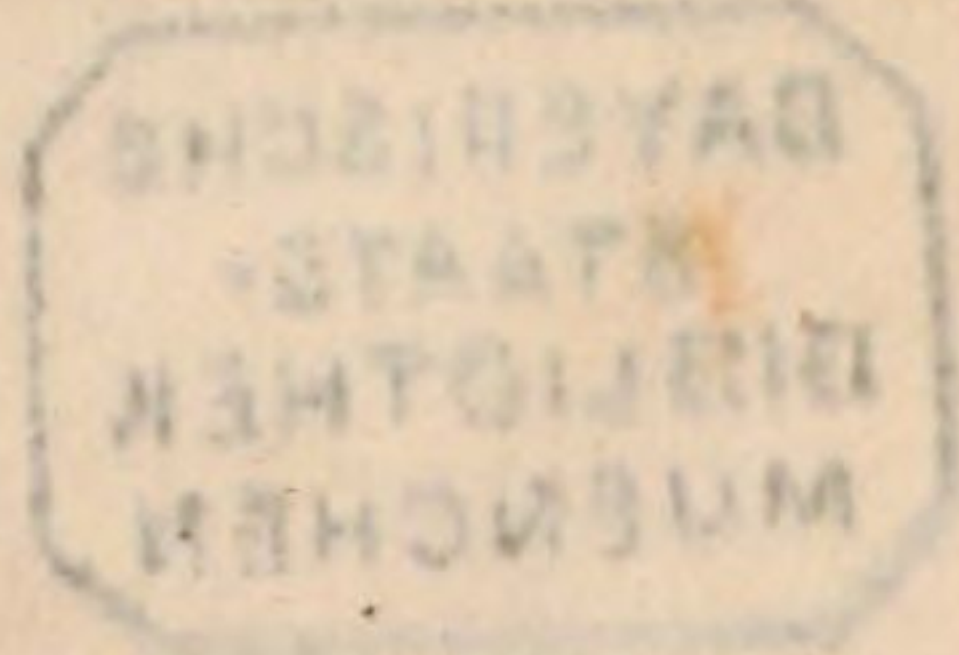

это свидѣтельствуется не только тономъ голоса, но и всею позой говорящаго. Вы слышите, что у говорящаго, въ это время, какъ-будто порвалось что-то въ груди отъ преданности къ Порфирію Петровичу.

Однако, не вдругъ и не безъ труда досталось ему это завидное положеніе. Онъ, какъ говорятъ его почтенные сограждане, произошелъ всю механику жизни и вышелъ съ честью изъ всѣхъ потасовокъ, которыми судьбѣ угодно было награждать его.

Папà Порфирія Петровича былъ сельскій пономарь; тамап—пономарица. Несомнѣнно, что герою нашему предстояла самая скромная будущность, еслибъ не одно обстоятельство. Извѣстно, что въ древнія времена, по селамъ и весямъ нашего обширнаго отечества, разъѣзжали благодѣтельные геніи, которые замѣчали природныя способности и необыкновенное остроуміе мальчиковъ, и затѣмъ, по влеченію своихъ добрыхъ сердецъ, усердно занимались устройствомъ судебъ ихъ.

На этотъ разъ благодѣтель обратилъ вниманіе не столько на остраго мальчика, сколько на его маменьку. Маменька была женщина полная, грудь имѣла высокую и бѣлую, лицо круглое, губы алыя, глаза сѣрые, на выкатѣ, и рѣшительные. Полюбилась она старику-благодѣтелю. Все ему мерещится то Уріева жена полногрудая, то купѣль Силлоамская; то будто плыветъ онъ къ берегамъ ханаанскимъ по морю житейскому, а житейское-то море такого чудно молочнаго цвѣта, что гортань его сохнетъ отъ жажды нестерпимой. Наклонить онъ свою распа-

ленную голову, чтобы испытать отъ моря житейскаго, но — о чудо! — передъ нимъ ужъ не море, а снѣжный суметь, да такой-то въ немъ снѣгъ мягкій, да пушистый, что только любо старику. А пономарица только смѣется, а дальше не допускаетъ: «дай», говоритъ: — «ваше благородіе, мѣсто мужу въ губернскомъ городѣ!»

А мужъ-то пьяница необрѣзанный; утромъ, не успѣетъ еще жена встать съ постели, а онъ лежитъ ужъ на лавкѣ, да распѣваетъ канты разные, а самъ горько-прегорько разливается-плачетъ. И не то чтобъ старъ былъ—всего лѣтъ не больше тридцати — и изъ себя не дурень, и теноръ такой сладкій имѣлъ, да вотъ поди ты съ нимъ! разсудкомъ ужъ больно не крѣпокъ былъ, не могъ сносить сивушьяго запаха. Билась съ нимъ долго жена, однако совладать не могла; ни просьбы, ни слезы — все ни по чемъ: «изыди», говоритъ, «окаянная, въ огонь вѣчный.» Видитъ жена, что мужъ малодушествуетъ, ее совсѣмъ обросилъ, только блудницей вавилонской обзываетъ, а самъ на постели безъ дѣла валяется, а она бабенка молодая, да полная, жить-то хочется, ну, и пошла тоже развлекаться.

Стала она сначала ходить къ управительшѣ на горькую свою долю жаловаться, а управительшинъ-то сынъ молодой, да такой милосердый, да добрый; живѣйшее, можно сказать, участіе принялъ. Засидится ли она поздно вечеромъ — проводить ее поидетъ до дому; сѣно ли у пономаря все выдетъ — у отца сѣна выпросить, ржицы изъ господскихъ анба-

ровъ отсыплеть, — и все это по сердолюбію; а управительша, какъ увидить пономарицу — все плачетъ, точно глаза у ней на мокромъ мѣстѣ.

Вотъ идетъ однажды молодецъ поздно вечеромъ, пономарицу провожаетъ, а мѣсто, которымъ пришлось проходить, глухое.

— Страшно мнѣ чтой-то, Евсигней Ѳедотычъ, говоритъ пономарица: — идите-ка поближе ко мнѣ.

Онъ подошелъ и руку ей подалъ, да ужъ и самъ не знаетъ какъ, только обнялъ ее, а она и слышитъ, что онъ весь словно въ лихорадкѣ трясется.

— Не могу, говоритъ: — воля ваша, Прасковья Михайловна, не могу дальше идти.

Сѣли они на пенекъ, да и молчатъ; только слышитъ она, что Евсигнейка дышитъ ужъ что-то очень прерывисто, точно захлебывается. Вотъ она въ слезы.

— Всѣ-то, говоритъ: — меня, сироту, покинули, да оставили; вотъ и вамъ, Евсигней Ѳедотычъ, тоже, чай, бросить меня желательно.

А онъ все молчитъ, да вздыхаетъ: глупъ еще, молодъ былъ. Видитъ она, что малый-то ужъ больно простъ, безъ поощренья ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— Чтой-то, говоритъ: — мнѣ будто холодно; ноженьки до смерти иззябли. Хошь бы вы, что ли тулупчикъ съ себя сняли, да обогрѣли меня, Евсигней Ѳедотычъ.

Дѣло было весеннее; на поляхъ травка только-что показываться стала, и по ночамъ морозцемъ еще порядочно прихватывало. Снялъ онъ съ себя мер-

лушчатый тулупчикъ, накинулъ ей на плеча, да какъ сталъ застегивать, руки-то и не отнимаются. А колѣнки пуще дрожатъ и подгибаются. А она такъ-то ласково на него поглядываетъ, да по головкѣ рукой гладить.

— Вотъ, говоритъ: — кабы у меня мужъ такой красавчикъ, да умница былъ, какъ вы, Евсигней Ѳедотычъ....

Пробыли они такимъ манеромъ съ полчаса, и пошли домой ужъ повеселѣе. Не то чтобы «Евсигней Ѳедотычъ», или «Прасковья Михайловна», а «Евсигнеюшка голубчикъ», «Параша, жись ты моя» — другихъ словъ и нѣтъ.

Долго-ли, коротко-ли, а стали на селѣ замѣчать, что управительскій сынъ и легъ и всталъ все у пономарицы. А она себѣ на умѣ, видитъ, что онъ ужъ больно голову терять началъ, — ну, и попридерживать его стала.

— Я, говоритъ, — Евсигнеюшка, изъ-за тебя смотри какой грѣхъ на душу приняла!

Ну, и въ слезы.

А иногда возьметъ его руками за голову, да къ груди-то своей и притянетъ словно ребенка малаго, возьметъ гребень, да и начнетъ ему волосы расчесывать.

— А хочешь, говоритъ: — дидятко, пряничка дамъ?

Такимъ образомъ она все больше лаской, да словами привораживала его къ себѣ.

Однако въ домѣ у управителя стали пропадать то

вещи, то деньги. Всю прислугу перепороли; не отыскивается воръ, да и все тутъ. Однажды, и въ господской кассѣ не досчитались ста рублей; нечего дѣлать, поморщился старикъ—управитель, положилъ свои деньги. И невдомекъ никому, что у пономарицы завелись чаи да обновы разныя. Вотъ однажды, въ темную осеннюю ночь, слышатъ караульщики, что къ господской конторѣ кто-то ползкомъ—ползкомъ пробирается; затаили они дыханіе, да и ждутъ, что будетъ. Подползъ воръ къ двери, всталъ, сталъ прислушиваться: видитъ, что все кругомъ тихо, перекрестился и отворилъ дверь легонько. Проходитъ прихожую мимо караульщиковъ, и въ горницу, прямо къ сундуку. Вынулъ ключъ и отперъ кассу. А караульщики видятъ, что дѣло-то ужъ кончено и вору не уйдти, смѣются, да пугаютъ его. Кто чихнетъ, кто кашляетъ, кто застонетъ, будто во снѣ: «охъ, батюшки, воры!» А воръ-то такъ и оцѣпенѣетъ весь. Такимъ образомъ они съ четверть часа надъ нимъ тѣшились; попритихли опять. Вздохнулъ воръ и только—что началъ рыться въ ящикѣ, какъ двѣ дюжія руки и схватили его сзади. Подняли управителя, засвѣтили огня; да какъ увидалъ старикъ вора, такъ и всплеснулъ руками.

— Такъ вотъ, говоритъ:—кто воръ-отъ!

Да и повалился.

А Евсигнейка словно остервенился.

— Ну, воръ, такъ воръ! чтожь, что воръ!

Однако сынъ не сынъ управительскій, а надѣли рабу Божьему на ноги колодки, посадили въ темную,

да на другой день къ допросу: «куда деньги дѣвалъ, что прежде воровалъ?» Какъ ни бились, однихъ волосъ отецъ двѣ головы вытаскалъ, однако не признался: стоитъ какъ деревянный, слова не молвить. Только, когда помянули Парашку, поблѣднѣлъ и затрясся весь, да и говорить отцу:

— Ты ее, батька, не замай, а не то и тебя пришибу и деревню всю вашу выжгу, коли ей какое нина-есть безпокойствіе отъ васъ будетъ. Я одинъ деньги укралъ, одинъ и въ отвѣтъ за это быть должонъ, а она тутъ ни при чемъ.

Недѣли черезъ двѣ свезли его въ рекрутское присутствіе, да и забрили лобъ.

Въ этой-то горести застала Парашку благодѣтельная особа. Видитъ баба, дѣло плохо, хоть изъ села вонъ бѣги: совсѣмъ проходу нѣтъ. Однако, не потеряла головы, и не то чтобы кинулась на шею благодѣтелю, а выдержала характеръ. Смекнулъ старикъ, что тутъ силой не возьмешь — и впрямь перетащилъ мужа въ губернскій городъ, изъ духовнаго званія выключилъ и помѣстилъ въ какое-то присутственное мѣсто бумагу изводить.

Подростаетъ Порфирка и все около себя примѣчаетъ. И въ школу ходитъ началъ, способности показалъ отмѣнные. Къ старику благодѣтелю все ластится, тяткой его называетъ, а на своего-то отца на пьянаго ужъ и смотрѣть не хочетъ. Все даже думаетъ, какъ-бы ему напакостить: то сонному въ ротъ табакъ напихаетъ, то сальною свѣчей всю рожу вымажетъ, а Парашка знай себѣ сидитъ, да хохо-

четъ. Жили они не то, чтобы бѣдно а неопратно и безалаберно. У Парашки шелковыхъ платьевъ три короба, а рубашки порядочной нѣтъ; поидеть она на базаръ, на рубль пряниковъ купить, а дома хлѣба корки нѣтъ. Сиживаль—таки Порфирка нашъ голодомъ не одинъ день; хаживаль больше все на босу ногу, зимой и лѣтомъ, въ одномъ изодранномъ тулупчишкѣ.

Нашель онъ какъ-то на дорогѣ гривенникъ — поднялъ и схоронилъ. Въ другой разъ благодѣтель гривенничкомъ пожаловалъ, тоже схоронилъ. Полюбились ему деньги: дома все объ нихъ только и разговору. Отецъ ли пьяный проспится—все хнычетъ, что денегъ нѣтъ; мать къ благодѣтелю пристааетъ, — все деньгами попрекаетъ.

— Эка штука деньги! думаетъ Порфирка: — а у меня ихъ всего два гривенника. Вотъ молъ, кабы этихъ гривенниковъ хошь эко мѣсто, завелъ бы я лавочку, накупилъ бы пряниковъ. Идутъ—это мальчишки въ школу, а я имъ: «не побрезгуйте, честные господа, нашимъ добромъ!» Ну извѣстно, кой пряникъ десять копѣекъ стоить, а ты за него шесть пятаковъ.

Сталъ онъ и поворовывать; отецъ жалованье получить — первымъ дѣломъ въ кабакъ, цѣловальника съ наступающимъ первымъ числомъ поздравить. Воротится домой пьянѣ вина, повалится на лавку, да такъ и дрыхнетъ, а Порфирка, между тѣмъ, подкрадется, всѣ карманы обшарить, да въ чуланъ, въ тряпочку и схоронить. Парашка потомъ къ мужу

пристаетъ: куда деньги дѣвалъ? а онъ только глазами хлопаетъ. Извѣстное дѣло — пьяный человѣкъ! что отъ него узнаешь? либо пропилъ, либо потерялъ.

По тринадцатому году отдали Порфирку въ земскій судъ, не столько для письма, сколько на побѣгушки приказнымъ за водкой въ ближайшій кабакъ слетать. Въ этомъ почти единственно состояли всѣ его занятія, и, признаться сказать, не красна была его жизнь въ эту пору: кто за волоса оттреплетъ, кто въ спину колотушекъ надаетъ; да бьютъ-то все смаху, не изловчась; въ такое мѣсто, пожалуй, угодить, что духъ вонъ. А жалованья за всѣ эти тиранства получалъ онъ всего полтора рубля въ треть бумажками.

При помощи услужливости и расторопности, втерся онъ, однакожь, въ довѣріе къ исправнику, такъ что тотъ и на слѣдствія брать его сталъ. Способности оказалъ онъ тутъ необыкновенныя: спать, бывало, исправникъ, не тужить, а онъ и людей опросить, и благодарность соберетъ, и все, какъ слѣдуетъ, исправитъ. По двадцатому году, самъ исправникъ его Порфиріемъ Петровичемъ звать началъ, а приказные, не то чтобъ шлепками кормить, а и посмотрѣть-то ему въ глаза прямо не смѣютъ. Земскій судъ въ такой порядокъ привелъ, что самъ губернаторъ на ревизіи, какъ ни ковырялъ въ книгахъ, никакой провинности замѣтить не могъ; съ тѣмъ и уѣхалъ.

Однажды, сидитъ утромъ исправникъ дома, чай пьетъ; по правую руку у него жена, на полу дѣтки валяются; сидитъ исправникъ и блаженствуетъ.

Помышляетъ онъ о чинѣ ассесорскомъ, ловить мысленно такихъ воровъ и мошенниковъ, которыхъ пять предмѣстниковъ его, да и самъ онъ поймать не могли. Жметъ ему губернаторъ руку со слезами на глазахъ за спасеніе губерніи отъ такой заразы... А у разбойниковъ, рожи-то, рожи!..

— Какъ это вы, Демьянъ Ивановичъ, подступились къ такимъ антихристамъ? говоритъ ему дворянскій засѣдатель, блѣднѣя отъ ужаса.

— Дѣло мастера боится, отвѣчаетъ Демьянъ Ивановичъ, скромно потупляя глаза.

Но сонъ разсѣвается; входитъ Порфирій Петровичъ.

— Милости просимъ, милости просимъ, Порфирій Петровичъ, восклицаетъ Демьянъ Ивановичъ:— а я, любезный другъ, вотъ помечталъ тутъ маленько, да, признаться, чуть не соснулъ. За надобностью что ли за какой?

— Да, за надобностью, отвѣчаетъ Порфирій Петровичъ какъ-то не совсѣмъ охотно.

— Что же такое?

— Да то, что служить мнѣ у васъ больше не приходится: жалованье маленькое, скоро вотъ первый чинъ получу. Ну, и мѣсто это совсѣмъ не по моимъ способностямъ.

— Жаль съ тобою разстаться, Порфирій Петровичъ, жаль, право, жаль. Безъ тебя, пожалуй, немного тутъ дѣла сдѣлаешь. Ну, да коли ужъ чувствуешь этакое призваніе, такъ я тебѣ не злодѣй.

— Жаль-то, оно, точно-что жаль-съ, Демьянъ

Иванычъ, и мнѣ васъ жалко-сѣ, да не въ этомъ дѣло-сѣ...

— Что жъ тебѣ надо?

— Да не будетъ ли вашей милости мнѣ тысячи двѣ-сѣ, не въ одолженіе, а такъ дарственно за труды-сѣ.

— А за какія бы это провинности, не позволите ли полюбопытствовать?

— Разные документы у насъ въ рукахъ имѣются... Демьянъ Иванычъ ротъ разинулъ.

— Документы! какіе документы! кричитъ: — что ты тамъ городишь, разбойникъ этакой, кляuzu, чай, какую-нибудь соорудилъ!

— Разные есть документы-сѣ, все вашей руки-сѣ. Довѣріемъ вы меня, Демьянъ Иванычъ, облакали — извѣстно, не драть же мнѣ вашихъ записокъ-сѣ, не деликатно-сѣ: вы мнѣ начальники! Изволите помнить, въ ту-пору купецъ работника невзначай зашибъ, вы мнѣ еще записочку писали, чтобъ съ купца-то донять по обѣщанію... Вѣрьте Богу, Демьянъ Иванычъ, а такихъ документиковъ дешевле двухъ тысячъ никто не отдастъ! Задаромъ-сѣ, совсѣмъ задаромъ, можно сказать, изъ уваженія къ вамъ, что какъ вы мои начальники были, ласкали меня, — ну, и у насъ тоже не безчувственность, а тоже чувство въ сердцѣ обитаетъ-сѣ.

Исправника чуть параличъ не пришибъ; упалъ на диванъ, да такъ и не встаетъ; однако, отлили водой — очнулся.

— Сподобилъ, говорить: — меня Богъ этакую змѣю выкормить, за грѣхи мои.

— Оно конечно-съ, Демьянъ Ивановичъ, отвѣчаетъ Порфирій Петровичъ: — оно конечно, змѣя-съ, да вы извольте милостиво разсудить — вѣдь и грѣхито ваши не малые. Въ тѣ поры вонъ убійцу оправдали, а то еще невиннаго подъ плети подвели, ну, и меня тоже, можно сказать, съ чистою душой во всѣ эти дѣла запутали. Такъ вотъ коли этакъ-то посудишь, оно и не дорого двѣ тысячи. Особливо, какъ на все это документики, да свидѣтели-съ. А я вамъ доложу, что мнѣ двѣ тысячи безпремѣнно, до зарѣзу нужно-съ. Сами посудите: я въ губернскій городъ ѣду, мѣсто по способностямъ своимъ имѣть желаю-съ, нельзя же тутъ безъ рекомендаціи, надо у всякаго-это сыскать-съ.

Дѣлать нечего, Демьянъ Ивановичъ

... далъ ему злата и проклялъ его.

По пріѣздѣ въ губернскій городъ, Порфирій Петровичъ велъ себя очень прилично, одѣлся чистенько, пріискалъ себѣ квартирку, и съ помощью рекомендательныхъ писемъ недолго оставался безъ мѣста. Самъ губернаторъ изволилъ припомнить необычайную, выходящую изъ порядка вещей опрятность, замѣченную въ земскомъ судѣ при ревизіи, и тотчасъ же предложилъ Порфирію Петровичу мѣсто секретаря въ другомъ земскомъ судѣ; но герой нашъ, къ общему удивленію, отказался.

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, отвѣчалъ онъ, слегка присѣдая: — осмѣлюсь

доложить, что ужь я съ-измальства въ этомъ при-
скорбіи находился, формуляръ свой, можно сказать,
весь измаралъ-съ. Чувства у меня, ваше превосхо-
дительство, совсѣмъ не такія-съ, не то чтобы къ
пьянству или къ безобразію, а больше отечеству
пользу приносить желаю. Будьте милостивы, спо-
добьте принять въ канцелярію вашего превосходи-
тельства.

Его превосходительство взглянули благосклонно.

— Ну, говорить:—ужь если тово, такъ я, тапе-
рича, благородство....

И махнули рукой.

Зажилъ Порфирій Петровичъ въ губернскомъ
городѣ, и все думаетъ, какъ-бы ему въ начальни-
кахъ сыскать. Обратилъ онъ по началу на себя вни-
маніе яснымъ пониманіемъ дѣла. Другой смотритъ
въ дѣло и видитъ въ немъ фигу, а Порфирій Петро-
вичъ сейчасъ запримѣтитъ самую настоящую «суть»,
ну, и развиваетъ ее, какъ слѣдуетъ. Вострепетали
исправники, вздрогнули городничіе, поблѣднѣли дво-
рянскіе засѣдатели; только и слышится по губерніи:
«ахъ ты, Господи!» И не то чтобъ поползновеніе
какое-нибудь — сохрани Богъ! прослезится даже,
бывало, какъ начнетъ говорить о безкорыстіи. Вздумалъ было, однажды, какой-то исправникъ рыжеч-
ковъ своего соленья ему прислать — вознегодовалъ
ужасно, и прямо къ его превосходительству: «такъ
моль и такъ: за чтò такое поношеніе?» Рыжечки
разыграли въ лоттерею въ пользу бѣдныхъ, а исправ-
ника выгнали.

Однако, все ему казалось, что онъ не довольно бойко идетъ по службѣ. Запримѣтилъ онъ, что жена его начальника не то чтобъ балуетъ, а такъ по сторонамъ поглядываетъ. Самъ онъ считалъ себя къ этому дѣлу непригоднымъ, вотъ и думаетъ, нельзя ли ему какъ-нибудь полезнымъ быть для Татьяны Сергѣевны.

Татьяна Сергѣевна была дама образованная, нервная; смолоду слыла красавицей; сначала, скуки ради, пошаливала, а потомъ ужъ и привычку такую взяла. Мужъ у нея былъ какъ есть звѣрь лѣсной, ревнивъ страхъ, а временемъ и поколотить. Взяло Порфирія Петровича сердоболье; началъ ѣздить къ Татьянѣ Сергѣевнѣ и все соболѣзнуетъ.

— Все-то, говорить: — у меня, Татьяна Сергѣевна, сердце изныло, глядя на васъ, какое вы съ этимъ звѣремъ тиранство претерпѣваете. Вѣдь достанется же такое блаженство—поди кому! Кажется, ручку бы только.... такъ бы и умеръ тутъ, право бы умеръ!

А Татьяна Сергѣевна слушаетъ—это да смѣется, и не то чтобъ губами только, а такъ всѣмъ нутромъ, словно дѣтки, когда имъ легонько брюшко пощекотишь.

Смекнулъ Порфирій Петровичъ, что по нраву бабъ такія рѣчи, что она имъ, пожалуй, не побрезгуетъ, да не входило это въ его разсчеты.

— Откройтесь, говорить: — мнѣ, Татьяна Сергѣевна; душу за васъ готовъ положить.

А самъ за руку ее беретъ, королевой называетъ и проливаетъ слезы сердоболія.

Вотъ и открылась она ему: любила она учителя, и онъ ее тоже любилъ—это ей достовѣрно извѣстно было. Только свиданья имъ неспособно имѣть было: все мужъ слѣдилъ; ну, и людишки съ нимъ заодно; записочки тоже любила она нѣжныя писать—и тѣ съ великимъ затрудненіемъ до предмета доходятъ. Просто, угнетеніе. Вѣчно мужъ подозрѣваетъ, оскорбляетъ сомнѣніемъ, а она? «Посудите сами, Порфирій Петровичъ, заслужила ли я такую пытку? виновата ли я, что это сердце жаждетъ любви, что нельзя заставить его молчать? засталъ ли меня кто-нибудь? Ахъ, еслибъ кто зналъ, какъ горько ошибаются люди!»

Порфирій Петровичъ охотно взялъ на себя управленіе кормиломъ этой утлой ладьи, устраивалъ свиданья, а писемъ переносилъ просто безъ счета.

Однако, хотъ письма и были запечатываемы, а онъ умѣлъ—таки прочитывать ихъ и даже не скрывалъ этого отъ Татьяны Сергѣевны.

— Вы меня извините, Татьяна Сергѣевна, говорилъ онъ ей:— не отъ любопытства, а больше отъ жажды просвѣщенія—съ, отъ желанія усладить душу перомъ вашимъ — такое это для меня наслажденіе видѣть, какъ ваше сердечко глубоко всѣ эти пріятности чувствуетъ.... Вѣдь я по простотѣ, Татьяна Сергѣевна, я вѣдь по-французскому не учился, а чувствовать, однако, могу—съ...

Она-то съ дураковъ ему смѣется—даже изапеча-

тивать письма совсѣмъ перестала, а онъ нѣтъ—нѣтъ, да и спрячетъ записочку, которая полюбопытнѣе.

Сидитъ, однажды, звѣрь лѣсной (это мужа они такъ шутя прозвали) у себя въ кабинетъ запершись, надъ бумагой свирѣпствуетъ. Стучатся. Входитъ Порфирій Петровичъ, и прямо въ ноги.

— Виновать, говоритъ, Семень Акимычъ, не погубите! Я, то—есть, единственно, по сердоболію, вижу, что дама образованная убивается, а онѣ... вотъ и письма—съ!... Думалъ я, что онѣ однимъ—это разговоромъ, а теперь видѣлъ самъ, своими глазами видѣлъ!...

Ощутилъ лѣсной звѣрь, что у него на лбу будто зубы прорѣзываются. Взялъ письма, прочиталъ — тамъ всякія такія неудобныя подробности изображаются. Глупая была баба! Мало ей того, чтобъ грѣхъ сотворить — нѣтъ, возьметъ, да на другой день все это опишетъ: помнишь ли молъ, миленькій, какъ ты сѣлъ вотъ такъ, а я сѣла вотъ этакъ, а потомъ ты взялъ меня за руку, а я дескать хотѣла ее отнять, ну, а ты»... и пошла, и пошла! да страницы четыре мелко на мелко испишетъ, и все не то чтобъ дѣло какое—нибудь, а такъ пустяки одни.

Извѣстно, остервенился звѣрь, жену избилъ на чемъ свѣтъ стоитъ, учителя въ палки поставилъ, а къ Порфирію Петровичу съ тѣхъ поръ довѣріе неограниченное питать сталъ.

Такимъ—то образомъ, онъ лѣтъ около трехъ все только обстановлялъ себя, покуда не почувствовалъ, что атмосфера кругомъ легче сдѣлалась. Вездѣ умѣлъ

сдѣлаться необходимымъ, и хотя не былъ образцомъ прелестныхъ манеръ красоты, но и не искалъ этого, постоянно имѣя въ виду болѣе прочное и существенное. Однако, увидѣвши себя на торной дорогѣ, онъ нашелъ, что было бы и глупо и не расчетъ не воспользоваться такимъ положеніемъ. Тутъ начался длинный рядъ подвиговъ, лѣтопись которыхъ была бы весьма интересна, еслибъ не имѣла печальнаго сходства съ тою, которую я имѣлъ честь разказать вамъ, читатель, въ одномъ изъ прежнихъ моихъ очерковъ ¹⁾. Результатъ оказался таковъ, что лѣтъ черезъ десять Порфирія Петровича считали ужъ въ двухъ стахъ тысячахъ.

Провинція—странная вещь, господа! и вы, которые никогда не выставляли изъ Петербурга своего носа, никогда ни о чемъ не помышляли, кромѣ паевъ въ золотыхъ пріискахъ и акцій въ промышленныхъ предпріятіяхъ, не ропщите на это!

По мѣрѣ бóльшаго плутовства, Порфирій Петровичъ все большее и большее снискивалъ уваженіе отъ своихъ сослуживцевъ и согражданъ: «Ну, чтожъ, что онъ беретъ!» говорили про него: — «беретъ, да за то дѣло дѣлаетъ; за свой, слѣдственно, трудъ беретъ.»

Однажды пришла ему фантазія за одинъ разъ всю губернію ограбить—и чтожъ? Изъѣздивъ, не полѣнился, всѣ закаулки, у исправниковъ всѣ карманы на изнанку выворотилъ, и однакожъ, не слышно было

¹⁾ См. «Прошлыя времена».

ропота, никто не жаловался. Напротивъ того, радовались, что первыя времена суровости и лакедемонизма прошли, и что сердце ему отпустило. Ужь коли этакой человѣкъ возьметъ, значить, онъ и защищать сумѣетъ. Выходить, что такому лицу деньги дать—все равно, что въ ломбартъ ихъ положить, еще выгоднѣе, потому что проценты больше.

И за всѣмъ тѣмъ, чтобъ было съ чиновниками у него фамиллярство какое—упаси Богъ! Не то чтобы водочки, или тамъ «братецъ» или «душка,» а явись ты къ нему въ формѣ, да коли на обѣдъ звать хочешь, такъ зови толкомъ: чтобъ и уха изъ живыхъ стерлядей была, и тосты по порядку, какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, настала и для него пора любви: ему было уже подъ сорокъ. Но и тутъ онъ остался вѣренъ себѣ; не влюбился съ-дуру въ первую встрѣчную юбку, не ходилъ, какъ иной трезоръ, подъ окнами своей возлюбленной. Нѣтъ, онъ женился съ умомъ, взялъ дѣвушку хоть бѣдную, но порядочную и даже образованную. Денегъ ему не нужно было—своихъ дѣвать некуда—ему нужна была въ домъ хозяйка, чтобъ и принять и занять гостя умѣла, однимъ словомъ, такая, которая соотвѣтствовала бы тому положенію, которое онъ заранѣе мысленно для себя приготовилъ. Не боялся онъ также, что она выскользнетъ у него изъ рукъ: въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ и предполагалъ кончить свою карьеру, не только человѣка съ живымъ словомъ встрѣтить было невозможно, но даже въ хорошей говядинѣ ощущалась скудость великая; слѣдовательно, увлечься или вос-

пламениться было рѣшительно нечѣмъ, да притомъ же на то и умъ человѣку данъ, чтобъ бразды правленія не отпускать. И дѣйствительно, неизвѣстно, какъ жила его жена внутренно; извѣстно только, что она никому не жаловалась и даже была весела, хоть при Порфиріи Петровичѣ какъ-будто робѣла.

Но, какъ хотите, взятки да взятки — а это и самага изощреннаго ума человѣку надоѣсть наконецъ. Безпрестанно изобрѣтай, да не то чтобъ на граду за остроуміе получить, а будь еще въ страхъ: пожалуй, и подъ судъ попадешь. Времена же наступаютъ такія, когда за подобную остроту ума не то чтобы по головкѣ гладить, а чаще того за вихорь таскаютъ. Чинъ у Порфирія Петровича былъ ужъ изрядный, женился онъ прилично; вездѣ принятъ, обласканъ и уваженъ; на послѣднихъ выборахъ единогласно старшиной благороднаго собранія избранъ; губернаторъ у него въ домѣ бываетъ: скажите намилость, ну, слѣдъ ли такой, можно сказать, особѣ по уши въ грязи барахтаться! Сталъ онъ вздыхать и томиться тоской, даже похудѣлъ и пожелтѣлъ. Въ перспективѣ ему виднѣлось мѣстечко! Господи! инда задрожитъ Порфирій Петровичъ, какъ подумаетъ объ немъ! мѣстечко съ доходами, «вотъ ужъ совершенно-то безгрѣшными!» мѣстечко покойное, мѣсто злачно, прохладно, какъ говорится...

Въ провинціи о казнѣ существуютъ между чиновниками весьма странныя понятія. Она представляется чѣмъ-то отвлеченнымъ, символическимъ, невѣсомымъ: такъ, паръ какой-то, нѣчто въ родѣ Θεμίδы

въ воображеніи секретаря уѣзднаго суда. Извѣстное дѣло, что такую особу какъ ни обижай — все-таки ничѣмъ обидѣть не можно; она все-таки сидитъ себѣ не морщится и не жалуется никому. «Кому отъ этого вредъ! ну, скажите, кому?» восклицаетъ остервенившійся идеологъ-чиновникъ, который великимъ постомъ въ жизнь никогда скоромнаго не ѣлъ, ни одной взятки не перекрестясь не биралъ, а о любви къ отечеству отродясь безъ слезъ не говаривалъ:— «кому вредъ отъ того, что вино въ казну не по сорока, а по сорока пяти копѣекъ за ведро ставится?»

И начнетъ вамъ доказывать это такъ убѣдительно, что вы и руки разставите.

Излишне было бы подсказывать догадливому читателю, что Порфирій Петровичъ желаемое мѣсто получилъ.

Съ этой-то поры разлилась въ душѣ его та мягкость, та невозмутимая ясность, которой мы удивляемся въ нашихъ губернскихъ Цинциннатахъ, пользующихся вполнѣ безгрѣшными доходами.

Занятія его пріобрѣли мирный и патріархальный характеръ: онъ болѣе всего предается садоводству и бесѣдамъ съ природой, вызывающей въ немъ благочестивыя размышленія о безпредѣльномъ величіи Божіемъ.

Усладительно видѣть его лѣтомъ, когда онъ, усадивъ на длинныя дроги супругу и всѣхъ маленькихъ Порфирьичей и Порфирьевнъ, которыми щедро надѣлила его природа, отправляется за-городъ кушать вечерній чай. Передъ вами возстаетъ картина

Іакова, окруженнаго маленькими Рувимами, Іосіями, не помышляющими еще о продажѣ брата своего Іосифа.

Тамъ, на лонѣ матери-природы, сладко отдохнуть ему отъ тревогъ житейскихъ, сладко вести кроткую бесѣду съ своею чистою совѣстью, сладко сознать, что онъ *человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій.*

КНЯЖНА АННА ЛЬВОВНА

Княжнѣ Аннѣ Львовнѣ скоро минетъ тридцать лѣтъ. Она уже довольно отчетливо сознаетъ, что надежда, та самая, которая утѣшаетъ царя на тронѣ и земледѣльца въ полѣ, начинаетъ измѣнять ей. Прошла пора дѣтскихъ игръ и юношескихъ увлеченій, прошла пора жаркихъ мечтаній и томительныхъ, но сладостныхъ надеждъ. Наступаетъ пора благоразумія. Княжна понимаетъ все это и, повидимому, покоряется своей судьбѣ; но это только повидимому, потому что жизнь еще сильнымъ ключемъ бьетъ въ ея сердце и громко предъявляетъ свои права. По этой же самой причинѣ, положеніе княжны дѣлается до крайности несносно. Она чувствуетъ, что *должна* отказаться отъ надежды, и между тѣмъ надежда ни на минуту не оставляетъ ея сердца... Чаше и чаще она задумывается; глаза ея невольно отрываются отъ работы и пристально всма-

триваются въ даль; румянецъ внезапно вспыхиваетъ на поблекнувшихъ щекахъ, и даже губы шевелятся. Должно полагать, что въ эти минуты она бываетъ очень счастлива. Когда ея папа, князь Левъ Михайловичъ, старичокъ весьма почтенный, но совершенно непосвященный въ тайны женскаго сердца, шутя называетъ ее своею Антигоной, то на губахъ ея, сисящихся изобразить пріятную улыбку, образуется нѣчто кислое, сообщающее ея доброму лицу довольно пріятное выраженіе. Нерѣдко также, среди весьма занимательнаго разговора съ наиостроумнѣйшимъ изъ крутогорскихъ кавалеровъ, съ княжной вдругъ дѣлается нервическій припадокъ, и она начинаетъ плакать. «Антигонѣ мужа хочется!» говорятъ при этомъ крутогорскіе остряки.

Княжна вообще отличная дѣвушка. Она очень умна и привѣтлива, а добра такъ, что и сказать нельзя, и между тѣмъ—странное дѣло!—въ городѣ ея не любятъ, или, лучше сказать, не то что не любятъ, а какъ-то избѣгаютъ. Говорятъ, будто сквозь ея привѣтливость просвѣчиваетъ холодность и принужденность, что въ самой добротѣ ея нѣтъ той симпатичности, той страстности, которая одна составляетъ всю цѣнность доброты. Все въ ней какъ-будто недокончено; движенія не довольно мягки, не довольно круглы; въ головѣ нѣтъ звучности, въ глазахъ нѣтъ огня, да и губы какъ-то ужъ черезчуръ тонки и блѣдны. «А все оттого, что надо Антигонѣ мужа!» замѣчаютъ тѣ же остряки.

Княжна любитъ дѣтей. Часто она затѣваетъ дѣт-

скія вечеринки и отъ души занимается маленькими своими гостями. Иногда случается ей посадить къ себѣ на колѣни какого-нибудь туземнаго малютку; долго она няньчится съ нимъ, цѣлуетъ и ласкаетъ его; потомъ какъ-будто задумается, и вдругъ начнетъ цѣловать, но какъ-то болѣзненно, томительно. «Ишь какъ ее разобрало!» глубокомысленно замѣчаютъ Крутогорцы: — «надо, охъ надо Антигонѣ мужа!»

Княжна любитъ природу — оттого что ей надо мужа; она богомольна — оттого что вымаливаетъ себѣ мужа; она весела, потому что надѣется найти себѣ мужа; скучна — оттого что надежда на мужа обманула ее... вездѣ мужъ!

Слово «мужъ» точитъ все существованіе княжны. Она читаетъ его во всѣхъ глазахъ; оно чудится ей во всякомъ произнесенномъ словѣ... И что всего грустнѣе — это страшное слово падаетъ не на здоровый организмъ, а на дѣйствительную рану, рану глубокую и вѣчно болящую. Княжна усиливается забыть его, усиливается закалить свои чувства, потерять зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе, сдѣлаться существомъ безразличнымъ, но всѣ усилія напрасны. «Кому ты дала радость? Кого надѣлила счастіемъ? Кого успокоила? Чье существованіе просвѣтлено тобой, кому ты нужна!» шепчетъ ей и днемъ и ночью неотступный голосъ, но сильнѣе голоса крутогорскихъ остряковъ. И напрасно княжна хочетъ обмануть себя тѣмъ, что она нужна папашѣ. Тотъ же голосъ твердитъ ей: «Господи! Какъ

отрадно, какъ тепло горитъ въ жилахъ молодая кровь! Какъ порывисто и сладко бьется въ груди молодое сердце! Какъ освѣжительно ласкаетъ распаленныя страстью щеки молодое дыханье! Сколько жизни, сколько тепла... сколько любви!»

И княжна невольно опускаетъ на грудь свою голову. «И какъ хорошъ, какъ свѣтелъ Божій міръ!» продолжаетъ тотъ же голосъ. — Что за живительная сила разлита всюду, что за звуки, что за звуки несутся въ воздухъ!... Отчего такъ вдругъ бодро и свѣжо дѣлается во всемъ организмѣ, а со дна души незамѣтно встаютъ всѣ ея радости, всѣ ея свѣтлыя, лучшія побужденія!»

Очевидно, что такія сафическія мысли могутъ осаждать голову только въ крайнихъ и нетерпящихъ отлагательства «случаяхъ». Княжна плачетъ, но мало-по-малу источникъ слезъ изсякаетъ; на сцену выступаетъ вся желчь, накопившаяся на днѣ ея тридцатилѣтняго сердца; ночь проводится безъ сна, среди волненій, порожденныхъ злобой и отчаяніемъ... На другой день зеркало имѣетъ честь докладывать ея сіятельству, что ихъ личико желто какъ выжатый лимонъ, а глаза покрыты подозрительною влагой...

Княжна попала въ Крутогорскъ очень просто. Папаша ея, промотавши значительное состояніе, ощутилъ потребность успокоиться отъ тревоженій свѣта и удалиться изъ столицы, въ которой не имѣлъ средствъ поддерживать себя по табели о рангахъ. Послѣ идеи о мужѣ, идея о бѣдности была самою мучительною для княжны; склонности къ роскоши

и всякаго рода удобствамъ до того впились въ нее и срослись со всѣмъ ея существомъ, что скромная дѣйствительность, которая ждала ее въ Крутогорскѣ, раздражала ее. Все здѣсь было какъ-то не по ней: общество казалось тяжелымъ и неуклюжимъ; въ домахъ все смотрѣло неопрятно; грязныя улицы и деревянные тротуары наводили уныніе; танцевальныя вечера, которые изрѣдка назначались въ «благородномъ» собраніи, отличались безвкусіемъ, доходившимъ до безобразія...

Такая полная невозможность утопить гнетущую скуку къ тѣхъ простыхъ и нетрудныхъ удовольствіяхъ свѣта, которыя, въ столицѣ, такъ доступны для всякой порядочной женщины, вызвала въ сердцѣ княжны потребность новаго для нея чувства, чувства дружбы и довѣрчивости.

Къ сожалѣнію, хотя быть-можетъ и не безъ тайнаго расчета, выборъ ея палъ на сумрачнѣйшую изъ крутогорскихъ сплетницъ, вдову умершаго подъ судомъ коллежскаго регистратора, Катерину Дементьевну Шиловостову. Катерина Дементьевна, съ юношескихъ лѣтъ, посвятила свою особу воздѣлыванію вертограда добродѣтелей, къ которымъ, какъ дама, оскорбленная судьбой, питала чрезмѣрную склонность. Добродѣтели эти заключались преимущественно въ различнаго рода чувствахъ преданности и благоговѣнія, предметы которыхъ благоразумно избирались ею между губернскими тузами. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная всему міру пресыщенность носовъ нашихъ губернскихъ аристокра-

товъ, оказывающая чувствительность лишь къ острымъ и смолистымъ ѳиміамамъ, всего болѣе руководила Катерину Дементьевну въ этомъ выборѣ! Удостоенная интимныхъ сношеній съ княжной, она нашла, что ея сіятельство въ себѣ одной соединяетъ коллекцію всѣхъ женскихъ совершенствъ. Оказывалось, напримѣръ, что «такихъ ручекъ и ножекъ не можетъ быть даже у принцессы»; что лицо княжны показываетъ не болѣе восемнадцати лѣтъ; разобраны были самыя сокровенныя совершенства ея брэннаго тѣла, мельчайшія подробности ея туалета, и вездѣ замѣчено что-нибудь въ похвалу благодѣтельницы.

И княжна потихоньку смѣялась, а иногда и вздыхала, но какъ-то сладко, успокоительно, въ нѣсколько пріемовъ, какъ вздыхаютъ капризные, но милыя дѣти, когда вдоволь наплачутся.

Не смотря на всю грубость и такъ-сказать вещественность этой лести, княжна поддалась ей: до того въ ней развита была потребность ѳиміамовъ. Отъ лести не далеко было и до сплетничанья. Княжна мгновенно, такъ-сказать гальванически, была посвящена во всѣ мелочи губернской закулисной жизни. Ей стали извѣстны всѣ скрытыя безобразія, всѣ сердечныя недуги, всѣ скорби и болячки крутогорскаго общества. Добытыя этимъ путемъ свѣдѣнія вообще пошлы и грязноваты. По большей части имъ служатъ канвою половыя побужденія и самыя сѣренькія подробности будничной жизни. Въ этомъ миніатюрномъ мірѣ, гдѣ всѣ взаимныя отношенія опредѣ-

ляются въ самое короткое время съ изумительнѣйшею точностію, гдѣ всякая личность уясняется до малѣйшей подробности, гдѣ нахально выметается въ публику весь соръ съ задняго двора семейнаго пандемоніума, всѣ интересы, всѣ явленія дѣлаются до того узенькими, до того пошлыми, что человѣку, имѣющему здоровое обоняніе, можетъ сдѣлаться тошно.

И между тѣмъ, — замѣчательная вещь! — даже личность, одаренная наиболѣе деликатными нервами, рѣдко успѣваетъ отдѣлаться отъ сокрушительнаго вліянія этой миниатурной и, по наружности, столь непривлекательной жизни! Не вдругъ, а день за день, воровски подкрадывается къ нему провиціальная вонь и грязь, и въ одно прекрасное утро онъ съ изумленіемъ ощущаетъ себя сидящимъ по уши во всѣхъ крошечныхъ гнусностяхъ и дешевыхъ злодѣйствахъ, которыми преизобилуетъ жизнь маленькаго городка. Отбиться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности: они, какъ мошки въ Барабинской степи, залѣзаютъ въ носъ и уши и застилаютъ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни была грязна и жалка эта жизнь, на которую слѣпому случаю угодно было осудить васъ, все же она жизнь, а въ васъ самихъ есть такое нестерпимое желаніе жить, что вы съ закрытыми глазами бросаетесь въ грязный омутъ—единственную сферу, гдѣ вамъ представляется возможность истратить какъ попало избытокъ жизни, быющій ключомъ въ вашемъ организмѣ. И вотъ провинціальная жизнь предлагаетъ вамъ свои дешевыя матері-

яльныя удобства, свою лѣнь, свои сплетни, свой нетрудный и незамысловатый развратъ... И все это такъ легко, такъ просто достается! Вамъ начинаетъ здаваться, что вы нѣчто въ родѣ сказочнаго паши, что стоить вамъ только пожелать, чтобы все исполнилось... Правда, залетаетъ иногда мимоходомъ въ вашу голову мысль, что и желанія ваши сдѣлались какъ будто ограниченнѣе, и умственный горизонтъ какъ-то сталъ уже, что вы легче, дешевле миритесь и удовлетворяетесь, что вообще въ васъ происходитъ что-то неловкое, неладное, отчего въ инныя минуты бросается вамъ въ лицо краска... Но мало-по-малу и эта докучная мысль начинаетъ беспокоить васъ рѣже и рѣже; вы даже сами спѣшите прогнать ее, какъ назойливаго комара, и, къ полному вашему удовольствію, добровольно, какъ въ пуховикѣ, утопаете въ болотѣ провиціальной жизни, котораго поверхность такъ зелена, что издали, пожалуй, можетъ быть принята за роскошный лугъ.

Такимъ образомъ и княжна очень скоро начала находить весьма забавнымъ, что, наприимѣръ, вчерашнюю ночь Иванъ Акимовичъ, воротясь изъ клуба ранѣе обыкновеннаго, не нашелъ дома своей супруги, вслѣдствіе чего произошла небольшая домашняя драма, по-французски называемая *roman intime*, а по-русски потасовкой, и оказалось нужнымъ содѣйствіе полиціи, чтобы водворить миръ между остервенившимися супругами.

— И послѣ этого она рѣшается показываться въ обществѣ? наивно вопрошаетъ княжна.

— И, матушка! брань на вороту не виснетъ! отвѣчаетъ вдова Шилохвостова: — у нашихъ барынь бока мѣдные, а лбы чугунные!

Въ слѣдующій разъ, предложенъ былъ разсказъ о происшествіи, случившемся въ загородномъ саду. Повздорилъ стряпчій съ какимъ-то секретаремъ. Секретарь пилъ чай, а стряпчій проходилъ мимо, и вдругъ ни съ того, ни съ сего хлысть секретаря въ самую матушку-физиономію. Секретарь, не получавшій подарковъ лѣтъ десять, возразилъ на это, что стряпчій подлецъ, а стряпчій отвѣчалъ, что не подлецъ, а тотъ подлецъ, кто платки изъ кармановъ воруетъ, и ударилъ секретаря вдругорядъ въ щеку. Кончилось дѣло, «ангелъ вы мой», тѣмъ, что въ ссору вступился протоколистъ, мущина вершковъ этакъ четырнадцати, который тѣмъ только и примирилъ враждующія стороны, что и ту и другую губительнѣйшимъ образомъ оттузилъ во всѣ мѣста.

И все это было передаваемо съ тою бѣзцвѣтною ясностію, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно-правдиваго дѣписателя.

Княжна знала, какое количество ваты истребляетъ Надежда Осиповна, чтобъ сдѣлать свой бюстъ роскошнымъ; знала, что Наталья Ивановна въ грязь полѣзетъ, если видитъ, что тамъ сидитъ мущина; что Петръ Ермолаичъ только до обѣда бываетъ человекомъ, а послѣ обѣда, вплоть до другаго утра, негодится; что Ѳедору Платонычу вчерашняго числа прислалъ полорѣцкій городничій свѣжей икры въ

презентъ; что Вѣра Евлампьевна, выдавая замужъ свою дочь, вызывала за чѣмъ — то окружныхъ изъ уѣздовъ.

Однакожь, въ одно прекрасное утро, княжна задумалась. Ей доложили, что Катерина Дементьевна разказывала *тамъ-то и тамъ-то*, будто она, княжна, безъ памяти влюблена въ секретаря земскаго суда Подгоняйчикова. Княжна не хотѣла вѣрить, но въ послѣдствіи вынуждена была уступить очевидности. По произведенному подъ рукой дознанію, оказалось, что Подгоняйчиковъ приходится роднымъ братомъ Катеринѣ Дементьевнѣ; по мужѣ Шиловостовой, и что, по всѣмъ признакамъ, онъ дѣйствительно имѣлъ какія-то темныя посягательства на сердечное спокойствіе княжны. Признаки эти были: двѣ банки помады и стеклянка духовъ, купленные Подгоняйчиковымъ въ тотъ самый періодъ времени, когда сестрица его сдѣлалась наперстницей княжны; гитара и бронзовая цѣпочка, пріобрѣтенная въ то же самое время, новые брюки, и наконецъ, найденные въ секретарскомъ столѣ стихи *къ ней*, писанные рукой Подгоняйчикова, и, какъ должно полагать, имъ самимъ сочиненные.

Княжна пришла въ ужасъ, и на другой день мадамъ Шиловостова была съ позоромъ изгнана изъ дома, а Подгоняйчиковъ, для примѣра прочимъ, переведенъ въ Оковскій земскій судъ на вакансію простаго писца.

Вѣсть эта, съ быстротою молніи, разлилась по городу, и произвела на чиновный людъ какое-то

тупое впечатлѣніе. Обвиняли всѣ больше Погоняйчиковъ.

— Слышалъ? спрашивалъ Саша Дерновъ знакомого своего, Гирбасова, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ.

— Слышалъ, отвѣчалъ Гирбасовъ:—чтожь, самъ виноватъ!

— Выходить, что надо держать языкъ за зубами...

— Да; этакъ-то, пожалуй, выгоднѣе... Недалеко вѣдь было ему и до становаго!... а не зайдешь ли къ намъ выпить водочки?

И затѣмъ Подгоняйчиковъ, со всею помадой и новыми брюками, навѣкъ канулъ въ Лету.

Разочаровавшись насчетъ крутогорской дружбы, княжна рѣшилась заняться благотворительностію. Немедленно, по принятіи такого рѣшенія, собраны были къ ея сіятельству на совѣтъ всѣ титулярные совѣтники и титулярныя совѣтницы, способные исполнять какую бы то ни было роль въ предложенномъ княжною благородномъ спектаклѣ. Выбрана была пьеса: «И хороша и дурна» и т. д. Главную роль должна была исполнить, *comme de raison*, сама виновница сего торжества; роль же Емельяна выпала на долю статскаго совѣтника Фурначева. Статскому совѣтнику думали польстить, давъ ему эту роль, потому что его высокородіе обладалъ дѣйствительнымъ комическимъ талантомъ; однако, сверхъ всякаго ожиданія, это обстоятельство погубило спектакль. Статскій совѣтникъ Фурначевъ оскорбился;

онъ справедливо нашелъ, что въ Крутогорскѣ столько губернскихъ секретарей, которые, такъ сказать, созданы въ мѣру Емельяна, что странно и даже неприлично возлагать такое порученіе на статскаго совѣтника. Спектакль не состоялся, но прозвище Емельяна навсегда упрочилось за статскимъ совѣтникомъ Фурначевымъ. Даже уличные мальчишки, завидя его издали, поспѣшающаго изъ палаты отвѣдать горячихъ щей, прыгали и кричали что есть мочи: «Емельянъ! Емельянъ идетъ!»

Княжна этимъ утѣшилась.

Послѣ этой неудачи, княжна попробовала благотворительной лоттереи. Къ участию приглашены были всѣ лица, извѣстныя своею благотворительностью и готовностью на пользу ближняго. Въ разосланныхъ на сей конецъ объявленіяхъ, упомянуты были слезы, которыя предстояло отереть, старцы, обремененные дѣтьми, которыхъ непременно нужно было одѣть, и даже дѣти, лишенные старцевъ. Въ одно прекрасное утро, проснувшіеся крутогорскіе чиновники съ изумленіемъ увидѣли, что по улицамъ мирнаго Крутогорска журчатъ ручьи слезъ, а площади покрыты дрожащими отъ холода голыми малютками. И княжна не напрасно взывала къ чувствительнымъ сердцамъ Крутогорцевъ. Первымъ на ея голосъ отозвался управляющій одною изъ палатъ, какъ *grand seigneur* и самъ попечитель множества малютокъ, приславшій табакерку съ музыкой; за нимъ послѣдовалъ непремѣнный членъ строительной комиссіи, жена котораго пожертвовала подушку

съ изображеніемъ Турка, играющаго на флейтъ. Черезъ недѣлю кабинетъ княжны былъ наполненъ всякаго рода рѣдкостями. Тутъ былъ и окаменѣлый ракъ, и вѣчная борзая собака, въ видѣ прессъ-папье; но главную роль все-таки играли разнаго рода вышиванья.

Княжна была очень довольна. Она безпрестанно говорила объ этихъ *милыхъ бѣдныхъ*, и называла ихъ не иначе, какъ *своими сиротками*. Конечно, «ея участіе было въ этомъ дѣлѣ самое ничтожное»; конечно, она была только распорядительницей, «elle ne faisait que courir au devant des vœux de l'aimable société de Kroutogorsk», тѣмъ не менѣе она была такъ счастлива, такъ проникнута, «si pénétrée» святостью долга, выпавшаго на ея долю!—и въ этомъ, единственно въ этомъ, заключалась ея «скромная заслуга». Если бы nous autres не спѣшили на встрѣчу de toutes les misères, которыя точатъ, oui, qui rongent, — c'est le mot — наше бѣдное общество, можно ли было бы сказать, что мы исполнили наше назначеніе? Съ другой стороны, еслибъ не было бѣдныхъ, этихъ *милыхъ бѣдныхъ*, — не было бы и благотворительности, не кому было бы утирать носъ и глаза, et alors où serait le charme de cette existence! Княжна распространялась очень много на счетъ удовольствій благотворительности, и казалась до того пропитанною благовоніемъ любви къ ближнему, что дѣвицы Фигуркины, тщательно наблюдавшія за нею и передразнивавшія всѣ ея движенія, увѣряли, что изъ го-

ловы ея, во время розыгрыша лоттереи, вылетало какое-то электричество.

Но увы! кончилась и лоттерея; брантмейстеръ роздалъ по два цѣлковыхъ всѣмъ безносимъ старухамъ, которыя оказались на ту пору въ Крутогорскѣ; старухи въ свою очередь внесли эти деньги полностью въ акцизно-откупное коммиссіонерство— и снова все сдѣлалось тихо.

Снова осталась княжна одинъ-на-одинъ съ своею томительною скукой, съ безпредметными тревогами, съ непереносимымъ желаніемъ высказаться, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь жаждой любви и счастья, которая какъ червь источила ея бѣдное сердце. Снова воздухъ насытился звуками и испареньями, отъ которыхъ дѣлается жутко сердцу и жарко головъ.

Однажды княжнѣ встрѣтилась необходимость войти въ комнату, которая была предназначена для дежурнаго чиновника. На этотъ разъ дежурнымъ оказался Павелъ Семенычъ Техоцкій, молодой человекъ, отлично скромный, и обладавшій сверхъ того интереснымъ и блѣднымъ лицомъ. Павелъ Семенычъ, при появленіи княжны, нѣсколько смутился; княжна, при взглядѣ на Павла Семеныча, слегка покраснѣла. Въ рукахъ у нея былъ конвертъ, и конвертъ этотъ, неизвѣстно по какой причинѣ, упалъ на полъ. Техоцкій бросился поднимать его и... поднималъ. Княжна поблагодарила, но безъ всякаго измѣненія и дрожанія въ голосъ, какъ ожидаютъ, быть—

можетъ, нѣкоторые читатели, сохранившіе юношескую привычку вѣрить во внезапныя симпатіи душъ.

— Не можете ли вы отнести этотъ конвертъ на почту? спросила княжна.

Техоцкій взялъ конвертъ и удалился изъ комнаты.

Несмотря на свою кажущуюся ничтожность, происшествіе это имѣло чрезвычайное вліяніе на княжну. Не извѣстно почему, ей показалось, что Техоцкій принадлежитъ къ числу тѣхъ гонимыхъ и страждущихъ, которые стоятъ цѣлою головою выше толпы, ихъ окружающей, и поэтому самому должны каждый свой шагъ въ жизни запечатлѣть пожертвованіями и упорною борьбой. Она не имѣла времени или не дала себѣ труда подумать, что такіе люди, если они еще и водятся на бѣломъ свѣтѣ, высоко держатъ голову и гордо выставляютъ свой нахальный носъ въ жертву дерзкимъ вѣтрамъ, а не понуриваютъ ее долу, какъ это дѣлалъ Техоцкій.

Княжна саму-себя считала одною изъ «непризнанныхъ», и потому весьма естественно, что душа ея жаждала встрѣтить такого же «непризнаннаго». Съ двадцати-пяти-лѣтняго возраста, то-есть, съ того времени, когда мысль о наслажденіяхъ жизни оказалась крайнѣ сомнительною, княжна начала уже думать о *гордомъ страданіи*, и мысленно создавала для себя среди вѣчно волнующагося океана жизни неприступную скалу, съ вершины которой она, «непризнанная», съ улыбкой горечи и презрѣнія смотрѣла бы на мелочную суетливость людей. Мудрено ли, что она и Техоцкаго нарядила въ тѣ самыя

одежды, въ которыхъ сама мысленно любила красоваться? Сердце такъ легко находить то, къ чему постоянно стремится! Разстояніе, которое лежало между ею и бѣднымъ маленькимъ чиновникомъ канцеляріи ея папаша, только давало новую пищу ея воображенію, раздражая его и ежечасно подстрекая то стремленіе къ неизвѣстному и неизвѣданному, которое во всякой женщинѣ составляетъ господствующую страсть.

Княжна сдѣлалась задумчивѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то дѣятельнѣе. Она чаще устраивала собранія и всякаго рода общественныя увеселенія, и чрезвычайно хлопотала, чтобы въ нихъ принимало участіе какъ можно болѣе молодыхъ людей. Иногда ей удавалось встрѣчать тамъ Техоцкаго, и хотя, по своему положенію въ губернскомъ свѣтѣ, она не могла ни говорить, ни танцовать съ нимъ, но въ эти вечера она была вполнѣ счастлива. По возвращеніи домой, она садилась къ окну, и сердце ея дѣлалось театромъ тѣхъ жгучихъ наслажденій, которыя сушатъ человѣка и въ то же время втягиваютъ его въ себя сверхъестественною силой. Слова любви, полныя тоски и моленій, тихо нѣжили ея слухъ; губы ея чувствовали чье-то жаркое прикосновеніе, а въ жилахъ внезапно пробѣгала тонкая, разѣдающая струя огня... Мучительныя, но отменно-хорошія мгновенія!

Однакожь, встрѣчи съ Техоцкимъ не могли быть частыми. Оказалось, что для того, чтобы проникнуть въ святилище веселія, называемое клубомъ, необходимо было вносить каждый разъ полтинникъ,

и это правило, неудобное для мелких чиновников вообще, было въ особенности неудобно для Техоцкаго, который былъ изъ мелкихъ мельчайшимъ. Узнавши объ этомъ, княжна разсердилась; по выраженію Сафо, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, приходилась ей двоюродною сестрицей, она сдѣлалась «зеленѣе травы». Сверхъ того, и въ отношеніи къ туалету у Техоцкаго не все было въ исправности; и провинности, обнаруживавшіяся по этой части, были такъ очевидны, что не могли не броситься въ глаза даже ослѣпленной княжнѣ. Фракъ былъ и коротокъ и узокъ; рукава какъ-то мучительно обтягивали руки, и на швахъ побѣлѣли; пуговицы обносились; жилетъ оказывался съ какими-то стеклянными пуговицами, а перчатокъ и совсѣмъ не было... вовсе неприлично! Хотя княжна и стремилась душой къ гонимымъ и непризнаннымъ, но ей было желательно, чтобъ они были одѣты прилично, имѣли бѣлыя перчатки и носили лакированные сапоги. Это такъ мило: Чайльдъ-Гарольдъ, съ блѣдными щеками, высокимъ лбомъ, — и въ безподобнѣйшемъ черномъ фракѣ! У княжны имѣлась небольшая сумма денегъ, сбереженная отъ покупки разнаго женскаго тряпья: предстояло деньги эти, во что бы то ни стало, вручить Техоцкому.

Павелъ Семенычъ былъ снова дежурнымъ, и снова княжна посѣтила дежурную комнату. Оказывалось нужнымъ написать какой-то адресъ на конвертъ письма.

— Отчего вы не бываете къ клубу? спросила

княжна совершенно неожиданно, и на этотъ разъ съ видимымъ волненіемъ.

Техоцкій смутился, и просто ни слова не отвѣтилъ.

— Вы хорошо пишете, сказала княжна, разсматривая его почеркъ.

Но Техоцкій опустилъ глаза въ землю и продолжалъ упорно молчать.

— Вы гдѣ учились?

— Въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, ваше сіятельство, отвѣчалъ Техоцкій скороговоркой и покраснѣвъ какъ ракъ.

Княжна задумалась. При всей ея экзальтаціи, сочетаніе словъ: «сіятельство» и «училище дѣтей канцелярскихъ служителей», звучало такъ безобразно, что не могло не поразить ея.

— Хорошо, сказала она: — приходите завтра; мнѣ нравится вашъ почеркъ, и я найду для васъ работу.

Княжна отконала какую-то старую рукописную поэму; нашла, что она дурно переписана, и на другой день вручила ее Техоцкому.

— Вы можете разобрать эту руку? спросила княжна.

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Техоцкій.

— Отчего вы говорите мнѣ «ваше сіятельство»?

Техоцкій молчалъ.

— Порядочные люди говорятъ просто «княжна», продолжала она задумавшись и какъ будто про себя.

— Вы читаете что-нибудь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Служу-съ.

— А дома?

Техоцкому сдѣлалось неловко.

— Вы читайте, сказала княжна и сдѣлала знакъ головою, чтобъ онъ удалился.

По уходѣ его, Аннѣ Львовнѣ сдѣлалось необыкновенно грустно: ничтожество и неотесанность Техоцкаго такъ ярко выступили наружу, что ей стало страшно за свои чувства. Въ это время вошелъ въ ея комнату папаша: она бросилась къ нему, прижалась лицомъ къ его груди и заплакала.

— Что ты! что съ тобой, дурочка? спросилъ его сіятельство, сильно перетревожившись.

— Мнѣ скучно, папасецька, отвѣчала княжна, вдругъ превращаясь въ доврчиваго и картавящаго шестнадцатилѣтнаго ребеночка.

Его сіятельство, откровенно сказать, былъ вообще простоватъ, а въ женскихъ дѣлахъ и ровно ничего не понималъ. Однако, онъ притворился, будто объ чемъ-то думаетъ, при чемъ физіономія его приняла совершенно свиное выраженіе, а руки какъ-то нескладно болтались по воздуху.

— Ужъ право, я не знаю, чего тебѣ, дурочка, хочется! сказалъ онъ въ сильнѣйшемъ раздумьи: — кажется, ты первое лицо въ городѣ.... право, не знаю, чего тебѣ хочется!

И князь усиленно вздохнулъ, какъ будто вывезъ цѣлый возъ въ гору.

— Папасецька! какое самое послѣднее мѣсто на свѣтѣ? вдругъ спросила княжна.

— То-есть какъ самое послѣднее?

Ну да, самое послѣднее; такое вотъ, гдѣ всѣ приказываютъ, а самъ никому не приказываешь, гдѣ заставляютъ писать, дежурить...

Князь углубился.

— То-есть какъ же дежурить? спросилъ онъ: — дежурятъ, дурочка, чиновники, *mais on n'en parle pas...*

— Ну, а какое мѣсто выше чиновника?

Князь чрезвычайно обрадовался случаю выказать передъ дочерью свои административныя познанія, и тутъ же объяснилъ, что чиновникъ — понятіе генерическое, точно такъ же, какъ напимѣръ рыба; что есть чиновники-осетры, какъ его сіятельство, и есть чиновники-пискари. Бываетъ и еще особый видъ чиновника — чиновникъ-щука, который, во время жора, заглатываетъ пискарей; но осетры, *ma chère enfant, c'est si beau, si grand, si sublime*, что на такую мелкую рыбешку, какъ пискари, не стоить обращать и вниманіе. Княжна призналась, что она знаетъ одного такого пискаря; что у него старушка-мать, *une gentille petite vieille, et très proprette* — право! — и пять сестеръ, которыхъ онъ единственная опора. И для того, чтобы эта опора была солиднѣе, необходимо, какъ можно скорѣе, произвести пискаря, по крайней мѣрѣ, въ щурята

Между тѣмъ, Павелъ Семенычъ, по свойственной

человѣчеству слабости, спѣшилъ сообщить о постигшемъ его счастьи испытанному своему другу Петькѣ Трясучкину. Трясучкинъ получалъ жалованья всего пять рублей въ мѣсяцъ, и по этой причинѣ былъ съ головы до пятокъ закаленъ въ горниль житейскихъ бѣдствій. Родители назвали его при рожденіи Петромъ, но обычай утвердилъ за нимъ прозваніе Пѣтуха, съ которымъ онъ совершенно освоился. Нѣкоторые называли его также принцемъ и вашимъ превосходительствомъ: онъ и на эти прозвища откликался, и вообще выказывалъ въ этомъ отношеніи полнѣйшее равнодушіе. Только дѣйствительное его имя, Петръ Ивановичъ, нѣсколько дико звучало въ его ухѣ: до такой степени оно было изгнано изъ общаго употребленія.

Юные коллежскіе регистраторы и канцелярскіе чиновники избирали его своимъ конфидентомъ въ сердечныхъ случаяхъ, потому что онъ по преимуществу былъ мужъ совѣта. Хотя бури жизни и порастрепали нѣсколько его туалетъ, но никто не могъ дать болѣе полезнаго наставленія насчетъ цвѣта штановъ, который могъ бы подѣйствовать на сердце съ сокрушительною силой....

Трясучкинъ выслушалъ внимательно простодушный разказъ своего друга, разказъ, который во многомъ могъ бы напомнить ему исторію любви Отелло, еслибъ только Трясучкинъ зналъ о существованіи ревниваго Мавра. Тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ, что «тутъ, братъ, пахнетъ Подгоняйчиковымъ».

— Это, братъ, дѣло надобно вести такъ, продолжалъ онъ: — чтобъ тутъ самъ чортъ ничего не понялъ. Это, братъ, ты попріятельски поступилъ, что передо мной открылся; я эти дѣла вотъ какъ знаю! Я, братъ, во всѣхъ этихъ штукахъ искуссился! Не даромъ же я бѣдствовалъ, не даромъ три мѣсяца жилъ въ шкапу въ уголовной палатѣ: квартиры, братъ, не было — вотъ что!

— Ну, такъ какъ же ты думаешь, Пѣтухъ! вѣдь тутъ славную можно штуку сыграть!

Трясучкинъ замоталъ головой.

— Ты меня послушай! говорилъ онъ таинственнымъ голосомъ: — это, братъ, все зависитъ отъ того, какъ поведешь дѣло! Можетъ быть славная штука, можетъ быть и скверная штука; можно быть становымъ, и можно быть ничѣмъ.... понимаешь!

— Да, оно хорошо, кабы становымъ!

— Ты сказалъ становымъ — хорошо! Слѣдовательно, и дѣйствуй такимъ манеромъ, чтобъ быть тебѣ становымъ. А если, братъ, будешь становымъ, возьми меня къ себѣ въ писмоводители! Мнѣ, братъ, что! мнѣ хлѣба кусокъ, да мѣсто на печкѣ! я, братъ, Спартанецъ! одно-слово, въ шкапу три мѣсяца выжилъ!

— Какъ, въ шкапу?

— Такъ, братъ, въ шкапу! Ты думаешь, можетъ, дѣло обо мнѣ въ шкапу лежало! такъ нѣтъ: самъ своей собственной персоной въ шкапу, въ еловомъ шкапу обиталъ! тамъ, братъ, и ночевалъ!

— Такъ вотъ мы каковы! говорилъ Техоцкій,

охорашиваясь передъ кускомъ зеркала, висѣвшимъ на стѣнѣ убогой комнаты, которую онъ занималъ въ домѣ провинціальной секретарши Оболдуевой: — въ насъ, братъ, княжны влюбляются!

— А вѣдь она ... того! продолжалъ онъ, приглажая начатки усовъ, къ которымъ всѣ канцелярскіе чувствуютъ вообще нѣкоторую слабость: — бабѣнка-то она хоть куда! И какія, братъ, у нея ручки прелесть! такъ вотъ тебя и манить, такъ и подмываетъ!

— Что ручки! отвѣчалъ Трясучкинъ уныло: — тутъ главное дѣло не ручки, а становымъ быть! вотъ ты объ чемъ подумай!

И на дружескомъ совѣтѣ положено было о ручкахъ думать какъ можно менѣе, а напротивъ того, всѣ силы-мѣры направить къ одной цѣли — мѣсту становаго.

Ваше сіятельство! куда вы попали? что вы сдѣлали, какое тайное преступленіе лежитъ на совѣсти вашей, что какой-то Трясучкинъ, гадкій, оборванный, Трясучкинъ осмѣливается взвѣшивать ваши дѣвственные прелести и предпочитать имъ — о ужасъ! — мѣсто становаго пристава! Embourbée! embourbée! Всѣ воды рѣки Крутогорки не смоютъ того пятна, которое неизгладимо легло на вашу особу!

Княжна дѣйствительно томится и увядаетъ. Еще въ дѣтствѣ она слыхала, что одна изъ ея grandes-tantes, princesse Nina, убѣжала съ какимъ-то разнощикомъ; ей разказывали объ этой исторіи, comme

d'une chose sans nom, и даже, изъ боязни запачкать воображеніе княжны, не развивали всѣхъ подробностей, а выражались общими словами, что родственница ея сдѣлала vilénie. И вдругъ та же самая vilénie повторяется на ней! Потому что вѣдь разнощикъ и Техоцкій — это, въ сущности, одно и то же, потому что и папа удостовѣряетъ, что чиновники, ma chère enfant, ce sont de ces gens dont on ne parle pas.

И между тѣмъ сердце говоритъ громче, нежели всѣ доводы разсудка; сердце дрожить и сжимается, едва заслышитъ княжна звуки голоса Техоцкаго, какъ дрожить и сжимается мышенокъ, завидѣвъ для себя неотразимую смерть въ образѣ жирнаго, самодовольнаго кота.

И чѣмъ плѣнилъ онъ ее? Чтò могло заставить ее, княжну, снизойдти до бѣднаго, никѣмъ не замѣчаемаго чиновника? Разсудокъ отвѣчаетъ, что всему виною праздность, полная бездѣятельность души, тоска, тоска и тоска! Но почему же не Трясучкинъ, а именно Техоцкій далъ сердцу ту пищу, которой оно жаждало! Княжна съ ужасомъ должна сознаться, что тутъ существуютъ какіе-то смутные расчеты, что она сама до такой степени embourbée, что даже это странное сборище людей, на которое всякая порядочная женщина должна смотрѣть совершенно безстрастными глазами, перестаетъ быть безразличнымъ сбродомъ, и напротивъ того, въ немъ выясняются для нея совершенно опредѣлительныя фигуры, между которыми она начинаетъ уже различать красивыхъ отъ уродовъ, глупыхъ отъ умныхъ,

какъ будто не всѣ они одни и тѣ же — о, mon Dieu, mon Dieu!

И за всѣмъ тѣмъ княжна не можетъ не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что вѣдь Техоцкій совсѣмъ даже не человѣкъ, что ему можно приказать любить себя, какъ можно приказать отнести письмо на почту.

Это для него все единственно-сѣ.

Въ этой борьбѣ, въ этихъ сомнѣніяхъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Техоцкій, благодаря новому положенію, созданному для него княжной, новой парѣ платья, которую также княжна успѣла какимъ-то образомъ устроить для него на свой счетъ, втерся въ высшее крутогорское общество. Онъ уже говорить о княжнѣ безъ подобострастія, не называетъ ее «сіятельствомъ» и вообще ведетъ себя какъ джентльменъ, который, по крутогорской пословицѣ, «сальныхъ свѣчъ не ѣстъ, стекломъ не закусываетъ.» Сама княжна, встрѣчая его въ обществѣ, помаленьку разговариваетъ съ нимъ. Разговоръ ихъ обыкновенно отличается простотою и несложностью.

— Читали вы Оссіана? спрашиваетъ княжна, которой внезапно припадаетъ смертная охота сравнить себя съ одною изъ туманныхъ героинь этого барда.

Техоцкій краснѣетъ и закусываетъ губы. Ему въ первый разъ въ жизни приходится слышать объ Оссіанѣ.

— Вы прочтите, говоритъ княжна, нѣсколько разъ-досадованная, что разговоръ, обѣщавшій сдѣлаться интереснымъ, погибъ неестественною смертию.

Вообще, княжна, имѣвшая случай читать много и пристально, любить сравнивать себя съ героинями различныхъ романовъ. Болѣе другихъ, по сердцу пришелся Жоржъ Сандъ, и ей безъ всякихъ шутокъ иногда представляется, что она — Valentine, а Техоцкій — Benoît.

И вотъ они встрѣтились, и встрѣтились, наконецъ, одинъ-на-одинъ. Дѣло происходило въ загородной рощѣ, въ которую княжна часто ѣзжала для прогулокъ. Жаркое лѣтнее солнце еще высоко стояло на горизонтѣ, но высокія сосны и ели, среди которыхъ прорѣзаны аллеи для гуляющихъ, достаточно защищали отъ лучей его. Въ воздухѣ было томительно сухо и жарко; сильный запахъ сосны какъ-то особенно раздражительно дѣйствовалъ на нервы; въ рощѣ было тихо и мертво. Крутогорскіе жители вообще не охотники до романическихъ прогулокъ, а въ шестомъ часу и подавно. Въ это время всѣ спѣшатъ отдѣлаться отъ ежедневнаго посѣщенія статскаго совѣтника Храповицкаго, а не то, чтобъ гулять. Княжна ходила много и раскраснѣлась; въ эти минуты она была даже не дурна, и казалась несравненно моложе своихъ лѣтъ. Глаза ея были влажны и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣстѣящи; ротъ полуоткрытъ, дыханіе горячо; грудь поднималась и опускалась съ какою-то истомой... И надо же, въ такомъ чрезвычайномъ положеніи, встрѣтить — кого же? — предметъ всѣхъ тайныхъ желаній, Павла Семеныча Техоцкаго!

Что эта встрѣча была съ ея стороны не предна-

мѣренная, доказательствомъ служить то обстоятельство, что ей сдѣлалось дурно, какъ только Техоцкій предсталъ предъ глазами ея во всемъ блескѣ своей новой пары.

Человѣка княжны вблизи не было, и Техоцкому волею—неволею пришлось поддержать ее и посадить на скамью. Неизвѣстно, какъ это случилось, но только когда княжна открыла глаза, то голова ея покоилась на плечѣ у возлюбленнаго. Очнувшись, она было отшатнулась, но, вѣроятно, пары, наполнявшіе въ то время воздухъ, были до того отуманивающего свойства, что головка ея сама собою опять прильнула къ плечу Техоцкаго. Такъ пробыла она нѣсколько минутъ, и Техоцкій возымѣлъ даже смѣлость взять ея сіательство за талію: княжна вздрогнула; но еслибъ тутъ былъ посторонній наблюдатель, то въ немъ не осталось бы ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта дрожь происходитъ не отъ непріятнаго чувства, а вслѣдствіе какого-то страстнаго, всеобщаго ощущенія довольства, какъ будто ей до того времени было холодно, и теперь вдругъ по всему тѣлу разлилась жизнь и теплота. Княжна даже не глядѣла на своего обожателя; она вся сосредоточилась въ себѣ, и смотрѣла совсѣмъ въ другую сторону. Но если бы она могла взглянуть въ глаза Техоцкому, еслибъ талія ея, которую обнимала рука милаго ей канцеляриста, была, хоть на минуту, одарена осязаніемъ, она убѣдилась бы, что взоръ его тупъ и безучастенъ, она почувствовала бы, что рука эта не согрѣта внутреннимъ огнемъ.

Техоцкій молчалъ ; княжна также не могла произнести ни слова. Въ первомъ молчаніе было результатомъ тупости чувства, во второй — волненія, внезапно охватившаго все ея существо. Наконецъ, княжна не выдержала и заплакала.

— Ваше сіятельство ! произнесъ Техоцкій.

Но княжна не слышала и продолжала плакать.

— Ваше сіятельство ! вновь началъ Техоцкій : — я имѣю до васъ покорнѣйшую просьбу.

Княжна вдругъ перестала плакать, и пристально посмотрѣла на него. Техоцкій упалъ на колѣни.

— Ваше сіятельство ! вопіялъ онъ, ловя ея руки : — заставьте Бога за васъ молить ! похлопочите у его сіятельства !

Княжна встала.

— Чтожь вамъ нужно ? спросила она сухо.

— Мнѣ-съ ?... въ Оковскомъ уѣздѣ открывается вакансія становаго пристава...

— А !... произнесла княжна, и съ достоинствомъ удалилась по аллеѣ.

Къ сожалѣнію, полная развязка этой исторіи не дошла до меня. Знаю только, что съ этого времени остроумнѣйшіе изъ крутогорскихъ чиновниковъ, неизвѣстно съ какого повода, прозвали княжну паукомъ-бабой.

ВЛАДИМІРЪ КОНСТАНТИНЫЧЪ БУЕРАКИНЪ

— Дома? спросилъ я, выѣзая изъ кибитки у подѣзда сѣренькаго деревяннаго домика, въ которомъ обиталъ мой добрый пріятель Владиміръ Константинычъ Буеракинъ, владѣлецъ села Заовражья, живописно раскинувшася въ полуверстѣ отъ господской усадьбы.

— Дома, дома! отвѣчалъ Буеракинъ, собственной особой показываясь въ окошкѣ.

Но прежде, нежели я введу читателя въ кабинетъ моего знакомаго, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о личности Владиміра Константиныча.

Буеракинъ былъ сынъ богатыхъ и благородныхъ родителей. Отецъ его былъ усерднымъ помѣщикомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни наружностью, ни цивилизаціей нисколько не напоминалъ того лѣниваго и нѣсколько заспаннаго типа помѣщика, который, неизвѣстно почему, всего чаще является нашему

воображенію. Нѣтъ, старикъ считалъ себя однимъ изъ передовыхъ людей своего времени, не прочь былъ повольнодумствовать въ часы досуга и вообще былъ скептикъ и волтеріанецъ. Замѣтно было, однакожь, что всѣ эти аналитическія стремленія составляли въ жизни старика не серіозное убѣжденіе, а родъ забавы или отдохновенія, или лучше сказать, игру *casse-tête*, не имѣвшую ничего общаго съ его жизнью и никогда не прилагавшуюся на практикѣ. Тѣмъ менѣе могли быть они не только прилагаемы, но даже высказываемы при Володѣ. Въ отношеніи къ сыну, старикъ Буеракинъ являлся въ шкурѣ стараго грѣшника, внезапно понявшаго, что грѣшить и не время и не къ лицу. Поэтому, если когда-нибудь и прорывалось у него при Володѣ что-нибудь сомнительное, то онъ немедленно спѣшилъ поправить свой промахъ. Вообще Володя былъ воспитываемъ въ правилахъ субординаціи и довѣрія къ папашиному авторитету, а о старыхъ грѣхахъ почтеннаго родителя не было и помину, потому что, на старости лѣтъ, онъ и самъ началъ сознавать, что вольтерьянизмъ и вольнодумство не что иное какъ дворянская забава.

Несмотря на это, съ Володей приключилось странное происшествіе. Слушая лекціи въ школѣ, вдали отъ надзора родительскаго, онъ, хотя твердо помнилъ совѣты и наставленія, которыми наставляли его юную голову, однако, къ величайшему своему изумленію и вполнѣ непримѣтнымъ для себя образомъ, пошелъ совершенно по иному пути. Не

то, чтобъ въ головѣ его выработались какіе-нибудь положительные результаты, а просто ему нравилась атмосфера, царствовавшая въ аудиторіи, нравились слова, произносимыя въ нецеремонныхъ товарищескихъ бесѣдахъ, и мало ли что еще! Возвращаясь домой поздно вечеромъ, онъ принимался сводить въ одно цѣлое все говоренное и слышанное въ теченіи дня, и хотя не успѣвалъ въ этомъ, но чувствовалъ себя какъ-то отлично хорошо и легко. Въ чемъ именно заключалось это хорошее и легкое, онъ опредѣлить не могъ, а просто хорошо да и все тутъ.

Всякому изъ насъ памятно, вѣроятно, эти дни ученія, въ которые мы не столько учимся, сколько любимъ поговорить, а еще больше послушать, какъ говорятъ другіе о разныхъ взглядахъ на науку и въ особенности о томъ, что надо во что бы то ни стало идти впередъ и развиваться. Подъ словомъ «развиваться» разумѣются нерѣдко вещи весьма неопредѣленныя, но всегда привлекательныя для молодежи. Если не многіе, вслѣдствіе этихъ разговоровъ, получаютъ положительный вкусъ къ наукѣ, за то очень многіе дѣлаются дилеттантами и до глубокой старости стоятъ за просвѣщеніе и за *comme il faut*, которое они, въ послѣдствіи, начинаютъ не шутя смѣшивать съ просвѣщеніемъ.

— *C'est un homme si savant, si instruit!* говорятъ обыкновенно дѣвицы, слегка при этомъ вздрагивая и сжимаясь.

— *Et si comme il faut!* прибавляютъ дамы.

— О, *c'est une tête bien organisée!* замѣчаютъ

мущины, принимая дипломатическій видъ: — *ça fera son chemin dans le monde... surtout si les dames s'y prennent...*

И вотъ пошелъ дилеттантъ гулять по свѣту съ готовою репутаціей!... Но къ дѣлу.

Какъ дитя благовоспитанное и благородное, Володя, несмотря на увлеченіе, которому поддался наравнѣ съ прочими, не могъ, однакожь, не вспоминать родительскихъ наставленій, тѣмъ болѣе, что родители обращались съ нимъ не столько какъ съ рабомъ, сколько какъ съ милымъ ребенкомъ, имѣющимъ чувствительное сердце. Это дало имъ право на полную благодарность и привязанность съ его стороны. Ему было всегда такъ весело, что родители у него такіе миленькіе, чистенькіе родители, что папà отчасти даже вольтерьянецъ, *un tout petit peu*, и вообще сочувствуетъ порывамъ, а маманъ всегда такъ мило одѣта, *toujours causante, affable*. Поэтому-то онъ изъ всѣхъ силъ хлопоталъ и бился о томъ, чтобы какъ-нибудь согласить нѣсколько старческій скептицизмъ папаши, по какому-то странному обстоятельству легко мирившійся и съ авторитетомъ и съ субординаціей, съ автономическими стремленіями школьнаго кружка, въ которомъ онъ по неволѣ вращался...

Тогда произошелъ въ Володѣ тотъ разладъ, который необходимо происходитъ въ дѣтяхъ благовоспитанныхъ, имѣющихъ несчастіе долгое время тереться между дѣтьми сапожниковъ и другихъ господъ прискорбно-огорченного свойства.

Съ одной стороны, не подлежало сомнѣнію, что въ душѣ его укоренились тѣ общія и нѣсколько темныя начала, которыя заставляютъ человѣка съ уваженіемъ смотрѣть на всякій подвигъ добра и истины, на всякое стремленіе къ общему благу. Но съ другой стороны, рядомъ съ этими убѣжденіями, воспиталось въ немъ и другое чувство — чувство исключительности, заставлявшее его думать, что цивилизація, со всѣми ея благами и плодотворными послѣдствіями, можетъ принадлежать въ полную собственность лишь ему и другимъ Буеракинымъ. Поэтому, если онъ и ладилъ съ школьною молодежью, которая, по обыкновенію, густою толпой окружала благовиднаго и богатаго барича, то тайныя, живыя его симпатіи стремились со всѣмъ не къ ней, а къ господамъ Буеракинымъ, которые близки были его сердцу и по воспитанію и по тѣмъ стремленіямъ къ обще-буеракинскому обновленію, которое они считали необходимымъ для поправленія буеракинскихъ обстоятельствъ. Въ сущности, Владиміръ Константинычъ былъ весьма близко къ своему папѣ, по пословицѣ: «отъ свиньи не родятся бобренки, а все поросенки». Въ немъ обрѣтался тотъ же дилеттантизмъ, то же безсиліе къ чему-нибудь определенному и положительному; только формы были нѣсколько мягче и общедоступнѣе.

Въ то время, какъ я познакомился съ нимъ, ему было уже лѣтъ тридцать, и онъ обладалъ приличною помѣщичьему званію тучностью. Папѣ его давно лежалъ ужъ въ могилѣ; тамап тоже вскорѣ послѣ-

довала за своимъ супругомъ. Оба они покоились рядышкомъ подъ великолѣпными памятниками на кладбищѣ села Заовражья. Нельзя сказать, чтобы Владиміръ Константинычъ, принявъ въ свои руки кормило правленія, не старался сдѣлаться полезнымъ для своихъ крестьянъ, но роль благотѣльнаго и просвѣщеннаго помѣщика не далась ему. Самъ ли онъ былъ съ изъянцемъ, или крестьяне у него оказались оболтусами — неизвѣстно; но онъ долженъ былъ оставить административныя поползновенія свои. Въ результатъ оказалось, что, живучи въ деревнѣ, онъ достигъ только того, что обрюзгъ и страшно облѣнился, не выходя по цѣлымъ днямъ изъ халата.

— Насилу-то васъ занесло въ нашу сторону, сказалъ онъ, протягивая мнѣ обѣ руки: — а я было не на шутку начиналъ думать, что становые ведутъ себя примѣрно.

— Какую же связь имѣетъ мой пріѣздъ къ вамъ съ поведеніемъ становыхъ?

— Ну, не хитрите, не скрывайтесь же, милѣйшій мой Немвродъ, велій ловецъ становыхъ предъ губернаторомъ! развѣ мы не знаемъ, зачѣмъ вы въ наши страны жалуете!

И онъ началъ похаживать по комнатѣ; посматривая на меня и улыбаясь нѣсколько иронически.

— Ну, слава Богу! кажется, все обстоитъ по старому! продолжалъ онъ, весело потирая руки: — Немвродъ въ движеніи—стало-быть, хищные звѣри

не оставили проказъ своихъ... Ну, а признайтесь, вы, вѣрно, на ловлю собрались?

Я сознался.

— То-то же! я на это имѣю ужъ взглядъ... А знаете ли, вѣдь вы отличнѣйшій человѣкъ... Это я вамъ говорю безъ комплиментовъ...

Я поблагодарилъ.

— Только жаль, что донкихотствуете, прибавилъ онъ.

— Это почему?

— Да потому что вотъ задумали всѣхъ блохъ переловить... Сами согласитесь, что вѣдь на это порошокъ такой нуженъ, и что съ одними пальцами, какъ бы они ни были прытки, тутъ не уѣдешь далеко... А ну, покажите-ка мнѣ вашъ порошокъ!

— Я дѣлаю чтò могу, возразилъ я.

— То-то чтò могу! вотъ вы одну какую-нибудь крохотную блошинку изловите, да и кричите чтò мочи есть, что вотъ-дескать одной блошицей меньше, а того и не видите, что на то самое мѣсто сотни другихъ блохъ изъ нечистоты выскакиваютъ... такое ужъ, батюшка, удобное для этой твари мѣсто...

— Согласитесь, однакожь, что еслибы всѣ смотрѣли на это такъ же равнодушно, какъ вы смотрите; еслибъ никто не начиналъ, а всѣ ограничивались только разговорцемъ, то куда жъ бы дѣваться отъ блохъ?

— Такъ вы серіозно вѣрите въ злодѣевъ, вѣрите въ злоупотребленія? спросилъ онъ, останавливаясь передо мной.

— Какъ нельзя болѣе серьезно.

— И думаете, что всѣ эти дѣйствія, которыя вы называете злодѣйствами и злоупотребленіями, что вся эта галиматья, однимъ словомъ, проникнута какою-нибудь идеей, что къ ней можно примѣнить принципъ «вмѣненія»?

— Да.

— Да это потѣха, и вы истинно наивный молодой человѣкъ! Я очень желалъ бы, чтобъ вы покороче сошлись съ нашимъ милѣйшимъ Иваномъ Демьянычемъ, чтобы вы лично удостовѣрились, какъ онъ кротко пьетъ водку, какъ благодушно съ вами бесѣдуетъ, какъ онъ не знаетъ чѣмъ угостить, гдѣ усадить васъ... А между тѣмъ не безызвѣстно и вамъ, господинъ губернской чиновникъ, что тотъ же самый Иванъ Демьянычъ съ удовольствіемъ и совершенно спокойною совѣстью оберетъ до тла добродушнаго субъекта, который попадется ему въ вѣршу... И вы называете преступникомъ этого прекраснѣйшаго отца семейства, этого добродѣтельнаго гражданина?

— А вольно же ему ставить вѣрши!

— А ставить онъ ихъ потому, что такъ инстинктъ ему велитъ; ставить потому, что онъ животное плотоядное... Слыхали вы когда-нибудь о танцѣ, называемомъ «комаринскою»?

— Слыхалъ.

— Это такой, сударь, танецъ, въ которомъ ни связи, ни системы, ни смысла ни подъ какимъ видомъ добиться нельзя. Развѣ можете дать себѣ

отчетъ, почему онъ танцуется такъ, а не иначе? Точно такимъ же образомъ течетъ и жизнь Ивана Демьяныча: онъ не умствуешь, не заносится, а танцуетъ себѣ комаринскую, покуда ноги носятъ... И какимъ образомъ, спрашиваю я васъ, прекратите вы этотъ танецъ, если онъ въ нравахъ, если въ воздухѣ есть что-то располагающее къ нему! Ну, положимъ, вы его остановили, вы размяли ему надлежащимъ образомъ руки и ноги, научили становиться въ пятую позицію, дѣлать *chassé en avant*, *pas de cozaque* и проч. Но что же изъ этого? Выпустили вы его изъ подъ вашей ферулы, смѣтрите— а онъ опять отплясываетъ комаринскую... Такъ-то, мой милѣйшій!

Разговоръ этотъ, однакожь, тяготилъ меня.

— Ну, а вы что подѣлываете? спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія, чтобы переменить тему.

— Да вотъ какъ видите. Лѣнюсь и отчасти мечтаю о томъ, какъ вы, бѣдняги, люди молодые и задорные, желаете луну съ неба селитряной кислотой свести, душу становаго наизнанку выворотить, какъ вы черненькое хотите сдѣлать сѣренькимъ, и какъ это черненькое изъ всѣхъ силъ протестуетъ противъ вашихъ администраторскихъ поползновеній...

— Это занятіе очень милое, сказалъ я: — дѣйствительно, оно легче, если я буду въ халатикѣ показывать да показывать добрымъ людямъ, какіе у меня зубы бѣлые, нежели дѣло дѣлать.

— А что вы думаете? и въ самомъ дѣлѣ, показывать зубы весело, особливо, если они бѣлые и

вострые... Всѣ смотрятъ на тебя и думаютъ: о, этому господину не попадайся на зубы: какъ разъ раскусить! Это я на себѣ испыталъ! знаете ли вы, что я здѣсь слышу за отмѣнно злого и слѣдовательно за отмѣнно умнаго человѣка?

— Знаю... чтожъ, это и справедливо... отчасти...

— Вы мнѣ льстите! Я вамъ скажу, напротивъ, что я отмѣнно добрый, и хотя дѣйствительно не совсѣмъ глупый, но совершенно негодный человекъ... знаете ли вы, чѣмъ я занимаюсь?...

— Нѣтъ, но догадываюсь...

— Напримѣръ?

— А вотъ похаживаете изъ угла въ уголъ и думаете, что кругомъ васъ все такъ скверно, такъ растлѣнно, такъ неопратно, что никакая панацея этого ни измѣнить, ни исправить не можетъ...

— Угадали. Но отъ васъ ускользнули нѣкоторыя подробности, которыя я и постараюсь объяснить вамъ. Первое дѣло, которымъ я занимаюсь, — это мое искреннее желаніе быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Это дѣло не трудное, и я достигаю достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, коль скоро какъ можно менѣе вмѣшиваюсь въ дѣла управленія. Вы, однакожъ, не думайте, чтобъ я поступалъ такимъ образомъ изъ безпечности или преступной лѣности. Нѣтъ, у меня такое глубокое убѣжденіе въ совершенной ненужности вмѣшательства, что и управляющій мой существуетъ только для вида, для очистки совѣсти, чтобъ не сказали, что овцы безъ пастыря ходятъ... Поняли вы меня?

— Ну, тутъ еще не много работы...

— Больше, нежели вы предполагаете... Одна-кожь, въ сторону это. Второе мое занятіе — это лѣнь. Вы не можете себѣ вообразить, вы, человѣкъ дѣятельный, вы, нашъ Немвродъ, сколько страшной, разнообразной дѣятельности представляетъ лѣнь. Вамъ кажется вотъ, что я въ халатѣ, хожу без-полезно покомнатѣ, иногда насвистываю итальянскую арію, иногда поплеываю, и что все это, взятое въ совокупности, составляетъ то состояніе души, ко-торое вы, профаны, называете праздностью.

— Почти что такъ, замѣтилъ я мимоходомъ.

— Вы меня извините, но вы глубоко заблуж-даетесь. Все это происходитъ отъ вашей близору-кости, отъ того, что вы, господа Немвроды, не умѣете читать за строками, что васъ поражаетъ только то, что хлещетъ вамъ прямо въ глаза. Вы не въ состояніи понять, что никогда дѣятельность души не бываетъ такъ напряженно сильна, какъ въ то время, когда я сплевываю или мурлыкаю подъ носъ арію: *oh per chè non posso odiar ti!* Вы не можете постигнуть, какая страшная работа происходитъ тогда во мнѣ, какія смѣлыя утопіи, какія удивитель-нѣйшія панацеи рождаются въ моемъ возбужденномъ воображеніи. Вы люди практическіе и слѣдовательно ограниченные; вамъ бы вотъ только блоху поймать да и сжечь ее на свѣчкѣ; вы даже не хотите по-смотреть, какъ она дрыгается ножками, палимая вѣч-нымъ огнемъ, потому что вдали мелькаетъ передъ вами другая блоха, которую вамъ также настоятъ

изловить... Ну, а мы люди мысли, люди высшихъ взглядовъ и общихъ соображеній, мы смотримъ на это дѣло иначе: насъ занимаютъ міровыя задачи... такъ-то-съ!

Послѣднія слова онъ произнесъ не безъ ироніи.

— И вы не можете себѣ представить, продолжалъ онъ: — какая втягивающая, почти одурманивающая сила заключается въ этой лѣни! Ходишь этакъ по комнатѣ, ходишь цѣлый день, а мысли самыя милыя, самыя разнообразныя, такъ и роятся, такъ и роятся въ головѣ... Иная даже какъ-то особенно пристанетъ къ тебѣ, словно вотъ пчела жужжитъ, да такъ сладко, такъ успокоительно. Ну, и доволенъ, да еще такъ доволенъ, что на пріѣздъ посторонняго—я не говорю этого объ васъ—смотришь, какъ на что-то въ родѣ наказанія... Знаете, я все добиваюсь, нельзя ли какъ-нибудь до такого состоянія дойти, чтобъ внутри меня все въ концѣ успокоилось, чтобъ и кровь не волновалась, и душа чтобъ переваривала только тѣ милые образы, тѣ кроткія ощущенія, которыя она самодѣтельно выработала... вы понимаете? Чтобъ этого внѣшняго міра съ его прискорбіемъ не существовало вовсе, чтобъ я самъ былъ авторомъ всѣхъ своихъ радостей, всей своей внутренней жизни.... Какъ вы думаете, достигну я этого?

— Но позвольте мнѣ замѣтить, сказалъ я:—блаженствомъ, котораго вы такъ добиваетесь, обладаютъ очень многіе...

— Сумашедшіе, хотите вы сказать?... догово-

ривайте, не краснѣйте! Но кто же вамъ сказалъ, что я не хотѣлъ бы не то, чтобъ съума сойти—это неприятно—а быть сумашедшимъ? По моему искреннему убѣжденію, смерть и сумашествіе двѣ самыя завидныя вещи на свѣтѣ, и когда-нибудь я поподчую себя этимъ лакомствомъ. Смерть я не могу себѣ представить иначе, какъ въ видѣ состоянія сладкой мечтательности, состоянія грёзъ и несокрушимаго довольства самимъ собой, продолжающагося цѣлую вѣчность... Я понимаю иногда Вертера...

Пріятель мой началъ ходить большими шагами по комнатѣ, и лицо его дѣйствительно приняло какое-то болѣзненно-довольное выраженіе.

— Знаете ли вы, какой предметъ занималъ меня передъ вашимъ пріѣздомъ? спросилъ онъ, останавливаясь передо мной: — быюсь объ закладъ, что ни за что въ свѣтѣ не угадаете.

— Очень можетъ быть.

— Да; а между тѣмъ вещь очень простая. Вотъ теперь у насъ конецъ февраля и начинается оттепель. Я хожу по комнатѣ, посматриваю въ окошко и вдругъ мысль озаряетъ мою голову. Что такое оттепель? спрашиваю я себя. Задача нехитрая, а занимаетъ меня цѣлыя сутки.

Оттепель, говорю я себѣ, — возрожденіе природы; оттепель же — обнаженіе всѣхъ навозныхъ кучъ.

Оттепель — съ горъ ручьи бѣгутъ: бѣгутъ, по выраженію народному, чисто, непорочно; оттепель же — стекаются съ заднихъ дворовъ всѣ нечистоты, всѣ гнусности, которыя скрывала зима.

Оттепель — воздухъ напоенъ благоуханьемъ весны, ароматами всѣхъ злаковъ земныхъ, весело возстающихъ къ жизни отъ полугодоваго оцѣпенѣнія; оттепель же — всѣ мѣзмы, всѣ гнилыя испаренья, поднимающіяся отъ помойныхъ ямъ... И все это: и мѣзмы и благоуханія — все это стремится вверхъ къ одному и тому же небу!

Оттепель — полное томительной нѣги пѣніе соловья, задумчивый свистъ иволги, пробужденіе всѣхъ звуковъ, которыми наполняется Божій міръ, какъ будто ищетъ и рвется природа вся въ звукахъ излиться послѣ долгаго насильственного молчанія; оттепель же — карканье вороны, наравнѣ съ соловьемъ радующейся теплу.

Оттепель — пробужденіе въ самомъ человѣкѣ всѣхъ сладкихъ тревогъ его сердца, всѣхъ лучшихъ его побужденій; оттепель же — возбужденіе всѣхъ животныхъ его инстинктовъ.

Вѣдь это, батюшка, почти стихи выходятъ!

Вы скажете, что меня занимаютъ пустые вопросы, но объясните мнѣ на-милость: вы-то, вы-то рѣшеніемъ какихъ міровыхъ задачъ занимаетесь? Я, по крайней мѣрѣ, изошряю свои діалектическія способности, у меня, слѣдовательно, есть самостоятельная дѣятельность: ну, а вы что? Строчите бумаги, ѣздите по губерніи, ловите блохъ, и какъ вы тамъ ни разглагольствуйте о разныхъ высшихъ взглядахъ, а все это дѣлается у васъ безъ всякаго участія мысли, машинально, совершенно независимо отъ вашихъ убѣжденій. Для васъ это ли дѣлать, въ

карты ли играть — все одно! Ну, не во сто ли, не въ тысячу ли кратъ моя участь завиднѣе вашей, а моя дѣятельность полезнѣе вашей? Я, по крайней мѣрѣ, хожу, гляжу въ окно, умиляюсь, размышляю... Въ недавнее время вотъ точно такимъ же образомъ я разрѣшалъ вопросъ о томъ, что было бы, еслибъ вмѣсто болота, которое тянется, какъ вамъ извѣстно, сзади моей усадьбы, вдругъ очутился зеленый лугъ, покрытый душистыми и сочными травами?... И вышли соображенія довольно оригинальныя и даже, можно сказать, философическія...

— Любопытно было бы знать ихъ.

— Теперь не время, а въ послѣдствіи я не отказываюсь объяснить ихъ вамъ... Въ настоящее время я хотѣлъ вамъ доказать только ту истину, что, несмотря на мою кажущуюся лѣность и безпечность, я работаю отнюдь не менѣе, нежели вы, люди практическіе, и если результаты моихъ невинныхъ работъ незамѣтны, то и ваши усилія не приносятъ плодовъ болѣе обильныхъ... Хотите водки?

— Пожалуй.

— Эй, Павлуша! Отчего ты водку не подаешь? Развѣ не видишь, чиновникъ наѣхалъ?

Павлушка засмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

— Да развѣ они чиновники?

— Ты не развитъ еще, Павлуша! Ты думаешь, что чиновникъ непременно долженъ быть дикобразъ... Вы его извините!

Павлуша вышелъ.

— А странный народъ эти чиновники! продолжалъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ: — намедни пріѣхалъ ко мнѣ нашъ исправникъ. Сталъ я съ нимъ говорить... вотъ какъ съ вами. Слушалъ онъ меня, слушалъ и все не отвѣчаетъ ни слова. Подали водки; онъ выпилъ; закусилъ и опять выпилъ, и вдругъ его озарило наитіе: «Какой, говоритъ, вы умный человѣкъ, Владимиръ Константинычъ! отчего бы вамъ не служить?» Вотъ и вы, какъ выпьете, можете-быть, тотъ же вопросъ сдѣлаете.

— Ну, а кромѣ шутокъ, отчего вы не служите?

— А позвольте васъ спросить, почему вы такъ смѣло полагаете, что я не служу?

— Да потому, что не служите — вотъ и все.

— А въ такомъ случаѣ позвольте вамъ доказать совершенно противное. Впервыхъ, я каждый мѣсяцъ посылаю становому четыре воза сѣна, двѣ четверти овса и куль муки — слѣдовательно служу; во вторыхъ, я ежегодно жертвую десять цѣлковыхъ на покупку учебныхъ пособій для уѣзднаго училища — слѣдовательно служу; втретьихъ, я ежегодно кормлю крутогорское начальство, когда оно благоволитъ заѣзжать ко мнѣ, по случаю ревизіи, — слѣдовательно служу; вчетвертыхъ, я никогда не позволяю себѣ сказать г. исправнику, когда онъ взялъ взятку, что онъ взятки этой не взялъ — слѣдовательно служу; впятыхъ... но какъ могу я объяснить вамъ въ подробности всѣ манеры, которыми я служу?

— Однако, это легкая манера служить...

— Вы думаете? Это все зависит отъ взгляда. Я самъ убѣжденъ, что легкая, но не для всякаго. У васъ въ Крутогорскѣ есть господинъ — онъ тоже чиновникъ — котораго физіономія напоминаетъ мнѣ добродушно насмѣшливое лицо Крылова. Вся служба этого чиновника, или по крайней мѣрѣ полезнѣйшая часть ея состоитъ, кажется, въ томъ, что когда мимо его проходитъ кто-нибудь изъ вашихъ губернскихъ аристократовъ, во всемъ величїи, свойственномъ индѣйскому пѣтуху, онъ вполголоса произноситъ ему вслѣдъ только два слова: — «хоть куда!» — но этими двумя словами онъ приноситъ обществу неоцѣненную услугу. Впервыхъ, эти слова очищаютъ воздухъ отъ тлетворныхъ испареній, которыя оставляетъ за собой губернский аристократъ, а во вторыхъ, они огорошиваютъ самого аристократа, который поспѣшно подбираетъ распущенный хвостъ, и изъ нахальнаго индюка становится, хоть на время, скромною индѣйкой... Однимъ словомъ, это именно полезнѣйшій сортъ чиновника, потому что дѣйствительно и положительно смягчаетъ нравы и искореняетъ дикость!... Итакъ, за здоровье крутогорскаго Крылова и всѣхъ чиновниковъ, подобно ему служащихъ обществу безкорыстно и неліцепріятно! продолжалъ Буеракинъ, выпивая рюмку водки.

Я тоже выпилъ.

— Эту фанаберію, то-есть жажду практической дѣятельности, продолжалъ онъ: — долго носилъ и я въ своей головѣ — и бросилъ. Такой ужъ у меня взглядъ на вещи, что я не желаю ни чѣмъ огорчать —

ся и алкаю проводить дни свои въ спокойствіи. Другой на моемъ мѣстѣ помчался бы по первопуткѣ въ Петербургъ, а я сижу въ Заовражьи, и совсѣмъ не потому, что желаю подражать Юлію Цезарю; другой читалъ бы книжки, а я не читаю; другой занялся бы хозяйствомъ, а я не занимаюсь; другой бы женился, а я не женюсь... А вѣдь я не совсѣмъ-таки еще старъ, что бы ужь тово...

— Такъ, напустили на себя дурь, замѣтилъ я: — выдумали, что вамъ надоѣло да и все тутъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, господинъ Нем-вродъ! Это вы справедливо замѣтили, что я выдумалъ. Но если выдумка моя такъ удачна, что точка въ точку приходится по мнѣ, то полагаю, что не лишень же я на нее права авторской собственности... А! Пашенька-съ! и вы тоже вышли подышать весеннимъ воздухомъ! прибавилъ онъ, отворяя форточку: — *звать, забило сердечко тревогу!*

Я тоже подошелъ къ окну. На крыльцѣ флигеля сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, но такая хорошенькая, такая умница, что мнѣ стало до крайности завидно, что какой-нибудь одряблый Буеракинъ можетъ каждый день любоваться ею веселымъ, умнымъ и свѣжимъ личикомъ, а я не могу.

— Ваша? спросилъ я.

— Дочь моего кучера. Желаете познакомиться? По этому случаю я вамъ предварительно анекдотъ разкажу. Былъ у меня товарищъ, по фамиліи господинъ Крутицынъ, добрякъ ужаснѣйшій, но простоватъ, до непристойности безобразенъ и при этомъ

влюбчивъ какъ жаба — все бы ему этакъ около юбочекъ. Вотъ и сыгралъ же съ нимъ штуку другой товарищъ, Прозоровъ, также малой простодушнѣйшій, но побойчѣе. Увѣрили Крутицына, что къ Прозорову пріѣхала сестра, богатая наслѣдница, которая до того влюблена въ него, Крутицына, что его только и спить и видитъ. Устроили нарочно обѣдъ, чтобъ доставить случай любовникамъ видѣться, и одѣли крѣпостную дѣвку Прозорова барышней. Нужно было видѣть, какъ разсыпался передъ ней Крутицынъ! Эта комедія продолжалась около часа, и когда ужъ всѣмъ надоѣло забавляться, посреди самыхъ краснорѣчивыхъ объясненій Крутицына, вдругъ раздался голосъ хозяина: «Ну, будетъ, Акулька! маршъ въ дѣвичью!» завѣряю васъ, что на нашихъ глазахъ Крутицынъ поглупѣлъ на поларшина.

— Да, анекдотъ недурень.

— А что вы думаете? Вы не обижайтесь, а право, и съ вами можно бы такую штуку сыграть, хоть вы и не Крутицынъ... Пашенька! бѣгите-ка сюда поскорѣй: я вамъ жаръ-птицу покажу!

Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія.

— А знаете ли, отличная вещь быть помѣщикомъ! обратился онъ ко мнѣ: — какъ подумаешь этакъ, что у тебя всего вдоволь, всякаго, что называется, злаку, такъ даже разслабнешь весь — такъ оно пріятно!

И онъ дѣйствительно опустился въ вольтеровское кресло, будто ослабъ.

— А впрочемъ, и то сказать, какіе мы помѣщики! Вотъ у васъ, въ Крутогорскѣ, я видѣлъ господина—это помѣщикъ! коли хотите, крѣпостныхъ у него нѣтъ, а станетъ онъ этакъ у окошечка — анъ у него въ садикѣ арестантики работаютъ: грядки полютъ, бесѣдки строятъ, дорожки чистятъ, цвѣточки сажаютъ... Посмотритъ онъ на эту идиллію и пригорюнится. Подойдетъ къ нему супруга, подползутъ ребятишки малъ-мала меньше... «Какъ хорошъ и свѣтелъ Божій міръ!» воскликнетъ Михайлъ Семенычъ.—«И какъ отдѣланъ будетъ нашъ садикъ, душечка!» отвѣчаетъ супруга его.—«А у папки денески все валѣванные!» кричитъ старшій сынишка, родъ *enfant terrible*, котораго какой-то желчный господинъ научилъ повторять эту фразу.—«Цыцъ пострѣленокъ!» кричитъ Михайлъ Семенычъ, внезапно пробужденный отъ идиллическаго сновидѣнія... А вотъ онъ и не помѣщикъ!

Въ это время Пашенька вбѣжала въ комнату, и какъ видно застенчивость не была однимъ изъ ея привычныхъ качествъ, потому что она, не ожидая приглашенія, усѣлась въ кресло съ тою же неприужденностью, съ какою сидѣла на крыльцѣ.

— Пашенька! сказалъ Буеракинъ: — извѣстно ли вамъ отчего у насъ на дворѣ сегодня птички поютъ, а съ крышъ капель льется? Неизвѣстно! такъ знайте же: оттого такъ тепло въ міръ, оттого птички радуются, что вотъ господинъ Щедринъ пріѣхалъ, тотъ самый господинъ Щедринъ, который сердца станowychъ смягчаетъ, и вселяетъ въ непре-

мѣнномъ зясѣдателѣ внезапное отвращеніе къ на-
питку!

— Какой вы все вздоръ городите! сказала Па-
шенька: — какіе тамъ еще становые!

— Но нужно же вамъ знать, Пашенька, кто та-
кое господинъ Щедринъ... посудите сами!

— Извѣстно, чиновники...

— Конечно, чиновники; но разные бываютъ, Па-
шенька, чиновники! Вотъ напримѣръ Иванъ Демья-
нычъ (1) чиновники, и господинъ Щедринъ чинов-
ники. Только Иванъ Демьянычъ въ передней водку
пьютъ и закусываютъ, а господинъ Щедринъ испол-
няетъ эту потребность въ собственномъ моемъ ка-
бинетѣ. Поняли вы, Пашенька?

— А зачѣмъ же вы ихъ пускаете, если они чи-
новники!

— Нельзя, Пашенька! Они вотъ въ Крутогорскъ
поѣдутъ, его превосходительству насплетничаютъ,
что молъ вотъ, ваше превосходительство, живетъ
на свѣтѣ господинъ Буеракинъ—опаснѣйшій чело-
вѣкъ—съ, такъ не худо бы господина Буеракина
сцапцарапать—съ. «Чтожь, скажетъ его превосхо-
дительство: — если онъ подлинно опасный, такъ
сцапцарапать его таперича можно.»

— Да и то бы пора: вы все глупости говорите.

— Ну, а вы, моя умница, что сегодня дѣлали?

— А какія мои дѣла? Встала, на кухню сбѣгала,

(1) См. очеркъ «Порфирій Петровичъ».

съ теткой Анисьей побранилась; потомъ на конюшню пошла—нельзя: Ваньку—косача наказываютъ...

— Вы, кажется, заврались, душенька?

— А что мнѣ врать? извѣстно наказываютъ...

— И у васъ, кажется, свой enfant terrible есть, какъ у Михайла Семеныча! сказалъ я.

Буеракинъ сконфузился.

— Потомъ домой пошла, продолжала Пашенька:— на крылечкѣ посидѣла, да и къ вамъ пришла... да ты что меня все спрашиваешь?... ты лучше пѣсенку спой. Спой, голубчикъ, пѣсенку!

— Такъ вотъ вы каковы, Владиміръ Константинычъ! сказалъ я:—и пѣсенки поете?

Буеракинъ покраснѣлъ пуще прежняго.

— Да ты не какъ застыдился баринъ? продолжала приставать Пашенька.

Но Буеракинъ молчалъ.

— А еще говоришь, что любишь! Нѣтъ, вотъ наша Арапка, такъ та точно меня любить!... Арапка! Арапка! кликнула она, высовываясь въ форточку.

Арапка завиляла хвостомъ.

— Любишь меня, Арапка? любишь, черномазая! вотъ уже хлѣбца Арапкѣ дамъ...

— А хотите я вамъ спою пѣсенку? спросилъ я.

— А пойте, пожалуй! мнѣ что за надобность!

— Какъ что за надобность! Вѣдь вы сейчасъ просили Владиміра Константиныча спѣть пѣсню...

— Да то баринъ! онъ вотъ никому пѣсенъ не поетъ, а мнѣ поетъ... Слышь, баринъ пѣсни поетъ!

Сцена эта видимо тяготила Буеракина.

— Ну, полно же, полно, дурочка! сказалъ онъ, стараясь улыбнуться, а въ самомъ дѣлѣ изображая своими устами гримасу довольно кислаго свойства.

Павлуша, вошедшій съ докладомъ о приходѣ старосты, выручилъ его изъ затрудненія.

— А! здравствуй, братъ! здравствуй, Абрамъ Семенычъ! давненько не извоили къ намъ жаловать! ну, какъ дѣла?

Пашенька скрылась.

— Да что, батюшка, совсѣмъ намъ тутотки жить стало невозможно.

— А что?

— Да больно ужъ нѣмецъ-отъ осерчалъ: сѣчетъ всѣхъ поголовно да и вся недолга! «на то, говоритъ, и сидѣнье у тебя, чтобъ его стегать»... помилосердуйте!

— Странно!

— Я ему говорилъ тоже, что молъ насъ и баринъ николи изъ своихъ ручекъ не жаловалъ, а ты молъ, колбаса, поди какъ дѣло завелъ, надъ христіанскимъ тѣломъ наругаться! Такъ онъ пуще еще осерчалъ, меня за бороду при всемъ міру оттаскалъ: «я, говоритъ, всѣхъ васъ издеру! мнѣ, говоритъ, не указъ твой баринъ! баринъ-то молъ у васъ словно ребенокъ малый, ни агунюшки не смыслить!

— А онъ не пьянъ, Абрамъ Семенычъ?

— Коли бы пьянъ! Только тѣмъ и пьянъ, стало-быть, что съ ручищамъ своимъ совладать не можетъ... совсѣмъ ужъ мужикамъ неспособно стало!...

пожалуй, и ушибетъ кого ненарокомъ: съ исправникомъ—то и не раздѣлаешься въ тупору.

— Ну, хорошо, Абрамъ Семенычъ! это я тебѣ благодаренъ, что ты ко мнѣ откровенно... Ступай, пошли за Ѳедоромъ Карлычемъ, а самъ обожди въ передней.

— Какъ же вы говорите, что у васъ управляющій только для вида? сказалъ я, когда Абрамъ Семенычъ вышелъ изъ комнаты.

— Да; я съ тѣмъ и нанималъ его... да что прикажете дѣлать? самолюбивъ, каналья. Безпрестанныя эти... превышенія власти — такъ, кажется, у васъ называются?

— Да.

— То выпоретъ что называется в плотную, сколько влѣзетъ, то зубы расшибетъ... Того и гляди полиція пронюхаетъ — ну, и опять расходъ... ахъ ты, Господи!

Говоря это, Владиміръ Константинычъ дѣйствительно озирался, какъ-будто бы полиція гналась по пятамъ его и съ минутой на минуту готова была настичь.

— Ужъ я ему нѣсколько разъ повторялъ, продолжалъ онъ встревоженнымъ голосомъ: — чтобъ былъ осторожнѣе, въ особенности на счетъ мордасовъ, а онъ все свое: «Вопервыхъ, говоритъ, у мужичка въ сидѣньи истома и геморой, если не тово... а во вторыхъ, говоритъ, я ужъ двадцать лѣтъ имѣньями управляю, и безъ этого дѣло не обходилось, и вамъ

учить меня нечего!...» Право, такъ вѣдь и говоритъ въ глаза! Такая грубая шельма!

— Отчего жъ вы его не смѣните?

— Нѣсколько разъ предлагалъ, да нейдетъ! То у него, какъ нарочно, Амальхенъ на послѣдяхъ ходитъ, то изъ дѣтокъ кто-нибудь... ну и оставишь изъ жалости... Нѣтъ, это, вѣрно ужъ предопредѣленъе такое!

Буеракинъ махнулъ рукой.

— А вѣдь мизерный-то какой! Я разъ, знаете, собственными глазами изъ окна видѣлъ, какъ онъ тамъ распоряжаться извоилъ... Привели къ нему мужика чуть не въ сажень ростомъ; такъ онъ достать-то его не можетъ, такъ даже подпрыгиваетъ отъ злости... «Нагибайся»! кричитъ. Насилу его уняли!...

— А староста у васъ каковъ?

— Онъ у меня по выбору...

— Зачѣмъ же вы ему не поручите управленія, если онъ человѣкъ хорошій?

— Да все, знаете, говорятъ, свой глазъ нуженъ... вотъ и навязали мнѣ этого нѣмца.

— Ѳедоръ Карлычъ пришли! доложилъ Павлуша. Вошелъ маленькій человѣкъ, очень плѣшивый и по-видимому очень наивный. По-русски выражался онъ довольно грамотно, но никакъ не могъ овладѣть буквою *л*, и сверхъ того *наперстника* называлъ *соперникомъ* и наоборотъ.

— А! Ѳедоръ Карлычъ! сказалъ Буеракинъ: — ну, каково, *mein Herr*, поживаете, каково прижи-

маете? Какъ Амалія Ивановна въ *ихнемъ* здоровьи?

— Gut, sehr gut.

— Это хорошо, что гуть, а вотъ было бы скверно, кабы нхть гуть... Не правда ли, Ѳедоръ Карлычъ?

Буеракинъ видимо затруднялся приступить къ дѣлу. Я взялся было за фуражку, чтобъ оставить ихъ вдвоемъ, но Владиміръ Константинычъ бросился удерживать меня.

— Нѣтъ, вы, пожалуста, шепталъ онъ мнѣ горопливо:—вы не оставляйте меня въ эту критическую минуту.

Я остался.

— Ну, такъ какъ же, Ѳедоръ Карлычъ? кофеекъ попиваемъ? а?

— На все свое время, отвѣчалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— Да, да; это правда... Нѣмцы, знаете, народъ пунктуальный; во всемъ имъ порядокъ нуженъ...

— Вамъ угодно было меня видѣть? перебилъ Ѳедоръ Карлычъ сухо.

— Да; знаете, Семень Абрамовъ, вашъ *соперникъ*...

Семень Абрамовъ, наскучивъ доживатьъ въ передней, вошелъ въ это время въ комнату.

— Я ужъ распорядился, сказалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— То-есть, какъ же вы распорядились?

— Онъ весьма требуетъ розга, отчѣчалъ Ѳедоръ Карлычъ хладнокровно:—розга и получить...

— Нѣтъ, ужъ это, видно, отдумать надобно, за-

мѣтилъ Абрамъ Семенычъ, злобно мотая головой, но какъ-то сомнительно улыбаясь.

— Розга и получить! повторилъ Ѳедоръ Карлычъ твердымъ и яснымъ голосомъ.

— Однако, за что же? проговорилъ Буеракинъ, видимо смущенный рѣшительнымъ тономъ Нѣмца.

— Онъ меня «колбаса» сказалъ! угрюмо сказалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— Это ужъ больно что-то тово, разсуждалъ Абрамъ Семенычъ; — размашистъ сталъ оченно... Это, братъ колбаса, больно ужъ вольготно тебѣ будетъ, коли начальниковъ стегать станешь.

— Онъ получить розга, повторилъ Ѳедоръ Карлычъ.

— Однакожь, согласитесь сами, мой почтеннѣйшій! сказалъ Буеракинъ: — развѣ пріятно было бы, на примѣръ, вамъ, еслибъ, по чьему-нибудь крайнему убѣжденію, розга эта слѣдовала вашей особѣ?

— О, если я заслужилъ—очень пріятно!

— *Que voulez-vous que je fasse!* обратился ко мнѣ Буеракинъ:—*ce n'est pas un homme, c'est une conviction voyez-vous!*

Ѳедоръ Карлычъ стоялъ совершенно безстрастно, не шевеля ни однимъ мускуломъ.

— Нѣтъ, ужъ это оченно что-то размашисто будетъ! повторилъ Абрамъ Семенычъ, но какъ-то слабымъ голосомъ. Очевидно, злое сомнѣніе уже начинало закрадываться въ его душу.

— Онъ заслужилъ и получить! сказалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— А если я попрошу васъ оставить меня!... вы-
сказался вдругъ Буеракинъ.

— О, я оставлю, но онъ все-таки розга полу-
чить: заслужилъ и получить!

— Но я васъ прошу оставить меня сейчасъ же...
вы понимаете? то-есть, не комнату эту оставить,
а мой домъ, мое имѣніе... слышите!

Нѣмецъ взглянулъ съ изумленіемъ.

— О, это быть не можетъ! проговорилъ онъ че-
резъ секунду совершенно равнодушно: — Абрамъ!
маршъ!

Абрамъ Семенычъ нехотя повиновался; Ѳедоръ
Карлычъ медленно послѣдовалъ за нимъ. Буеракинъ
долгое время пребывалъ въ изумленіи съ растопы-
ренными руками.

— Ну, что же тутъ прикажете дѣлать? сказалъ
онъ обращаясь ко мнѣ.

ПРІЯТНОЕ СЕМЕЙСТВО

Если вы живали въ провинціи, мой благосклонный читатель, то, вѣроятно, знаете, что каждый губернский и уѣздный городъ непременно обладаетъ своимъ «пріятнымъ» семействомъ, точно такъ же, какъ обладаетъ городничимъ, исправникомъ и т. п. Въ пріятномъ семействѣ всѣ члены, отъ мала до велика, надѣлены какими-нибудь талантами. Первый и существеннѣйшій талантъ принадлежитъ самимъ хозяину и хозяйкѣ дома, и заключается въ томъ, что они издали въ свѣтъ цѣлый выводокъ прелестнѣйшихъ дочерей и не малое количество остроумнѣйшихъ птенцовъ, составляющихъ красу и утѣшеніе цѣлаго города. За тѣмъ старшая дочь играетъ на фортепьяно, вторая дочь пріятно поетъ романсы, третья танцуетъ характерные танцы, четвертая пишетъ какъ Севинье, пятая просто умна и т. д. Даже маленькіе члены семейства, и тѣ имѣютъ каждый свою спеціальность; Маша декламируетъ басню

Крылова, Люба поетъ: *По улицъ мостовой*, Ваня одѣнется ямщикомъ и пропляшетъ русскую.

— Вы не повѣрите, мсьё NN, говоритъ обыкновенно хозяйка дома:—какъ я счастлива въ семействѣ; мы никогда не скучаемъ.

— Да, мы никогда не скучаемъ, отзывается хозяинъ дома, широко и добродушно улыбаясь.

Въ пріятномъ семействѣ главную роль обыкновенно играетъ мама, къ которой и гости, и дѣти обращаются. Эту маму я, признаюсь откровенно, не совсѣмъ-то люблю; по моему мнѣнію, она самая неблагонамѣренная дама въ цѣломъ Крутогорскѣ (ограничимся однимъ этимъ милымъ мнѣ городомъ). Мнѣ кажется, что только горькая необходимость заставила ее сдѣлать свой домъ «пріятнымъ», необходимость, осуществившаяся въ лицѣ нѣсколькихъ дочерей, которыя, по достаточной зрѣлости лѣтъ, обѣщаютъ пойдти въ сѣмена, если въ самомъ непродолжительномъ времени не будутъ пристроены. Мнѣ кажется также, что въ то время, когда она, стиснувши какъ-то зубы, съ помощью однѣхъ своихъ тонкихъ губъ произноситъ мнѣ приглашеніе пожаловать къ нимъ въ одинъ изъ слѣдующихъ понедѣльниковъ, то смотритъ на меня только какъ на искуснаго пловца, который, быть-можетъ, отважится вытащить одну изъ ея утопающихъ въ зрѣлости дочерей. Когда я бываю у нихъ, то увѣренъ, что она слѣдитъ за каждымъ кускомъ, который я кладу въ ротъ; тщетно стараюсь я углубиться въ свою тарелку, тщетно стараюсь сосредоточить всю свою

мысль на лежащемъ передо мною кускѣ говядины: я чувствую, и въ наклоненномъ положеніи, что неблагонамѣренный ея взоръ насквозь пронизываетъ меня. Разговаривая съ ней за ужиномъ, я вижу, какъ этотъ взоръ безпрестанно косить во всѣ стороны, и въ то время, когда, среди самой любезной фразы, голосъ ея внезапно обрывается и принимаетъ тоны надорванной струны, я заранѣе ужъ знаю, что кто-нибудь изъ приглашенныхъ взялъ два куска жаркаго, вмѣсто одного, или что лакей, на одинъ изъ столовъ, гдѣ должно стоять кагорское, цѣною не выше сорока копѣекъ, поставилъ шато-лафитъ въ рубль серебромъ.

Вообще, посѣщая «пріятное семейство» по понедѣльникамъ, я всегда нахожусь въ самомъ тревожномъ положеніи. Впервыхъ, я постоянно страшусь, что вотъ-вотъ кому-нибудь не достанетъ холоднаго, и что даже самые взоры и распорядительность хозяйки не помогутъ этому горю, потому что одною распорядительностью никого накормить нельзя; во-вторыхъ, я вижу очень ясно, что Марья Ивановна (такъ называется хозяйка дома) каждый мой лишній глотокъ считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ; втретьихъ, мнѣ кажется, что, въ благодарность за вышеозначенный лишній глотокъ, Марья Ивановна чего-то ждетъ отъ меня, хоть бы напри-мѣръ того, что я, преисполнившись яствъ, вдругъ сдѣлаю предложеніе ея *Seigné*, которая безобразіемъ превосходитъ всякое описаніе, а потому менѣе всѣхъ подаетъ надежду когда-нибудь достиг-

нута тѣхъ счастливыхъ острововъ, гдѣ царствуетъ Гименей.

Нѣкоторые, впрочемъ, изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ искусно пользуются этимъ обстоятельствомъ, чтобы совершенно истерзать сердце Марьи Ивановны. Мой другъ, Василій Николаичъ ¹⁾, на-примѣръ, никакъ не упуститъ случая, чтобы не на-класть себѣ на тарелку каждаго кушанья по два и даже по три куска, и половину наложеннаго сдаетъ лакею не тронутую. Точно также поступаетъ онъ и съ виномъ, если оно оказывается ужъ черезъ-чуръ кислымъ. Въ этомъ случаѣ онъ подзываетъ лакея къ себѣ, и безъ церемоній приказываетъ ему подать вина съ другаго стола, за которымъ сидятъ женихи и статскіе совѣтники. Однажды даже, когда подавали Василю Николаичу блюдо жареной индѣйки, онъ сказалъ очень громко лакею: «э, братъ, да у васъ нынче индѣйка-то, кажется, кормленая!» — и вслѣдъ за тѣмъ чуть ли не половину ея стащилъ къ себѣ на тарелку. Вслѣдствіе этого, между Марьей Ивановной и Васильемъ Николаичемъ существуетъ тайная вражда, и я даже самъ слышалъ, какъ Марья Ивановна, обращаясь къ одному изъ статскихъ совѣтниковъ, сказала: «чего хочетъ отъ меня этотъ злой человѣкъ?»

Независимо отъ этихъ свойствъ, доказывающихъ ея материнскую заботливость, Марья Ивановна не прочь иногда и посплетничать, или, какъ выража-

¹⁾ См. «Буеракинъ» и «Христосъ воскресъ!»

ются въ Крутогорскѣ, вымытъ ближнему косточки. Я положительно могу даже увѣрить, что она, въ этомъ смыслѣ, обладаетъ весьма замѣчательными авторскими способностями. Главная ея тактика заключается въ томъ, чтобъ подойти къ истязуемому предмету съ слабой стороны: польстить, на примѣръ, самолюбію, подѣхать съ участіемъ и т. п. На молодежь это дѣйствуетъ почти безъ промаха. Сказанное вѣ-время и кстати слово участія мгновенно вызываетъ наружу все, что таилось далеко на днѣ молодой души. Душа начинаетъ тогда безъ разбора и безъ разсчета выказывать всѣ свои сокровища; иногда даже и привираетъ, потому что когда дѣло на откровенность пошло, то не приврать точно такъ же невозможно, какъ невозможно не наѣсться до отвала хорошаго и вкуснаго кушанья. Но здѣсь-то и стережетъ васъ Марья Ивановна; она кстати пожалѣетъ васъ, если вы, на примѣръ, влюблены, кстати посмѣется съ вами, если вы, *въ шутливомъ русскомъ тонѣ*, разказываете какую-нибудь новую штуку князя Чебылкина; но будьте увѣрены, что завтра же и любовь ваша и продѣлка его сіятельства будутъ извѣстны цѣлому городу. На этотъ счетъ у Марьи Ивановны имѣется также своя особая сноровка. Сохрани Богъ, чтобъ она назвала васъ, или сказала кому-нибудь, что вы въ томъ-то ей сознались, или то-то ей разказали. Нѣтъ, она подходитъ къ какой-нибудь Анфисѣ Петровнѣ и издалека начищаетъ съ ней слѣдующаго рода разговоръ :

— Вы знаете мсьё Щедрина? спрашиваетъ Марья Ивановна.

— Не имѣю этой чести, отвѣчаетъ Анфиса Петровна, сооривши на лицѣ безконечно язвительную улыбку, потому что Анфисѣ Петровнѣ ужасно обидно, что мсьё Щедринъ, съ самаго дня прибытія въ Крутогорскъ, ни разу не заблагоразсудилъ явиться къ ней съ почтеніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что Марья Ивановна очень хорошо знаетъ это обстоятельство, но потому-то она и выбрала Анфису Петровну въ повѣренныя своей сплетни, что, во-первыхъ, пренебреженіе мсьё Щедрина усугубитъ рвеніе Анфисы Петровны, а во-вторыхъ, самое имя мсьё Щедрина всю кровь Анфисы Петровны мгновенно превратитъ въ сыворотку, что также наруку Марьѣ Ивановнѣ, которая, какъ дама отъ природы неблагонамѣренная, за одинъ разъ желаетъ сдѣлать возможно бѣольшую сумму зла и уязвить своимъ жаломъ нѣсколько персонъ вдругъ.

— Какой милый, прекрасный молодой человѣкъ! продолжаетъ Марья Ивановна, видя, что Анфису Петровну подергиваетъ судорога: — еслибъ въ Крутогорскѣ были все такіе образованные молодые люди, какъ пріятно было бы служить моему Александру!

— Ихъ всѣ хвалятъ! ехидно произноситъ Анфиса Петровна, преполняясь оцтомъ и желчью.

— И между тѣмъ представьте, какъ онъ страдаетъ! Вы знаете Катерину Дмитріевну — бѣдненькій!

Анфиса Петровна чуть дышитъ, чтобъ не проронить ни одного слова.

— Вѣдь вы знаете, *entre nous soit dit*, что мужъ ея (Марья Ивановна шепчетъ что-то на ухо своей собесѣдницѣ)... Ну, конечно, мсьѣ Щедринъ, какъ молодой человѣкъ... Это очень понятно! И представьте себѣ она, эта холодная, эта бездушная кокетка, предпочла мсьѣ Щедрину — кого же? учителя Линкина! *Vous savez?.. Mais elle a des instincts, cette femme!!!!*

И несмотря на все свое состраданіе къ мсьѣ Щедрину, Марья Ивановна хохочетъ, но какимъ-то такимъ искусственнымъ, дѣланымъ смѣхомъ, что даже Анфисѣ Петровнѣ становится отъ него жутко.

— Этого всегда должно было ожидать, отвѣчаетъ кратко собесѣдница.

— Я его сегодня спрашиваю, отчего вы, мсьѣ Щедринъ, такой блѣдненькій? А онъ мнѣ: «ахъ, Марья Ивановна, еслибъ вы знали, что въ моемъ сердцѣ происходитъ!...» Бѣдненькій!

И тотъ же дѣланный смѣхъ снова коробитъ Анфису Петровну, которая очень любитъ розказни Марьи Ивановны, но не можетъ привыкнуть къ ея смѣху.

— Такъ вы думаете, что Катерина Дмитриевна?..

— Еще бы! отвѣчаетъ Марья Ивановна, и голосъ ея дрожить и переходитъ въ декламацію, а носъ, отъ душевнаго волненія, наполняется кровью, независимо отъ всего лица, какъ пузырекъ, стоящій на столѣ, наполняется красными чернилами: —

еще бы! вы знаете, Анфиса Петровна, что я никому не желаю зла — что мнѣ? Я такъ счастлива въ своемъ семействѣ! но это ужъ превосходитъ всякую мѣру! Представьте себѣ...

Тутъ начинается шепотъ, который заключается словами: «ну, скажите на милость!» И должно-быть, въ этомъ шепотѣ есть что-то весьма сатанинское, потому что Анфиса Петровна довольна полученными свѣдѣніями выше всякаго описанія.

Что касается до главы семейства, то онъ играетъ въ своемъ домѣ довольно жалкую роль, и значеніемъ своимъ напоминаетъ того свидѣтеля, который, при слѣдствіи, на всѣ вопросы слѣдователя отвѣчаетъ: запамятовалъ, не знаю и не видалъ. Онъ очень счастливъ по понедѣльникамъ, потому что устраиваетъ въ этотъ день себѣ копѣчную партію, и хотя партнеры его безпощадно ругаютъ, потому что онъ въ карты ступить не умѣетъ, но онъ не обижается. Сверхъ того, въ эти дни онъ имѣетъ возможность наѣсться досыта, ибо носятя слухи, что Марья Ивановна, какъ отличная хозяйка, держитъ обыкновенно и его и всю семью впроголодь. Если кто-нибудь съ нимъ заговариваетъ — а это случается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ потѣшиться надъ его простодушіемъ — лицо его принимаетъ радостно-благодарное выраженіе; участіе же въ разговорѣ ограничивается тѣмъ, что онъ повторяетъ послѣднія слова своего собесѣдника.

Василій Николаичъ не преминулъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ. Нѣсколько понедѣльни-

ковъ сряду, къ общему утѣшенію всей крутогорской публики, онъ разказывалъ Алексѣю Дмитричу какую-то исторію, въ которой одно изъ дѣствующихъ лицъ говоритъ: «ну, положимъ, что я дуракъ», и на этихъ словахъ прерывалъ свой разказъ.

— Я дуракъ, кротно повторялъ Алексѣй Дмитричъ.

— Ахъ, что это какой ты разсѣянный, Алексисъ! отзывается вдругъ Марья Ивановна, прислушавшаяся къ разговору.

Вообще Василій Николаичъ смотритъ на Алексѣя Дмитрича, какъ на средство самому развлечься и другихъ позабавить. Онъ показываетъ почтеннѣйшей публикѣ главу «пріятнаго семейства», какъ во-жакъ показываетъ ученаго медвѣдя.

Говорятъ, будто Алексѣй Дмитричъ золь, особливо если натравить его на кого-нибудь Марья Ивановна. Я довольно вѣрю этому, потому что и изъ исторіи извѣстно, что глупые люди и обезьяны всегда злы подъ старость бывали.

— Умный человѣкъ-съ, говаривалъ мнѣ иногда по этому поводу крутогорскій инвалидный начальникъ: — не можетъ быть злымъ, потому что умный человѣкъ понятіе имѣетъ-съ, а глупый человѣкъ какъ обозлится, такъ просто, безъ всякаго резона, какъ индѣйскій пѣтухъ, на всѣхъ бросается. Вотъ, хоть бы Алексѣй Дмитричъ! за что они на меня сердятся? За то, что я коляски для нихъ въ мастерской не сдѣлалъ? Точно мнѣ жалко мастеровыхъ-съ или я обязанности своей не понимаю-съ!

Докладывалъ я имъ сколько разъ, что матеріалу у меня такого не имѣется — такъ нѣтъ, сударь! заладилъ одно: не хочешь да не хочешь; ну, и заварили кашу. Посудите сами, я-то чѣмъ же тутъ виновать?... Оно и выходитъ, что и перевернешься — бьютъ, и не перевернешься — бьютъ: вотъ она какова гусарская служба!

О прочихъ членахъ семейства сказать опредѣлительнаго ничего нельзя, потому что они, очевидно, находятся подъ гнетомъ своей мамы, которая даетъ имъ ту или другую фізіономію, по своему усмотрѣнію. Несомнѣнно только то, что всѣ они снабжены разнообразнѣйшими талантами, а дочери, сверхъ того, въ знакъ невинности, называютъ родителей не иначе какъ «папасецка» и «мамасецка», и какимъ-то особеннымъ образомъ подпрыгиваютъ на ходу, если въ числѣ гостей бываетъ новое и въ какомъ-нибудь отношеніи интересное лицо.

Пріѣхавши, въ одинъ изъ такихъ понедѣльниковъ, къ Размановскимъ, я еще на лѣстницѣ былъ пріятно изумленъ звуками музыки, долетавшими до меня изъ передней. Дѣйствительно, тамъ сидѣло нѣсколько баталіонныхъ солдатъ, которые грустно настраивали свои инструменты.

— Слышь, Ильинъ, говорилъ старшій музыкантъ Пахомовъ: — ты у меня смотри! Коли опять въ аллегру отстанешь, я изъ тебя самого флейту и контрабасъ сдѣлаю.

— А что, вѣрно я рано забрался? спрашиваю я

у Васи́лія Николаича, одиноко расхаживающаго по залѣ.

— Да: вотъ я тутъ съ полчаса ужъ дежурю, отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ: — и хоть ты что хочешь! и кашлять принимался, и ногами стучалъ — нейдетъ никто! а между тѣмъ, самъ я слышу, какъ они въ сосѣдней комнатѣ разливаются-хохочутъ!

— Да по какому случаю сегодня балъ у Разма-новскихъ?

— Развѣ вы не знаете? Вѣдь сегодня день ан-гела Агриппины, той самой, которая на фортепья-нахъ-то играетъ. Ахъ, задушатъ они насъ нынче пѣніемъ и декламаціей!

И точно, въ сосѣдней комнатѣ слышалась виз-гливая рулада, производимая не столько пріятнымъ, сколько усерднымъ голосомъ третьей дочери, Клео-патры, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, репетировала арію, долженствовавшую восхитить всѣхъ слуша-телей.

Въ это время вошелъ въ комнату самъ Алексѣй Дми́тричъ, и вслѣдъ за тѣмъ начали съѣзжаться гости.

— Вы вѣрно спали? спросилъ Васи́лій Николаичъ хозяина.

— Спали, отвѣчалъ тотъ кротко.

— А вѣдь знаете, коли зовете вы къ себѣ гостей, такъ спать-то ужъ и не годится.

— Ужъ и не годится, повторилъ старецъ.

Мало-по-малу образовались въ залѣ кружки, и

даже Алексѣй Дмитричъ, желая принять участіе въ общемъ разговорѣ, началъ слоняться изъ одного угла въ другой, наводя на всѣ сердца нестерпимое уныніе. Женскій полъ скромно пробирался черезъ залъ въ гостиную и робко усаживался по стѣнкѣ, въ ожиданіи хозяекъ.

— Ну что, вы какъ поживаете, господа? спросилъ я, подходя къ кучкѣ гарнизонныхъ офицеровъ, одѣтыхъ съ иголки и въ бѣлыхъ перчаткахъ на рукахъ.

— Славу Богу, Николай Ивановичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: — нынѣшнимъ лѣтомъ покормились-таки: вотъ и мундирцы новенькіе пошили.

— Какъ же это вы «покормились»?

— Да вотъ партію сводили-съ, такъ тутъ кой-чего къ ладонямъ пристало-съ...

Я ужасно люблю господъ гарнизонныхъ офицеровъ. Есть у нихъ на все этакой взглядъ наивный, какого ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ имѣть не можетъ. Нынче гитара и флейта даже у приказныхъ вывелись, а гарнизонный офицеръ остается вѣренъ этимъ инструментамъ до конца жизни, потому что посредствомъ ихъ онъ преимущественно выражаетъ тоску души своей. Обойдутъ ли его партіей — онъ угрюмо насвистываетъ *Не одна во полѣ дороженька*; закрадется ли въ сердце его вождельніе къ женской юпкѣ, онъ уныло выводитъ *Черный цвѣтъ*, и такіе вздохи на флейтѣ выдѣлываетъ, что нужно быть юпкѣ каменной, чтобы противостоять этимъ вздохамъ. На цѣлый міръ онъ смотритъ съ точки зрѣнія

пайка; читаетъ онъ какое-нибудь «сочиненіе» — думаетъ: «авторъ столько-то пайковъ себѣ выработалъ»; слышитъ ли, что кто-нибудь изъ его знакомыхъ мѣсто новое получилъ, — говоритъ: «столько-то пайковъ ему прибавилось». Вообще, они очень добрые-малые и преуслужливые. На балахъ, куда ихъ приглашаютъ цѣлою партіей, чтобъ дѣвицы не сидѣли безъ кавалеровъ, они танцуютъ со всѣмъ усердіемъ и съ величайшею аккуратностію, не болтая ногами на право и на лѣво, какъ штатскіе, а выдѣлывая отчетливо каждое па. Марья Ивановна очень любитъ эту отчетливость, и видитъ въ ней несомнѣнный знакъ преданности къ ея особѣ.

— Посмотрите, какъ вашъ Коловоротовъ отъ души танцуетъ! относится она къ инвалидному начальнику, который самъ неусыпно наблюдаетъ, чтобы господа офицеры исполняли свои обязанности неуклонно.

— Усердный офицеръ-съ! отвѣчаетъ командиръ угрюмо.

Но обращаюсь къ разказу.

— О чемъ же вы такъ смѣялись тутъ, господа? спрашиваю я того же офицера, который объяснялъ мнѣ значеніе слова «покормиться».

— Да вотъ Харченко анекдотъ разказывалъ...
Общій смѣхъ.

— Вотъ-съ, изволите видѣть, подхватываетъ торопливо Харченко, какъ-будто опасаясь, чтобы Коловоротовъ или кто-нибудь другой не посягнулъ на его авторскую славу: — вотъ изволите видѣть:

стоялъ одинъ офицеръ передъ зеркаломъ и волосы себѣ причесывалъ, и говоритъ деньщику: «что это, братецъ, волосы у меня лѣзутъ?» А тотъ, знаете, подумавши этакъ минутъ съ пять, и отвѣчаетъ: «весною, ваше благородіе, всяка скотина линяютъ...» А въ то время весна была-съ, прибавилъ онъ, внезапно краснѣя.

Новый взрывъ смѣха.

— И вѣдь «подумавши» — вотъ что главное! говоритъ прапорщикъ Коловоротовъ.

— «Линяетъ!» повторяетъ другой прапорщикъ, едва удерживая порывы смѣха, одолеваящіе его юную грудь.

Но этотъ анекдотъ я уже давно слышалъ, и даже вполне увѣренъ, что и всѣ господа офицеры знаютъ его наизусть. Но они не взыскательны, и нѣкоторыя повѣствованія всегда производятъ неотразимый эффектъ между ними. Къ числу ихъ относятся разказы о томъ, какъ офицеръ тройку жидовъ загналъ, о томъ, какъ Русскій, стоя у Нѣмца, неприличность даже на потолокъ сдѣлалъ, и т. д.

Я подхожу къ другой группѣ, гдѣ другъ мой, Василій Николаичъ, показываетъ публикѣ медвѣдя, то — есть заставляетъ Алексѣя Дмитрича говорить разную чепуху. Около нихъ собралась цѣлая толпа народа, въ которой немолчно раздается громкій и искренній смѣхъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ успѣхѣ представленія.

— Да нѣтъ, я что-то не понимаю этого, гово-

ритъ Василій Николаичъ :—воля ваша, а тутъ что-нибудь да не такъ.

— Помилуйте, возражаетъ Алексѣй Дмитричъ :— какъ же вы не понимаете? Ну, вы представьте себѣ двѣ комиссіи: одна комиссія и другая комиссія, и въ обѣихъ я, такъ-сказать, первоприсутствующій... Ну вотъ, я изъ одной комиссіи, и пишу теперича къ себѣ въ другую комиссію, что надо вотъ Василію Николаичу домъ починить, а изъ этой-то комиссіи пишу опять къ себѣ въ другую комиссію, что врешь, дома чинить не нужно, потому что онъ въ своемъ видѣ... понимаете?

— Ну, и ладно выходитъ? спрашиваетъ Василій Николаичъ.

— Ну, и ладно выходитъ, повторяетъ Алексѣй Дмитричъ.

Хохотъ, въ которомъ хозяинъ дома принимаетъ самое дѣятельное участіе.

— Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не то, продолжаетъ Василій Николаичъ :—конечно, экилибръ властей—это слова нѣтъ; однако тутъ кто-нибудь да совралъ. Поговоримъ-ка лучше объ статистикѣ.

— Поговоримъ объ статистикѣ, повторяетъ Алексѣй Дмитричъ.

— Ну, какимъ же образомъ вы-это свѣдѣнія собираете? я что-то этого не понимаю. Сами вѣдь вы не можете сосчитать всякую овцу, и однакожь вотъ у васъ значится въ свѣдѣніяхъ, что овецъ въ губерніи семьсотъ одиннадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ три... Какъ же это?

Алексѣй Дмитричъ улыбается.

— Вотъ то-то и есть, говоритъ онъ: — все это только по наружности трудно. Вамъ съ непривычки-то кажется, что я самъ пойду овецъ считать, анъ у меня на это такіе ходоки въ уѣздахъ есть — вотъ и считаютъ! Мое дѣло только остановить ихъ, коли заврутса, или прикрикнуть, если лѣниться будутъ. Вотъ, напримѣръ, намеднись оковскій исправникъ совсѣмъ одной статьи въ своихъ свѣдѣніяхъ не включилъ; ну, я, разумѣется, сейчасъ же за-просъ: «почему нѣтъ статьи о шелководствѣ?» Онъ отвѣчаетъ, что потому этой статьи не включилъ, что и шелководства нѣтъ, то онъ все-таки долженъ былъ въ свѣдѣніяхъ это объяснить.

— Да, да, замѣчаетъ Василій Николаичъ: — иначе какая же это будетъ статистика! вотъ я тоже зналъ такого точнаго администратора, который во всякую вещь до тонкости доходилъ; такъ тотъ поручилъ, однажды, своему чиновнику составить вѣдомость всѣмъ лицамъ, получающимъ отъ казны арендныя деньги, да потомъ и говоритъ ему: «ужь кстати, любезнѣйшій, составьте маленькій списочекъ и тѣмъ лицамъ, которыя аренды не получаютъ.» Тотъ сгоряча говоритъ «слушаю-съ», да потомъ и приходитъ ко мнѣ: «что, говорить, я стану дѣлать?» Ну, я и посовѣтовалъ на первый разъ вытребовать ревизскія сказки изъ всѣхъ уѣздныхъ казначействъ.

Взрывъ хохота.

— Николай Иванычъ! Николай Иванычъ! слышу

я голосъ князя Льва Михайлыча, зовущаго меня съ другаго конца залы.

Я устремляюсь всѣми силами души своей, и стараюсь придать своему лицу благодарное и радостное выраженіе, потому что имѣю честь служить подъ непосредственнымъ начальствомъ его сіятельства.

Мы здѣсь разсуждаемъ объ томъ, говорить онъ мнѣ: — какое нынче направленіе странное принимаетъ литература — все какіе-то нарывы описываютъ! и такъ, знаете, все это подробно, что при дамахъ даже и читать невозможно... потому что дама — *vous concevez, mon cher!* — это такой цвѣтокъ, который ничего, кромѣ запаховъ тонкихъ, испускать изъ себя не долженъ, и вдругъ ему, этому нѣжному цвѣтку, предлагаютъ навозную кучу... согласитесь, что это непріятно...

— Я молча кланяюсь.

— Знакомятъ съ какими-то лакеями, мужиками, солдатами... слова нѣтъ, что они есть въ природѣ, эти мужики, да отъ нихъ вѣдь пахнетъ — ну, и опрыскай его авторъ чѣмъ-нибудь, чтобы, знаете, въ гостиную его ввести можно. А то такъ со всѣмъ, и съ запахомъ, и ломаютъ.... это не только неприлично, но даже безнравственно...

У князя показываются слезы на глазахъ, потому что онъ очень добрый человѣкъ.

— Вотъ пошла, на примѣръ, нынче мода на взяточничество нападать, продолжаетъ онъ: — Ну, конечно, это не хорошо взятки брать — кто же ихъ защищаетъ? *mais vous concevez, mon cher, дѣлай*

же онъ это такъ, чтобъ читателю пріятно было; ну, представь взяточника, и изобрази тамъ... да въ концѣ-то, въ концѣ-то приготовь ему возмездіе, чтобы зналъ читатель, какъ это не хорошо быть взяточникомъ.... а то такъ на распутіи и бросить—вѣдь этакъ и понять, пожалуй, нельзя, потому что, если возмездія нѣтъ, стало быть и факта самаго нѣтъ, и все это одна клевета....

— Это совершенно справедливо ваше сіятельство изволили замѣтить, вступается Порфирій Петровичъ, котораго очень радуетъ изреченная княземъ аксіома, что безнаказанность есть синонимъ невинности:—это совершенно справедливо, что голословно можно и самаго чистаго человѣка оклеветать.

— Я и самъ не прочь иногда посмѣяться, снова проповѣдуетъ его сіятельство: — *il ne faut pas être toujours taciturne, c'est mauvais genre!* мрачныя фізіономіи бываютъ только у лакеевъ, потому что они озабочены, какъ бы имъ подноса не уронить; ну, а мы съ подносами не ходимъ, слѣдовательно и приличіе требуетъ иногда посмѣяться; но согласитесь, что у нашихъ писателей смѣхъ ужъ черезчуръ звонокъ... Вотъ, напримѣръ, я составилъ проектъ комедіи, выслушайте и скажите свое мнѣніе. На сценѣ взяточникъ, онъ тамъ обираетъ, въ карманы лѣзетъ — можно обрисовать его даже самыми черными красками, чтобы, знаете, впечатлѣніе произвести... зритель увлеченъ; онъ уже думаетъ, что личность его не безопасна, онъ ощупываетъ свои собственные карманы... Но тутъ-то, въ эту

самую минуту, и должна проявиться благонамбренность автора.... Въ то самое время, какъ взяточникъ снимаетъ съ бѣдняка послѣдній кафтанъ, за неимѣніемъ у него денегъ, изъ задней декорации вдругъ является рука, которая беретъ взяточника за волосы и поднимаетъ его наверхъ.... Въ этомъ мѣстѣ занавѣсъ опускается, и зритель выходитъ изъ театра успокоенный и не застегиваетъ даже своего пальто.... *N'est-ce pas que c'est joli !*

— Это справедливо, говоритъ Василій Николаичъ, который какъ-то назамѣтно подкрался къ намъ : — комедія вышла бы хорошая, только врядъ ли актера можно такого сыскать, который согласился бы, чтобъ его тащили къ верху за волосы.

— Можно на это время куклой подмѣнить, отзывается князь довольно сухо.

Но въ залѣ вдругъ дѣлается тихо. Является Марья Ивановна подъ-руку съ именинницей ; прочіе цвѣтки роскошнаго букета скромно слѣдуютъ сзади.

Князь Левъ Михайлычъ, семеня ножками, поспѣшаетъ на встрѣчу Марьѣ Ивановнѣ.

— *Vous voilà comme toujours, belle et parée !* говоритъ онъ, обращаясь къ именинницѣ. И пріятно округливъ правую руку, предлагаетъ ее Агриппинѣ Алексѣевнѣ, отрывая ее такимъ образомъ отъ сердца нѣжно любящей матери, которая не иначе какъ со слезами на глазахъ рѣшается довѣрить свое дитя когтямъ этого оплѣшивѣвшаго отъ старости коршуна. Левъ Михайлычъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, ведетъ свою даму прямо къ роялю.

— Начинается истязаніе, шепотомъ говоритъ мнѣ Василій Николаичъ, который, несмотря на все свое остроуміе, нѣсколько побаивается Марьи Ивановны и не рѣшается говорить вблизи ея громко.

Агриппина Алексѣевна садится къ роялю, отряхиваетъ свои кудри и, принявъ видъ отчасти вдохновенный, отчасти полоумный, начинаетъ разыгрывать какой-то «Rêve». Я совершенно убѣжденъ, что въ эту сладкую минуту она отнюдь не сомнѣвается, что стихотвореніе Шиллера «Laure am Clavier» написано къ ней, и что имя Лауры есть ни что иное, какъ грустная опечатка.

— Прекрасно! превосходно! съ такимъ чувствомъ! слышится со всѣхъ сторонъ во время игры, а подъ конецъ піесы зала наполняется громомъ аплодисмановъ.

Надо сказать здѣсь, что у Марьи Ивановны имѣется въ запасъ свой *entrepreneur de succès*, дѣтина рыжій и съ весьма развитыми мускулами, который не только самъ аплодируетъ, но готовъ прибить всякаго другаго, кому вздумалось бы не аплодировать. Эта эхидная гадина, порожденіе провинціального кліентизма, угрюмо озирается во всѣ стороны, какъ бы выискивая въ толпѣ жертву, на которую можно было бы ему нашептать въ уши Марьѣ Ивановнѣ. За этотъ бдительный надзоръ и за разныя другія послуги, преимущественно по предмету заднекрылечнаго знакомства съ уѣздными чиновниками и подрядчиками, совершающагося подъ печатью ненарушимой тайны, кліентъ пользуется чрезвычайною благосклонностью Марьи Ивановны и, кромѣ процентовъ въ общихъ

прибылахъ имѣть всегда готовый кувертъ за столомъ ея.

Марья Ивановна въ восторгѣ отъ похвалъ, отовсюду раздающихся ея дочери, но вмѣстѣ съ этимъ она грустно потрясаетъ головой.

— Еслибы вы знали, говоритъ она князю Льву Михайлычу: — еслибы вы знали, *mon cher prince*, чего намъ стоили всѣ эти уроки: вѣдь Агриппина-ученица Герке...

— Шшъ!... раздается по залѣ, и всѣ скромно разсаживаются по стульямъ, разставленнымъ вдоль стѣнъ.

Въ середину залы выступаетъ вторая дочь Марьи Ивановны, Аглаида, и звучнымъ контръ-альтовымъ голосомъ произноситъ стихи:

«Тебя съ днемъ ангела, сестра, я поздравляю,

«Сестра! любимица Зиждителя небесъ!

«Отъ сердца полноты всѣхъ благъ тебѣ желаю,

«И чтобъ коварный вѣтръ малютку не унесъ...

— Коварный вѣтръ — это мужъ, замѣчаетъ Василій Николаичъ: — а малютка — сама виновница настоящаго торжества!... и замѣтьте: «небесъ» — «не унесъ».

Аглаида продолжаетъ:

«Съ гнѣзда родимаго, отъ отческа крыла

«Судбина жесткая малютку унесла.

«Мать безутѣшная! лети скорѣе, плачь:

«Невиннаго птенца задушить сей палачь...

— Да не вы ли «сей палачь»? обращается ко

мнѣ опять Василій Николаичъ: — а я думалъ, что долго не дожждаться Агриппинѣ «сего палача».

«Прими жь, сестра, мое ты поздравленье,

«И да услышитъ Богъ послѣднее моленье:

«Да ниспошлетъ тебѣ Онъ сердца чистоту,

«И да низвержетъ въ прахъ злодѣевъ клевету.

— А вѣдь «клевету» — то на вашъ счетъ сказано, говорю я въ свою очередь Василью Николаичу.

— Можетъ — быть, отвѣчаетъ онъ: — а это она хорошо сдѣлала, что пожелала Агриппинѣ чистоты: опрятность никогда не мѣшаетъ.

Гости начинаютъ уже стучать стульями, въ чаяньи, что испытаніе кончилось, и что можно будетъ приступить къ настоящимъ дѣйствіямъ, составляющимъ цѣль всякаго провинціального праздника: танцамъ и висту. Но надежда и на этотъ разъ остается обманутою. Къ роялю подходятъ Клеопатра и Агриппина.

— Эти же стихи, переложенные на музыку Агриппиной Алексѣевной, будетъ пѣть Клеопатра Алексѣевна, объясняетъ рыжій кліентъ, проходя мимо насъ.

— Выходить, что именинница сама себя поздравляетъ, пополняетъ Василій Николаичъ: — *Никльмъ же не мучими сами ся мучаху...*

Именинница аккомпанируетъ, а Клеопатра Алексѣевна разливается. Въ патетическихъ мѣстахъ она оборачивается къ публикѣ всѣмъ корпусомъ, и зрачки глазъ ея до такой степени пропадаютъ, что самъ исправникъ Живоглотъ — на чтò ужь бестія!

— ни подъ какимъ видомъ ихъ нигдѣ не отыскалъ бы, еслибъ на него возложили это деликатное порученіе. Пѣніе кончается, и на этотъ разъ аплодисманы раздаются съ учетверенною силою, потому что всѣ эти колодники, сидѣвшіе вдоль стѣны, имѣютъ полную надежду, что сюрпризы прекратились, и они могутъ отправиться каждый къ своему дѣлу. И дѣйствительно, разносится слухъ, что поздравительный танецъ, предназначенный къ исполненію черезъ малолѣтныхъ членовъ «пріятнаго семейства», отложенъ до слѣдующаго понедѣльника.

— А очень жаль, очень жаль, говоритъ Порфирій Петровичъ, подходя къ Марѣ Ивановнѣ: — очень было бы пріятно полюбоваться, какъ эти ангельчики...

Марья Ивановна готова уже дать знакъ кліенту, чтобы исполнить желаніе гостей, но Порфирій Петровичъ, самъ испугавшійся своего успѣха, прибавляетъ:

— Впрочемъ, это удовольствіе еще не ушло отъ насъ: въ слѣдующій понедѣльникъ...

— Ну то-то же! шепчетъ Василій Николаичъ: — а то проврался было, старикъ!

Въ сосѣдней комнатѣ карточные столы уже заняты, а въ передней раздаются первые звуки вальса. Я спѣшу къ княжнѣ Аннѣ Львовнѣ, которая въ это время какъ-то робко озирается, какъ-будто ища кого-то въ толпѣ. Я подозреваю, что глаза ея жаж-

дутъ встрѣтить чистенькаго чиновника Техоцкаго¹⁾), и, уважая тревожное состояніе ея сердца, почтительно останавливаюсь поодаль, въ ожиданіи, покуда ей самой угодно будетъ замѣтить меня.

— Ah, c'est vous, мсьё Щедринъ? говоритъ она наконецъ, подавляя вздохъ, созрѣвшій въ ея груди.

И мы несемся, какъ вихрь, по залѣ.

Княжна вообще очень ко мнѣ внимательна, и даже не прочь бы устроить изъ меня повѣреннаго своихъ маленькихъ тайнъ, но не хочетъ сдѣлать первый шагъ, а я тоже не поддаюсь, зная, какъ тяжело быть повѣреннымъ непризнанныхъ страданій и оскорбленныхъ самолюбій. Въ этотъ вечеръ она какъ-то ожесточена, смѣется лихорадочнымъ смѣхомъ, и все будто хочетъ о чемъ-то спросить меня, но не придумаетъ, какъ это сдѣлать. Я знаю, что она хочетъ спросить, почему нѣтъ, въ числѣ гостей, Техоцкаго; но не объясняю ей истинныхъ причинъ этого отсутствія, потому что это могло бы огорчить ее. Мнѣ извѣстно, что Техоцкій не приглашенъ Марьей Ивановной именно въ пику княжнѣ, и въ видахъ сохраненія добрыхъ нравовъ въ городѣ Крутогорскѣ.

— Помилуйте, говорила мнѣ сама Марья Ивановна: — вѣдь она такая exaltée! пожалуй, еще на шею ему вѣшаться станетъ, а у меня дочери дѣвицы!

— Какъ вамъ кажется эта фантазія угощать про-

¹⁾ См. «Княжна Анна Львовна».

изведеніями своей домашней кухни? спрашиваетъ меня княжна, когда мы усѣлись съ ней рядомъ въ кадрили. Очевидно, что она намекаетъ на выставку талантовъ, производившуюся передъ открытіемъ танцевъ.

— Вы знаете, княжна, отвѣчаю я: — что я не имѣю никакого мнѣнія на этотъ счетъ.

Но княжна, очевидно, меня не слушаетъ.

— И замѣьте, продолжаетъ она: — какъ все это самодовольно навязывается вамъ! и эта Клеопатра съ своимъ маринованнымъ голосомъ, и этотъ идіотъ Алексисъ, и нахальная Марья Ивановна...

Княжна слегка вздрагиваетъ, произнося это ненавистное для нея имя.

— Вамъ начинать, говорю я.

— А вы не знаете... спрашиваетъ она, когда мы сѣли на мѣста, и вдругъ останавливается.

— Чтò?

— Нѣтъ, такъ... я хотѣла, кажется, сказать какую-то глупость... вы не знаете, отчего здѣсь всегда пахнетъ скукой?

— Я опять-таки повторяю вамъ, княжна, что не имѣю здѣсь никакого мнѣнія...

— Да, я и забыла, что вы человѣкъ осторожный... однако, въ самомъ дѣлѣ, вы не знаете, отчего...

И опять спотыкается, и неизвѣстно почему-мнѣ вдругъ становится ужасно жалко ея.

— Здѣсь нѣтъ Техоцкаго? продолжаетъ она, начиная третью фигуру.

Въ провинціи лица умѣютъ точно такъ же хорошо лгать, какъ и въ столицахъ, и еслибы кто посмотрѣлъ въ нашу сторону, то никакъ не догадался бы, что въ эту минуту разыгрывалась здѣсь одна изъ печальнѣйшихъ драмъ, въ которой дѣйствующими лицами являлись оскорбленная гордость и жгучее чувство любви, незаконно поправанное, — два главные двигателя всѣхъ дѣйствій человѣческихъ.

— Бѣдная княжна! повторяю я мысленно.

— Мы и позабыли позвать мсьё Техоцкаго! говоритъ Марья Ивановна, подходя къ намъ.

— А! восклицаетъ княжна, смотря на нее съ изумленіемъ.

— А онъ такой милый молодой человѣкъ! продолжаетъ Марья Ивановна спокойно, но такимъ голосомъ, что княжна непременно должна разслышать хохотъ, затаившійся въ груди этой «неблагоданной» дамы.

— Очень жаль, отвѣчаетъ княжна.

— Вы не знаете, гдѣ онъ живетъ? спрашиваетъ Марья Ивановна, какъ-будто ошибкой обращаясь къ княжнѣ: — ахъ, *pardon princesse!* я хотѣла спросить мсьё Щедрина вы не знаете, мсьё Щедринъ, гдѣ живетъ *господинъ* Техоцкій?

— Не имѣю этого удовольствія.

— Очень жаль, потому что за нимъ можно было бы послать . . . онъ сейчасъ прійдетъ: онъ такой жалкій! Ему все, что хотите, *вельтъ* можно! И уязвивъ княжну, неблагоданная дама отправляется далѣе язвить другихъ.

Но танцамъ, какъ и всему въ мірѣ, есть конецъ. Наступаетъ страшная для Марьи Ивановны минута ужина, и я вижу, какъ она суетится около Василя Николаича, стараясь заранѣе заслужить его снисходительность.

— Будьте любезны съ Василиемъ Николаичемъ, говорю я княжнѣ.

Она понимаетъ меня и улыбается. Я тоже улыбаюсь, потому что вижу впереди богатое развлеченіе. Княжна подходитъ къ моему другу, и въ нѣсколько минутъ исключительно завладѣваетъ его вниманіемъ. Надобно сказать, что Василій Николаичъ, происходя отъ «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», ужасно любитъ, чтобы за нимъ ухаживали сильные міра сего. Впрочемъ, онъ вообще всегда бывалъ какъ-то особенно и безкорыстно снисходителенъ къ княжнѣ, за что я очень уважалъ его. Марья Ивановна съ судорожнымъ безпокойствомъ слѣдитъ за ними; она съ ужасомъ видитъ, что уѣхало всего два человѣка, а всѣ остальные стоически дожидаются ужина.

— Не протанцовать ли еще польку до ужина, *princesse*? говоритъ она, въ чаяніи, что кто-нибудь уѣдетъ тѣмъ временемъ.

Но грозной судьбѣ не угодно споспѣшествовать намѣреніямъ Марьи Ивановны. Въ то самое время, какъ она кончаетъ свою фразу, лакеи, какимъ-то чудомъ ускользнувшіе изъ-подъ ея надзора, съ шумомъ врываются въ залу, неся накрытые столики.

— Милости просимъ, милости просимъ, господа,

ужинать! невпопадъ кричитъ Алексѣй Дмитричъ, широко разбывая ротъ.

— Ужь хоть бы ты-то молчалъ! вполголоса говоритъ Марья Ивановна, въ досадѣ не скрывая даже своихъ чувствъ: — *mes dames!* прибавляетъ она съ кислою улыбкой.

Но на первомъ же шагу встрѣчается препятствіе. Приборовъ подано на тридцать персонъ, а желающихъ ужинать оказывается на лицо сорокъ человекъ. Десяти человекамъ рѣшительно нѣтъ мѣста на «жизненномъ пирѣ», и въ числѣ этихъ исключенныхъ обрѣтается Василій Николаичъ. Онъ приходитъ въ неистовство и громко протестуетъ противъ исключенія. Марья Ивановна чувствуетъ бѣду и выгоняетъ изъ-за стола Алексиса, который уже усѣлся и непрочъ, пожалуй, вступить въ бой съ Марьей Ивановной за право ужинать. Сей досто-почтенный мужъ, жертва хозяйственныхъ соображеній своей супруги, до такой степени изморенъ голодомъ, что готовъ, какъ Исавъ, продать право первородства за блюдо чечевицы.

Но Василій Николаичъ за все радушіе хозяйки оплачиваетъ самую черною неблагодарностью. Онъ тутъ же распускаетъ слухъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ собирали съ полу упавшее съ блюда желе и укладывали вновь на блюдо съ очевиднымъ намѣреніемъ отравить имъ гостей. Марья Ивановна терпитъ пытку, потому что гарнизонные офицеры, оставшіеся за штатомъ, и больше всѣхъ

другихъ заслужившіе право на ужинъ, въ голодной тоскѣ переглядываются другъ съ другомъ.

— Чтò, братъ! говоритъ Василій Николаичъ прапорщику Коловоротову: — видно, не заслужилъ! а мы вотъ, видишь, какую индѣйку тутъ кушаемъ!

— Вамъ сейчасъ подадутъ, господа! лебезитъ Марья Ивановна: — ужъ вы покушайте стоя, какъ Богъ послалъ!

— Дождись — подадутъ! отзывается Василій Николаичъ.

И дѣйствительно, блюда проходятъ мимо «сверхштатныхъ» совершенно опустошенными, и ужинъ оканчивается, не удѣливъ имъ ни единой крупы.

Надо отдать полную справедливость Марьѣ Ивановнѣ: она тоже ничего не ѣла.

— Ухъ, скуки-то, скуки-то! говоритъ господинъ Змѣищевъ, сходя по лѣстницѣ.

— А каковъ ужинъ-то? спрашиваетъ Василій Николаичъ у Харченки, который идетъ, понутивъ голову . . .

— Въ самомъ дѣлѣ . . . ахъ, срамъ какой! замѣчаетъ Порфирій Петровичъ.

— А я-то старался, всѣхъ удерживалъ, говоритъ Василій Николаичъ.

Всѣ смѣются.

— Ну, ужъ «пріятное» семейство! раздается чей-то голосъ въ толпѣ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ

V

МОНОЛОГИ

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИДЬБА

С Ц Е Н А I.

Театръ представляетъ комнату весьма бѣдную; по стѣнамъ поставлено нѣсколько стульевъ, подъ красное дерево, съ подушками, обтянутыми простымъ холстомъ. Въ простѣнкѣ, между двумя окнами, столъ, на которомъ разбросаны бумаги. У одной стѣны неубранная кровать. Вообще, убранство и порядокъ комнаты обнаруживаютъ въ жильцѣ ея отсутствіе всякаго стремленія къ чистотѣ и опрятности.

ДЕРНОВЪ.

— Долго—таки заставилъ онъ меня дожидаться: съ часъ времени проморилъ въ передней. Потомъ выходитъ, да безъ парика и безъ зубовъ, въ какой—то полосатой поддевочкѣ—и не узналъ я его совсѣмъ. «Ну, чтожь, говоритъ, жениться что ли хочешь?» — Точно такъ—съ, говорю я, коли будетъ отъ вашего

высокородія милость, разрѣшите. — А онъ мнѣ: «У меня, братецъ, на этотъ счетъ своя идея есть: вамъ, подъячимъ, безъ крайней надобности, жениться не слѣдуетъ.» — Сдѣлайте, говорю, ваше высокородіе, такую милость, кабы не крайность моя, я бы и утруждать не осмѣлился. — «А что за невѣстой даютъ?» — Пять платьевъ, да два монто, одно лѣтнее, другое зимнее; изъ бѣлья тоже все какъ слѣдуетъ; самоваръ-съ; насъ съ женой на свой коштъ годъ содержать будутъ, ну, и мнѣ тоже пару фрашную, да пару сертушную. — «А изъ денегъ: ничего?» — Ничего, говорю. — «Ну, такъ и нѣтъ тебѣ разрѣшенья; вы, говоритъ, подъячіе, всѣ таковы: чуть попалъ въ столоначальники, ужъ и норовить икру метать. Вашего крапивнаго сѣмени столько развелось, что дѣваться некуда.» Я было ротъ разинулъ, чтобъ еще попросить, такъ куда-тебѣ: повернулъ спину, да и былъ таковъ.

ГИРБАСОВЪ.

Чтожь ты намѣренъ теперь съ этимъ дѣлать, Саша?

ДЕРНОВЪ.

А ужъ, право, и самъ не знаю. Пойду завтра къ Порфирію Петровичу, паду имъ въ ноги; пусть, что хотятъ, со мной дѣлаютъ, а безъ женитьбы мнѣ невозможно.

ГИРБАСОВЪ.

Да, безъ жены какая же и жизнь.

(Нѣсколько секундъ молчанія). —

ДЕРНОВЪ.

Ты посуди самъ: вѣдь я у нихъ безъ малаго цѣлый мѣсяцъ всѣмъ какъ есть продовольствуюсь: и обѣдъ, и чай, и ужинъ — все отъ нихъ; намерднись вотъ на жилетку подарили, а меня угоразди нелегкая ее щами залить; къ свадьбѣ тоже все приготовили и сукна купили — не продавать же. На той недѣлѣ и то Вѣра Панкратьевна, старуха-то, говоритъ: «ты у меня смотри, Александра Аександрычъ, на пятный не вздумай; я, говоритъ, такой счетъ въ правленъе представлю, что угоришь!» Вотъ оно и выходитъ, что теперича все одно: женись — отъ начальства на тебя злоба, изъ службы, пожалуй, выгонять; не женись — въ долгу неоплатномъ будешь, каждый обѣдъ изъ тебя тремя обѣдами выйдетъ, да чего и во снѣ-то не видалъ, пожалуй, въ счетъ понапишутъ. Нѣтъ, ужъ воля начальства, а не жениться мнѣ никакъ нельзя — все одно, что въ петлю лѣзть.

ГИРБАСОВЪ.

Ну, а у Якова Астафьича былъ?

ДЕРНОВЪ.

Былъ.

ГИРБАСОВЪ.

Чтожь онъ?

ДЕРНОВЪ.

Да что онъ! мычитъ, да и все тутъ. Я ему говорю: «помилуйте, Яковъ Астафьичъ, вѣдь вы мои прямые

начальники.» — «И, братецъ! говоритъ: — какой я начальникъ!»... Такая, право, слякоть!

(Молчаніе).

ДЕРНОВЪ.

И вѣдь все-то онъ этакъ! Тамъ ошибка какая ни-на-есть выдетъ: справка неполна, или законовъ нѣтъ приличныхъ — ругаютъ тебя ругаютъ, кажется, и жизни не радъ; а онъ туда же, въ отдѣленіе изъ присутствія выдетъ, да тоже начнетъ тебѣ надоѣдать: «вотъ, говоритъ, все-то вы меня подъ не-пріятности подводите!» Даже тошно смотрѣть на него. А станешь ему, съ досады, говоритъ: что же молъ вы сами-то, Яковъ Астафичъ, не смотрите? — «Да гдѣ ужъ мнѣ! говоритъ: я, говоритъ, чело-вѣкъ старый, слабый!» Вотъ и поди ты съ нимъ!

ГИРЬАСОВЪ.

Да, ужъ съ такимъ начальникомъ маяться не дай Господи! Вотъ и у насъ предсѣдатель такой былъ; сядетъ бывало въ карты играть — ступить не умѣетъ. Съ короля козырять начнетъ, а у парте-нера тузъ-отъ бланкъ, вотъ и взъѣстся на него партнеръ, особливо, если Порфирій Петровичъ. «Вы, говоритъ, ваше превосходительство, въ карты лапти изволите плестъ; гдѣ-жъ это видано, чтобъ съ короля козырять, когда у меня тузъ одинъ!» А онъ только ежится, да приговариваетъ: «а почему же я зналъ!» А что тутъ «почему зналъ», когда всякому видимо, какъ Порфирій Петровичъ съ самага начала побрякивалъ въ знакъ одиночества... Ну, а кто у тебя въ посажонныхъ будетъ?

ДЕРНОВЪ.

А право, не знаю. Вотъ старуха говоритъ, чтобъ, покрайности, Якова Астафьича. Оно, коли хочешь, и дѣло, потому что онъ все-таки прямой начальникъ; ну, а знаешь ты самъ, какъ онъ въ ту-пору Чернищеву отвѣчалъ, какъ тотъ его къ своей дочери въ посажонные звалъ? «Я, говоритъ, человекъ не общественный, дикій, словесности не умѣю, ни у кого не бываю; деньги у меня, конечно есть, да вѣдь это на черный день — было бы съ чѣмъ и глаза закрыть. Вотъ, говоритъ, намердись сестра пишетъ, корова тамъ у нея пала — пять цѣлковыхъ послалъ; тамъ братъ, что въ священникахъ, погорѣлъ — тому двадцать пять послалъ; нѣтъ, нѣтъ, братъ, лучше и не проси!» Съ тѣмъ Чернищевъ-то и отѣхалъ. Одно слово, дрянъ — дрянъ и есть. Господи! у другихъ начальники какъ начальники, а у насъ, что называется, ни кожи, ни рожи. Я ужь удумалъ къ Порфирію Петровичу.

ГИРБАСОВЪ.

А не пойдетъ Порфирій Петровичъ — градскаго голову за бока тащи!

ДЕРНОВЪ.

И то правда. Да чтò, братъ! ноньче ужь и они рыло драть стали. Только слава, что столоначальники, а хошь бы одна-те свинья головой сахару поклонилась; насъ молъ Ѳедоръ Гарасимычъ защититъ, онъ нашъ по всей губерніи купечеству сродственникъ и благопріятель. Намеднись, къ откупщику посылалъ,

чтобъ, покрайности, хошь ведро водки отпустилъ; такъ куда тебѣ: «у насъ, говоритъ, до правленья и касательства никакого нѣтъ, а вотъ, говоритъ, развѣ бутылку пива на бѣдность»... Такая, право, бестія! Не знаешь какъ тутъ и быть — такія времена настали. Начальство не то чтобъ тебя защитить, а еще пуще крапивнымъ сѣменемъ обзываетъ, жалованье на сапоги все изведешь, а работы-то словно на каторгѣ. Ужъ и подлинно, должно-быть, насъ ровно блохъ развелось. Выгоняютъ-выгоняютъ нашего брата, выгоняютъ, кажется такъ, что и мѣста нигдѣ не найдешь, а смотришь: все-таки мѣсто свято пусто не будетъ; куда? на одно-то мѣсто человѣкъ двадцать лѣзетъ.

ГИРБАСОВЪ.

Да; большую ловкость нужно имѣть, чтобъ нонѣче нашему брату на свѣтѣ вѣкъ изжить. Въ старые годы этой эквилибристики-то и знать не хотѣли.

ДЕРНОВЪ.

Вотъ хоть бы про столоначальника! Ты думаешь, задаромъ мнѣ это мѣсто досталось — какъ бы не такъ. Иду я-это къ секретарю, говорю ему: «Иванъ Никитичъ! состоя на службѣ пятнадцать лѣтъ, я хоша не имѣю ни жены, ни дѣтей, но, будучи, такъ-сказать, обуреваемъ... осмѣливаюсь»... ну, и такъ далѣе. А онъ, ты думаешь, что мнѣ въ отвѣтъ? «Ты!» говоритъ, «да я!» говоритъ. Прослезился я, да такъ и ушелъ отъ него, по той причинѣ, что онъ былъ на ту пору въ подпитіи, — ну, а въ этомъ видѣ отъ

него никакихъ резоновъ, окромѣ ругательства, не услышишь. Вотъ выбралъ я другой день, опять иду къ нему. «Иванъ Никитичъ, говорю ему: — имѣйте сердоболіе, вѣдь я ужъ десять лѣтъ въ помощникахъ изнываю; самиизволите знать, столомъ одинъ заправляю; поощрите!» А онъ: «это говоритъ, ничего не значитъ десять лѣтъ; и еще десять лѣтъ просидишь, и все ничего не значитъ.» — Да чтожь, говорю я, надобно сдѣлать, я на все готовъ. «А знаешь ли ты, говоритъ, эквилибристику?» — Нѣтъ молъ, Иванъ Никитичъ, не обучался я этимъ наукамъ: сами изволите знать, что я по третьему разряду. «А эквилибристика, говоритъ, вотъ какая наука, чтобъ передъ начальникомъ всегда въ струнѣ ходить, чтобы ноги у тебя были неусталыя, чтобъ когда начальство тебѣ говоритъ: «кривляйся, Сашка!» ну, и кривляйся! а «сиди, Сашка, смирно», — ну, смирно и сиди, ни единымъ суставомъ не шевели, а то неравно у начальства головка заболитъ. Я, говоритъ, всю эту механику насквозь произошелъ, такъ и знаю. Да и считай ты себя еще счастливымъ, коли тебѣ говорятъ: «кривляйся!» Это, значитъ, вниманіе на тебя обращаютъ.» Вотъ и выходитъ, значитъ, что кривлякъ этихъ столько развелось, что и для того, чтобъ подличать—то тебѣ позволили, нуженъ случай, протекція нужна; другой и радъ бы, да случая нѣтъ.

Гирбасовъ.

А умный человекъ этотъ Иванъ Никитичъ, хоть и шельма.

ДЕРНОВЪ.

Да ты слушай. Высказалъ онъ мнѣ все это, да и смотреть прямо въ глаза, точно совѣсть наизнанку выворотить хочетъ. Вотъ и поклялся я ему быть въ повиновеніи; и мучилъ же онъ меня, мучилъ до тѣхъ поръ, пока его самого, собаку, за нетрезвое поведение, изъ службы не выгнали — чтобъ ему пусто было! Напьется бываю пьянъ, да и посылаетъ за мной. «Пляши, говоритъ, Сашка», или «пой, говорить, Сашка, пѣсни». Дѣлать-то нечего: и пляшешь и поешь, а онъ-то, со своей развратной кампаніей, надъ тобой безобразничаетъ. Однажды растворилъ это двери на балконъ, а жилъ во второмъ этажѣ. «Скачи», говоритъ. Я на колѣни было, такъ куда? «Скачи, говоритъ, а не то убью». А глаза-то у него, какъ у быка, кровью налились — красные раскрасные. Дѣлать нечего, спрыгнулъ я, да счастье еще, что въ ту пору грязь была, такъ тѣмъ и отдѣлался, что весь какъ чушка выпачкался. Такъ вотъ, братъ, какіе труды понесъ! А говорятъ еще: счастье; безъ году недѣлю молъ служить, а ужъ столоначальникъ!

ГИРБАСОВЪ.

Это точно, что бестія былъ этотъ Иванъ Никитичъ; никакого человѣчества въ немъ не было. И вѣдь диво! кажется, самъ черезъ все это прискорбіе проиошелъ; самъ, значить, знаетъ, каково выносить эту эквалибристику-то.

ДЕРНОВЪ.

То-то вотъ и есть, что нашъ братъ хамъ ужъ отъ

природы таковъ: сперва надъ нимъ глумятся, а потомъ, какъ выдетъ на ровную-то дорогу, ну, и норовить все на другихъ выместить. Я, говоритъ, плясалъ, ну, пляши же теперь ты, а мы молъ вотъ посидимъ, да поглядимъ, да рюмочку выкушаемъ, покедова ты тамъ штуки разныя выкидывать будешь.

(Входитъ сторожъ.)

Сторожъ.

Господинъ Дерновъ, извольте идти къ его высоко-родію.

Дерновъ.

А зачѣмъ?

Сторожъ.

А мнѣ почему знать.

Дерновъ.

Да кто-нибудь есть у него?

Сторожъ.

Была ихняя эконожка, а потомъ старикъ со старухой приходили, съ ними дѣвка была, дочь что ли — кто ихъ знаетъ?

Дерновъ.

А зачѣмъ приходили — не знаешь?

Сторожъ.

А Господь ихъ знаетъ!

Дерновъ.

Ну, а каковъ онъ-то?

Сторожъ.

Извѣстно, ругается.

Гирбасовъ (*Дернову*).

Однакожь, прощай; забѣги-ка къ намъ завтра, разкажи, какъ у васъ тамъ все будетъ; а Раиса Петровна водочки поднесетъ, — у насъ, братъ, не купленная.

Дерновъ.

Да, я и позабылъ спросить тебя про Раису Петровну, какъ онѣ себя чувствуютъ?

Гирбасовъ.

Ужъ извѣстно, какія у ней чувства; у меня эти чувства — то вотъ гдѣ сидятъ (*показываетъ на затылокъ*). Что ни девять мѣсяцевъ — смотришь, анъ и пищитъ въ углу благословеніе Божіе, словно ужъ предопредѣленіе, али повѣтріе какое. Хочешь не хочешь, а не отвертишься.

(*Выходятъ.*)

С Ц Е Н А П.

Театръ представляетъ комнату съ претензіями на великолѣпіе. Мебель уставлена симметрически; посрединѣ диванъ, предъ нимъ столъ и по бокамъ кресла; диванъ и кресла крыты ярко-голубымъ штофомъ, но спинки у нихъ обтянуты каленкоромъ подъ цвѣтъ. Въ простѣнкахъ, между окнами, зеркала, на столахъ недорогая бронза: лампы, подсвѣчники и проч. Петръ Петровичъ *Змѣищевъ*, старикъ лѣтъ шестидесяти, въ завитомъ парикѣ, и съ полною челюстью зубовъ, какъ у щуки, сидитъ на диванѣ; сбоку, на второмъ креслѣ, на самомъ его кончикѣ, обитаетъ *Еддоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій*. Проникнутый глубокимъ умиленіемъ по случаю бесѣды съ Петромъ Петровичемъ, Крестовоздвиженскій обнаруживаетъ сильное безпокойство во всѣхъ оконечностяхъ своего брэннаго тѣла, безпрестанно прискакиваетъ и потягиваетъ носомъ воздухъ.

Крестовоздвиженскій.

Осмѣлюсь увѣрить ваше высокородіе, самый то-есть пустѣйшій онъ человѣкъ, просто имянно пустѣйшій человѣкъ—съ!

Змѣищевъ (*зѣвая*).

Ну, а коли такъ, разумѣется, чтожъ намъ смотрѣть на него, выгнать да и дѣло съ концомъ. Вамъ, господа, они ближе извѣстны, а мое мнѣніе такое, что казнить никогда не лишнее; по крайней мѣрѣ, другимъ примѣръ. Чтò, онъ смертоубійство, кажется, скрылъ?

Крестовоздвиженскій.

Никакъ нѣтъ—съ; смертоубивство — это другой, это Гранилкинъ—съ. А Овчинину было предписано

исполнить приговоръ надъ однимъ тамъ мѣщаниномъ, розгами высѣчь-съ, такъ онъ, вмѣсто того-то мѣщанина, высѣкъ просто имянно совсѣмъ другого. Оно конечно, онъ оправдывается тѣмъ, что по ошибкѣ, потому дескать, что фамиліи ихъ сходныя, и призванный, во время экзекуціи, не прекословилъ. Спору нѣтъ, что сходныя, да вѣдь извольте сами согласиться, это и до начальства дойти можетъ... Кто его знаетъ? можетъ онъ нарочно и не прекословилъ, чтобъ послѣ жаловаться. У насъ ужъ былъ такой примѣръ, что мы ограничились однимъ внушеніемъ-съ, чтобъ впредь поступалъ осторожнѣе, не сѣкъ бы зря, такъ насъ самихъ чуть-чуть подъ судъ не отдали, а письма-то тутъ сколько было! цѣлый годъ въ страхѣ обрѣтались.

Змѣищевъ.

Ну, конечно, конечно, выгнать его; да напишите это такъ, чтобъ энергіи, знаете, побольше, а то у васъ все какъ-то безцвѣтно выходитъ — тарà да барà, ничего и не поймешь больше. А вы напишите, что вотъ молъ такъ и такъ, нарушеніе святости судебного приговора, невинная жертва служебной невнимательности, непониманіе всей важности долга.... понимаете! А потомъ и повѣсьте его... Ну, а того-то, что скрылъ убійство. (*Крестовоздвиженскій потупляется.*) — Однакожь?...

Крестовоздвиженскій.

Оно, конечно, ваше высокородіе, упущеніе немаленькое-съ.

Змѣищевъ.

Какое тутъ упущеніе, помилуйте! Вѣдь этакъ по большимъ дорогамъ грабить будутъ.... вѣдь онъ взятку, чай съ убійцы—то взялъ.

Крестовоздвиженскій.

Ужъ куда ему, ваше высокородіе, взятку! просто именно отъ невѣдѣнья и простодушія; я его лично знаю—съ, онъ у меня еще писцомъ служилъ: прекраснѣйшій чиновникъ—съ, только ужъ смиренъ очень; его бы, ваше высокородіе, куда—нибудь, гдѣ поспокойнѣе, перевести; хоть бы вотъ въ засѣдатель.

(Входитъ лакей.)

Лакей.

Господинъ Дерновъ пришелъ.

Змѣищевъ.

Пусть войдетъ.

(Дерновъ входитъ и становится у стѣны.)

Змѣищевъ (*вставая и подходя къ нему*).

Ну, такъ ты все еще жениться хочешь?

Дерновъ.

Имѣя намѣреніе вступить въ законный бракъ съ дочерью коллежскаго регистратора....

Змѣищевъ.

Знаю, знаю; я сегодня видѣлъ твою невѣсту: хорошенькая. Это ты хорошо дѣлаешь, что женишься на хорошенькой. А то вы, подъячіе, объ томъ только думаете, чтобъ баба была; ну, и наплодите тамъ чортъ знаетъ какой чепухи.

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКІЙ (*подобострастно улыбаясь*).

Это справедливо, ваше высокородіе, изволили замѣтить, что приказные больше отъ скуки, а не то такъ изъ того женятся, что годъ кормить обѣщаютъ, или тамъ сюртукъ сошьютъ-съ.

Змѣищевъ (*смѣется*).

Ну да, ну да. Такъ ты смотри, меня пригласи на свадьбу-то; я тово... А вы, Ѳедоръ Гарасимычъ, велите ему на свадьбу-то выдать.... знаете, изъ тѣхъ суммъ.

(Дерновъ низко кланяется.)

С Ц Е Н А III.

Комната въ квартирѣ господина и госпожи Рыбушкиныхъ. Марья Гавриловна (она же и невѣста) сидитъ на диванѣ и куритъ папироску. Она высокаго роста блондинка, съ весьма развитыми формами; нѣсколько подбѣлена и вообще сооружена такъ, что должна въ особенности нравиться сохранившимся старичкамъ и юношамъ съ потухшими сердцами.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Господи! что жъ это и за жизнь за такая! другіе, посмотришь, то по гостямъ, то въ клубъ, а ты вотъ тутъ день деньскій дома сиди. Только и утѣшенья, какъ папироску-другую выкуришь. Куришь-куришь до того, что въ глазахъ потемнѣетъ. А все Мишель пріучилъ! Странно, однако, что онъ на мнѣ

не женится. Выходите, говорить, замужъ за Дернова, тогда и намъ свободно будетъ. Свободно? а кто его знаетъ, свободно ли? въ душу-то къ нему никто не ходилъ. Вотъ прошлаго года Варенька выходила замужъ; тоже думали, что будетъ хозяйка въ домъ, а вышло совсѣмъ напротивъ. Заперъ ее, да еще колотить. А это одно каково мученье—такого плюгаваго цѣловать-то; даже вчужѣ тошно. Да ужъ хоть бы этотъ поскорѣй женился — все бы одинъ конецъ, а теперь сиди вотъ дома, слушай всѣ эти безобразія, да еще себя наблюдай. Всѣ говорятъ: красавица, красавица, а что въ этомъ проку-то! А какіе, право, эти мущины смѣшные! Намеднись, вечеромъ, была я у Марьи Петровны; ну, конечно, декольте; подходитъ это Трясучкинъ, будто разговариваетъ, а самого его такъ и подергиваетъ, и глаза такіе масляные—премасляные, словно косые. Вотъ и Змѣищевъ давеча: глядѣлъ-глядѣлъ, мнѣ даже смѣшно стало. Вы, говорить, украшеніе Крутогорска; Дерновъ недостойнъ обладать такимъ розаномъ. Да, розанъ — держи карманъ! Нынче, вѣрно, не розанъ нужно. Вотъ тоже третева-дни сижу я вечеромъ у окна, будто погодой занимаюсь, а сама этакъ въ кофточкѣ и волосы распущены. Подходитъ этотъ прапорщикъ—какъ бишь его? ну, да все равно. «Какъ вы, говорить, прелестны, сударыня.» — А вамъ что за дѣло, говорю я. — «Я дескать не могу безъ волненья видѣть.» — А коли не можете, такъ женитесь, говорю я. Такъ куда-тебѣ, наострилъ лыжи, даи не встрѣчается съ тѣхъ

поръ... Господи! скука какая! хоть бы поскорѣе все это кончилось.

(Входитъ Бобровъ, очень молодой человекъ, высокаго роста и цвѣтущій здоровьемъ; на немъ коротенькое сѣрое пальто, которое, въ приказномъ быту, слыветъ подъ названіемъ зефирки; жилетъ и панталоны пестроты изумительной. Подъ мышкой у него бумаги.)

БОБРОВЪ.

Вы однѣ, Машенька?

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ну да, одна; насилу-то ты пришелъ.

БОБРОВЪ.

Нельзя было,—дѣла; дѣла это ужъ важнѣе всего; я и то ужъ отъ начальства выговоръ получилъ; давеча секретарь говоритъ: «у тебя, говоритъ, на умѣ только панталоны, такъ ты у меня смотри.» Вотъ какую кучу переписать задалъ.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ну, а Дернова видѣлъ?

БОБРОВЪ.

Видѣлъ, какъ же; у него все кончено; на свадьбу пятьдесятъ цѣлковыхъ дали; онъ меня и въ дружки звалъ; я, говоритъ, все сдѣлаю отмѣннымъ манеромъ.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Да, дожидайся отъ него. Ну, а тебѣ поди чай и не жалко, что я за Дернова выхожу.

Бобровъ.

Посудите сами, Машенька-съ, статочное ли мнѣ дѣло жениться. Жалованья я получаю всего восемь рублей въ мѣсяцъ... вѣдь это выходитъ дѣло-то совсѣмъ наплевать-съ, тутъ не радости, а больше горести.

Марья Гавриловна.

Удивляюсь я, право; такой ты молодой, а говоришь—словно сорокъ лѣтъ тебѣ.

Бобровъ.

Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, Марья Гавриловна. Я вамъ вотъ что скажу—это, впрочемъ, по секрету-съ—я вотъ далъ себѣ обѣщаніе, какова пора ни мѣра, выйти въ люди-съ. У меня на этотъ предметъ и планъ свой есть. Такъ оно и выходитъ, что жена въ евдакомъ дѣлѣ только лишнее бревно-съ. А любить намъ другъ друга никто не препятствуетъ, было бы на то ваше желаніе. (*Подумавши:*) А я, Машенька, хотѣлъ вамъ что-то сказать.

Марья Гавриловна.

Что еще?

Бобровъ.

А вы поцѣлуйте меня.

Марья Гавриловна.

Ахъ ты, дурачокъ! а я думала, что и онъ взаправду дѣло скажетъ. (*Цѣлуются.*)

Бобровъ.

Ахъ ты, Господи! (*Вздыхаетъ.*)

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ну что ты вздыхаешь-то?

БОБРОВЪ.

Да какъ же-съ; вѣдь вотъ, кажется, цѣлый бы вѣкъ сидѣлъ тутъ подлѣ васъ, да цѣловался.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Это ты не глупо вздумалъ. Въ разговорѣ-то вы всѣ такъ, а вотъ какъ на дѣло пойдетъ, такъ и нѣтъ васъ. (*Вздыхаетъ.*) Да чтожь ты въ самомъ дѣлѣ сказать-то мнѣ хотѣлъ?

БОБРОВЪ.

А вотъ что-съ; пришелъ я сегодня въ присутствіе съ бумагами, а тамъ Змѣищевъ разказываетъ, какъ вы вчера у него были, а у самого даже слюнки текутъ, какъ объ васъ говоритъ. Бѣлая, говоритъ, полная, а самъ, знаете, и руками разводитъ, хочетъ внушить это, какія вы полненькія. А Ѳедоръ Гарасимычъ сидитъ противъ нихъ, да не то чтобъ смѣясь, а ровноколышется весь, и глаза у него такъ и свѣтятся, да маленькіе такіе, словно щелочки или вотъ у молодой свинки.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ну, такъ чтожь?

БОБРОВЪ.

А я къ тому это, Машенька, говорю, что если вы не постоите, такъ и Дернову и мнѣ хорошо будетъ. Вѣдь онъ влюбленъ, именно влюбленъ-съ; не махалъ бы онъ этакъ руками-то, да и Дернову бы

позволенія не далъ... (Ласкается къ ней. Марья Гавриловна задумывается.)

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА (томно).

Однако, ты добру меня тутъ учишь.

БОБРОВЪ.

Вѣдь оно только спервоначала страшно кажется, а потомъ и въ привычку взойдетъ... Чтожь вы такъ задумались, Машенька?

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ахъ, отстань, пожалуйста.

БОБРОВЪ.

Вотъ вы какія! а еще говорите, что любите.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ну, ну, полно вздоръ-то говорить; а ты разкажи лучше, что ты вчера дѣлалъ, что тебя цѣлый день не видать было.

БОБРОВЪ.

Поутру, извѣстно, въ присутствіи былъ, а по вечеру въ городской садъ съ Трясучкинымъ ходили. Идемъ мы, Машенька, по аллеѣ, а впереди насъ Змѣищева эконожка съ квартальнаго женой. Идемъ мы по аллеѣ, а эконожка-то оглядывается, все на меня посматриваетъ, да и говоритъ квартальной-то: «ктой-то это такой красивый молодой мущина?» а жена-то квартальнаго: «это, говоритъ, Бобровъ; онъ у васъ служить».—А должно быть интересный мущина, говоритъ эконожка-то:—и какъ себя хорошо держать, А Трясучкинъ-то злится; вотъ, го-

ворить, счастье тебѣ! завтра же куплю, говоритъ, себѣ новой матеріи на брюки.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

А ты, чай, и обрадовался?

(Входитъ Рыбушкинъ въ нетрезвомъ видѣ; за нимъ Дерновъ.)

РЫБУШКИНЪ (поетъ).

Во-о-злѣ рѣчки, возлѣ мосту жилъ старикъ... съ сестаррухой... Дда; съ сестаррухой... и эта старуха, чтобъ ее черти взяли... (Боброву:) Эй ты, пошелъ вонъ.

ДЕРНОВЪ.

Да вы, папенька, не извольте убиваться такъ. Марья Гавриловна, позвольте ручку-съ?

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Это вы его такъ накатили? нече сказать... Господи! да когда жъ это все кончится?

(Даетъ Дернову руку, которую тотъ цѣлуетъ.)

ДЕРНОВЪ.

Чтожъ мнѣ, Марья Гавриловна, дѣлать, когда папенька просятъ; вѣдь они ваши родители. «Ты, говоритъ, сегодня пятьдесятъ цѣлковыхъ получилъ, а меня, говоритъ, отъ самага то-есть рожденья жажда измучила, словно жаба у меня тамъ въ желудкѣ сидитъ. Только и уморишь ее проклятую, какъ полштофика сквозь пропустишь.» Чтожъ мнѣ дѣлать-то-съ? вѣдь я не самъ собою, я какъ есть въ своемъ видѣ-съ.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ладно, ладно; безобразничайте съ нимъ.

РЫБУШКИНЪ.

Цыцъ, Машка! я тебѣ говорю цыцъ! Я тебя знаю, я тебя вотъ какъ знаю... вся ты въ мать, въ Палашку, чтобъ ей пусто было! заѣла она меня, вѣдьма... Ты небось, думаешь, что ты моя дочь? нѣтъ, ты не моя дочь; я коллежскій регистраторъ, а ты титулярнаго совѣтника дочь... Вотъ мнѣ его и жалко; я ему это и говорю... что не бери ты ее, Сашка, потому она какъ есть всѣмъ естествомъ страмная, вся въ Палагею... въ ту... А ты, Машка, горло-то не дери, а не то вотъ съ мѣста не сойдти — убью; какъ муху, какъ моль убью...

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА (*Дернову*).

Хоть бы увели вы его.

РЫБУШКИНЪ.

Увести! меня увести! Сашка! смотри на него! (*Указываетъ на Боброва.*) Это ты знаешь ли кто? не знаешь? Ну, такъ это тотъ самый титулярный совѣтникъ... то-есть, для всѣхъ онъ писецъ, а для Машки титулярный совѣтникъ. Не связывайся ты, Сашка, съ нею... ты на меня посмотри: вотъ я гуляю, и ты тоже гуляй (*Поетъ*). Во-о-озлѣ рѣчки...

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

А вотъ погодите, я мамашѣ скажу; она вамъ дастъ титулярнаго совѣтника... Да уведите же его, Александра Александрычъ.

ДЕРНОВЪ.

Полноте же, папенька, вы лучше усните...

БОБРОВЪ.

Да вы что на него смотрите, Александръ Александръчъ. Извѣстно, пьяный человекъ; онъ, пожалуй и ушибетъ чѣмъ ни на есть, не что съ него возьмешь.

РЫБУШКИНЪ (*почти засыпаетъ*).

Ну да... дда! и убью! ну чтожъ и убью! у меня, братъ Сашка, въ желудкѣ жаба, а на сердцѣ рана... и все отъ него... отъ этого титулярнаго совѣтника... такъ вотъ тамъ и сосетъ, такъ и сосетъ... А ты на нее не смотри... чаще бей... чтобы помнила, каковъ мужъ есть... а мнѣ... изъ службы меня выгнали... а я, ваше высоко... ваше высокопревосходительство... ишь длинный какой!—ей Богу невиноватъ... это она все... все Палашка!..вѣдьма ты! ч-ч-ч-о-ортъ!

(*Засыпаетъ; Дерновъ уводитъ его.*)

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Вотъ этакія-то штуки каждый день слушать!

СЦЕНА VI.

Квартира Дерновыхъ; послѣ свадьбы прошло двѣ недѣли. По комнатѣ разбросаны юпки и другія принадлежности женскаго туалета. Общій безпорядокъ.

ДЕРНОВЪ (одинъ).

Ну вотъ и женился. Вмѣсто того, чтобъ встать пораньше, да на базаръ сходить, а она до сихъ поръ въ постелѣ валяется! я, говоритъ, не кухарка тебѣ далась, вотъ и разговаривай съ ней. Мнѣ бы теперича на службу ужъ пора, а до сихъ поръ самовару нѣтъ; пожалуй, и безъ чаю уйдти придется. (*Задумывается.*) А какая она, однакожь, бѣлая да полная, я и не ожидалъ. Оно, конечно, съ перваго разу было видно, что не сухарь, а все-таки... Только не нравится мнѣ этотъ Бобровъ; ну, чего онъ сюда каждый день таскается! Попросить развѣ Ивана Васильича, чтобъ арестовалъ его сутки на трои. Вотъ и его высокородіе тоже на свадьбѣ сконфузили: сѣли около Маши, да и не отходятъ... А тѣ-то, дурачье, и изъ комнаты вонъ повышли, а и случится которому надобность по комнатѣ пройти, такъ все норовить по стѣнкѣ, словно они зачумленные. Впрочемъ, и самому мнѣ будто совѣстно стало; думаю невѣжливо его высокородіе однихъ оставлять, а подойти не смѣю. Да и его высокородіе увидѣли, что я все около двери стою: «ступай, говорятъ, любезный, я тебя не стѣсняю». Такъ и просидѣли они весь вечеръ вдвоемъ. А ужъ папенька-то, Гаврило

Осипычъ, чтожь это за человѣкъ такой! не успѣли мы изъ церкви пріѣхать, а онъ ужъ нализался, и кричитъ тутъ! И диви бы штофъ, а то одну рюмку выпьетъ, и ужъ не годится. Хорошо еще, что маменька ихъ въ чуланъ заперли, а то, кажется, они и стекла-то бы всѣ повышибли!

(Входитъ купецъ Скопищевъ, человѣкъ немолодыхъ лѣтъ. Въ продолженіе разговора, онъ выпускаетъ частые и продолжительные вздохи.)

ДЕРНОВЪ.

А, Егоръ Ивановичъ! добро пожаловать! садись, братъ, гость будешь!

(Скопищевъ вздыхаетъ.)

ДЕРНОВЪ.

Да ну, садись! чего вздыхаешь-то?

СКОПИЩЕВЪ (садится).

Охъ!... чтò садиться-то! я за дѣломъ.

ДЕРНОВЪ.

Знаю, что за дѣломъ, да вѣдь не стоя же намъ разговаривать. Чтожь ты скажешь?

СКОПИЩЕВЪ.

Чтò сказать-то? ты скажи прежде самъ.

ДЕРНОВЪ.

Хорошаго-то, братъ, немного; вѣдь онъ просьбу подалъ...

СКОПИЩЕВЪ.

Ну?

ДЕРНОВЪ.

Сбавляетъ противъ тебя сто цѣлковыхъ...

СКОПИЩЕВЪ.

Ну?

ДЕРНОВЪ.

Чего жъ тебѣ еще? стало-быть, утвердить за тобой нельзя ни коимъ манеромъ.

СКОПИЩЕВЪ.

А торги?

ДЕРНОВЪ.

Мало ли что торги! тутъ, братъ, казенный интересъ. Я было сунулся доложить Якову Астафьичу, что для пользы службы за тобой утвердить надо, да онъ говоритъ: «ты молъ любезный, хочешь меня увѣрить, что стаканъ, сапоги и масло все одно, такъ я, братъ, хошь и дикій человѣкъ, а ариѳметикъ-то учился, четыре отъ двухъ отличить умѣю.»

СКОПИЩЕВЪ.

Охъ!... такъ какъ же?..

ДЕРНОВЪ.

Дѣлать нечего, подавай и ты прошеніе; сбавъ хошь полтину противъ его цѣны, — ну, и утвердимъ за тобой.

(Молчаніе, въ продолженіе котораго Скопищевъ разсчитываетъ и усиленно вздыхаетъ.)

СКОПИЩЕВЪ.

Ну, а просьбу-то, чай, на гербовой?

ДЕРНОВЪ.

А то на простой! Эхъ ты! тутъ тысячами пахнетъ, а онъ объ шести гривенникахъ разговариваетъ. Шаромыжники вы всѣ! Ты на него посмотри; вотъ онъ намеднись приходитъ, дѣла не видитъ, а ужъ сторублевую въ руку суетъ — посули только, да будь ласковъ. Ахъ, кажется, кабы только не связался я съ тобой! А ты норовишь дѣло-то за двѣ головы сахару сладить. А хочешь, не будетъ по-твоему?

Скопищеъ (съ испугомъ).

Чтò ты? чтò ты? а кто же тебѣ кровать-то подарилъ подь свадьбу?

ДЕРНОВЪ.

То-то кровать! подарилъ кровать, да и кричитъ, что ему вотъ мѣсяцъ съ неба сыми, да на блюдѣ подай. Всѣ вы, здѣшніе, колотырники, только кляузы бы, да ябеды вамъ сочинять... голь непокрытая! А ты затѣялъ дѣло, такъ и веди его дѣломъ, широко то-есть рукой.

(Входитъ Марья Гавриловна заспанная и растрепанная, въ одной кофтѣ.)

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА (мужу).

Ты еще не ушелъ на службу? а-а-а! (Зѣваетъ и потягивается.)

ДЕРНОВЪ.

Когда жь было уйдти; я чаю хочу.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

Ну, ну, пожалуста, комедій-то не разыгрывай! Ишь

графъ какой выискался! безъ чаю ему жить не возможно! (*Скопищеву:*) А ты, борода, какую кровать-то прислалъ?

Скопищевъ.

Какую? извѣстно какую!

Марья Гавриловна (*передразнивая*).

Извѣстно какую! Пошевелиться нельзя, на весь домъ скрипитъ.

Дерновъ.

Это точно, что скрипитъ.

Марья Гавриловна.

Катерина! а, Катерина! (*Является кухарка.*) Приготовь ты водки, да закуски подай, балыку что ли.

Дерновъ.

Это зачѣмъ?

Марья Гавриловна.

А у меня Бобровъ будетъ.

Дерновъ.

Нѣтъ, ужъ это тово... я чаю не пилъ, такъ вы эти закуски-то до завтра оставьте... Я этого Боброва по шеямъ вытолкаю, я ему бока переломаю... да что тутъ? я и тебя, слякоть ты этакая, такъ отдѣлаю, что ты... (*Воодушевляясь:*) Да ты что думаешь? ты что думаешь? небось, я молчать буду?..

Марья Гавриловна.

Да ты не храбрись! больно я тебя боюсь. Ты думаешь, что мужъ, такъ и управы на тебя нѣтъ... держи

карманъ! Вотъ я къ Петру Петровичу пойду, да и разкажу ему, какъ ты надъ женой—то озорничаешь! Ишь ты! бока ему отломаю! Такъ онъ и будетъ тебѣ стоять, пока ты ломать—то ихъ ему будешь!

Скопищевъ.

А ты бы, Александра Александрычъ, попречь ея—то самое маленько помяль... У меня вотъ жена покойница такая же была, такъ я ее бывало голубушку, возьму, да всю по суставчикамъ и разомну... (Вздыхаетъ.) Такая ли опосля шелковая сдѣлалась! Кровать вишь скрипитъ! а гдѣ жъ это видано, чтобъ кровать не скрипѣла, когда она на то кровать и есть!

Дерновъ (женѣ).

Слышишь ты у меня! чтобъ здѣсь Бобровскаго и духу не пахло... слышишь! а не то я тебя, видитъ Богъ, задушю! своими руками задушю!

(Входитъ сторожъ.)

Сторожъ.

Ваше благородіе! пожалуйста; Яковъ Астафьичъ въ присутствіе зоветъ.

Дерновъ.

Чего тамъ ему еще нужно?

Марья Гавриловна.

Ладно, ладно, ступай—ка! тамъ еще увидимъ, какъ это ты меня задушишь! Вишь храбрецъ! откуда это выѣхать извоили! (Скопищеву:) А ты, борода, у меня припомнишь, припомнишь, припомнишь!

С Ц Е Н А V.

Квартира Змѣищева. Марья Гавриловна стоитъ у окна.
Змѣищевъ входитъ въ халатъ и съ шапочкой на головѣ.

Змѣищевъ.

Ну, вотъ вы и пришли, душенька...

(Занавѣсъ опускается.)

ЧТО ТАКОЕ КОММЕРЦІЯ?

С Ц Е Н А I.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Полорѣцкѣ. Театръ представляетъ общую залу въ трактирномъ заведеніи. За однимъ столомъ сидятъ трое купцовъ и пьютъ чай. Купцы эти: *Палахвостовъ*, *Ижбурдинъ* и *Сокуровъ*. Палахвостовъ старикъ сѣдой и угрюмый; пьетъ чай молча и крестится двумя перстами. Ижбурдинъ среднихъ лѣтъ, права до крайности сообщительнаго, говоритъ много, но какъ-то, по временамъ, непріятно размазываетъ. Сокуровъ, молодой купчикъ, не отдѣленный отъ «родителя» и сильно мечтающій о возможности сдѣлаться современемъ «негоціантомъ». За особымъ столомъ сидитъ *Праздношатающійся*, господинъ подозрительнаго свойства, занимающійся отчасти изученіемъ торговли и промышленности, отчасти же композиціей нравоописательныхъ статейъ à la Тряпичкинъ. Во время разговора купцовъ онъ сначала прислушивается, а потомъ незамѣтнымъ образомъ самъ впадаетъ въ ихъ рѣчь.

ИЖБУРДИНЪ.

А позвольте узнать, почемъ извоили, Савва Семенычъ, хлѣбецъ покупать? Эй, малый! кипяточку! (Стучитъ ножомъ по стакану.)

ПАЛАХВОСТОВЪ.

Да по полтинъ пудъ.

ИЖБУРДИНЪ.

Такъ-съ, это точно-съ, цѣна сходственная; а вотъ намеренъ такъ мнѣ Вотячокъ по сороку копѣчекъ кулей съ пятокъ въ анбары свалилъ... этакъ-то будетъ, пожалуй, еще по авантажнѣе-съ...

ПАЛАХВОСТОВЪ.

Да ты развѣ по хлѣбной-то части торгуешь что ли?

ИЖБУРДИНЪ.

Какъ же-съ; наше, Савва Семенычъ, дѣло маленькое; капиталовъ большихъ не имѣемъ, по крохамъ, можно сказать, свое благосостояніе собираемъ... И еслибы да не воздержность наша да не труды — выходить, были бы мы теперича и совсѣмъ безъ капиталу-съ... Мы точно завсегда всѣмъ торгуемъ; главная у насъ статья, конечно, лѣса-съ, потому что намъ по этой части сподручнѣе...

ПАЛАХВОСТОВЪ.

Да, воровать, то-есть.

ИЖБУРДИНЪ.

Зачѣмъ же обижать, Савва Семенычъ? Лѣсное дѣло вы, чай, сами изволите знать, возможно ли тамъ безъ сноровки-съ? Намъ, Савва Семенычъ, безъ барышовъ быть невозможно-съ, наше дѣло коммерческое: тѣмъ только и живешь, что оборотишься не

столько капиталомъ, сколько изворотцемъ—съ. Ну, а по лѣсной части одни угощенья чего стоятъ! Было время, что и горское пили, а нынче горскаго—то и въ подпитіи ему не подашь: давай, говоритъ, шинпанскаго, да еще за бороду ухватить тебя норовить. Одной обиды да наругательства сколько на твою голову упадетъ! съ пристани—то выйдешь ровно обстрѣленный. Вотъ хошь бы онамеднись. Пили они—это пили; кажется, ничего не жалѣлъ, лишò бы глотку—то его поганую залить, такъ нѣтъ вотъ мало ему и того. Въ нутро—то ему не лѣзетъ, такъ онъ — что бы ты думалъ —выкинулъ? — «Ну, говоритъ, мы теперича пьяни; давай, говоритъ, теперича рѣку шинпанскимъ поить!» Я было ему въ ноги: «за чтожь молъ надъ моимъ добромъ наругаться хочешь, ваше благородіе! помилосердуй!» — и слушать не хочетъ... «Давай, кричитъ, шинпанскаго! дюжину! мало дюжины, цѣльный ящикъ давай! а не то, говоритъ, сейчасъ всѣ твои плоты законфескую, и пойдешь ты въ Сибирь гусей пасти!» Дѣлать—то нечего; велѣлъ я принести ящикъ, такъ онъ позвалъ, антихристъ, рабочихъ, да и велѣлъ имъ вино—то въ рѣку бросить. Вы посудите, Савва Семенычъ, каково мнѣ—то тутъ было смотрѣть на свое добро... А онъ только икаетъ: «Вотъ, говоритъ, это тебѣ, значить, трессировка, чтобъ ты зналъ, что въ моей власти и по шерсти тебя погладить, и за вихоръ драть... весь ты, говоритъ, въ моихъ рукахъ, и ты и потомство твое!» Такъ вотъ она какова, наша—то коммерція!

ПАЛАХВОСТОВЪ (смѣется).

Это точно, что коммерція плохая, если мордой отвѣчать приходится.

ИЖБУРДИНЪ.

А не дай я ему этого ящика, и не вѣсть бы онъ мнѣ какой тутъ пакости натворилъ! Тутъ, Савва Семенычъ, ужь ни зачѣмъ не гонись, ни чѣмъ не брезгуй. Смотришь только ему въ зубы, какъ онъ надъ тобой привередничаетъ словно баба беременная: того ему подай, или нѣтъ не надо, подай другаго. Только объ одномъ и толкуетъ, какъ бы ему такое что-нибудь выдумать, чтобы въ конецъ тебя оконфузить.

СОКУРОВЪ (стучитъ въ стаканъ).

Тенерифу бутылку! да архангельскаго, слышишь!

ПАЛАХВОСТОВЪ.

Это, братъ, зачѣмъ?

СУКРОВЪ.

Пожалуйте! ваше здоровье-съ! (Подаютъ бутылку вина; Праздношатающійся примѣтно подвигаетъ свой стулъ къ столу собесѣдниковъ.)

ИЖБУРДИНЪ.

Такъ-то вотъ день-деньской мы и маемся: гдѣ полтина, гдѣ рубль. А вы вотъ, Савва Семенычъ, говорите, чтобы на счѣтъ-того, однимъ товаромъ торговать! Намеднишь, вотъ и Порфирій Петровичъ тоже. Пришелъ я къ нимъ на торги по арестантской части: «чтой-то, говоритъ, тебя, Павелъ Прокофь-

ичъ, ровно шакала во всѣ стороны черти носятъ : ты, говоритъ, свою бы часть зналъ, а то отъ тебя только казенному дѣлу поношенье!...» Да куды же я съ однимъ-то предметомъ сунусь! Нонече вонъ пошли вездѣ выдумки — ничего и сообразить-то нельзя. Цѣна-то сегодня полтина, а завтра она рубль; ты думаешь, какъ бы тебѣ польза, анъ выходитъ, что тебѣ же шею наколотятъ; вотъ и торгуй! Теперича, примѣрно, кожевенный товаръ въ ходу, сукно тоже требуется, — ну, мы и сукно по малости скупаемъ, и кожи продаемъ: все это нашей совѣсти дѣло-съ. Намеднись, доложу я вамъ, былъ я въ Лежневѣ на ярмонкѣ, — и что-что тамъ комисинеровъ наѣхало, ровно звѣздъ небесныхъ: все сапожный товаръ покупать. Конечно-съ ихнее дѣло простое. Казна имъ, примѣрно, хошь рубль отпускаетъ, такъ ему надо, чтобъ у него полтина или тамъ сорокъ копѣекъ пользы осталось. А съ мужикомъ ему дѣло имѣть несподручно! Этотъ хошь, можетъ, и больше пользы даетъ, да оно неспокойно; неровенъ часъ, слѣдствіе или другая напасть — всѣмъ ротъ-отъ не зажмешь. Опять же и отчетностью они запутаны: поди да кажнаго росписываться заставляй, да урезонивай, чтобъ онъ тебѣ, вмѣсто полтины, рубль написалъ. А какъ съ оптовымъ-то дѣло заведетъ, оно и шито и крыто; первое дѣло, что хлопотъ никакихъ нѣтъ, а второе, что предательству тутъ быть невозможно, почему какъ купецъ всякій знаетъ, что за такую механику и ему за одно съ комиссионеромъ не сдобровать. Эта штука для

насъ самая выгодная; тутъ, можно сказать, не токма что за трудъ, а больше за честь пользу получаешь.

Сокуровъ (важничая).

Да; съ казной дѣло имѣть выгоднѣе всего; она, можно сказать, всѣмъ намъ кормилица... (наливаетъ вино въ бокалы. Къ Праздношатающемуся:) Не прикажете ли, не имѣемъ счастья знать по имени и по отчеству...

Праздношатающійся.

Съ охотою (пьетъ). А гдѣ вы это, господа, такой здѣсь тенерифъ достаете... отличный! И жжетъ и першить... славно! точно водка.

Ижбурдинъ.

Изъ Архангельска-съ; мы тоже и тамотки дѣла имѣемъ-съ.

Праздношатающійся (къ Сокурову).

Вотъ-съ вы изволили выразиться, что съ казною дѣло имѣть выгодно. Не позволите ли узнать, почему вы такъ заключаете?

Сокуровъ.

Да-съ, это точно-съ; сами изволите знать... казна... выгодно...

Палахвостовъ.

Вотъ то-то молодецъ! брешешь: выгодно, а почему, объяснить не умѣешь.

Ижбурдинъ.

А вотъ позвольте... вы вѣрно комиссинеръ?

ПРАЗДНОШАТАЮЩИЙСЯ (обижаясь).

Почему же комиссіонеръ?... Я просто для своего удовольствія... желательно, знаете, этакъ по торговой части заняться...

ИЖБУРДИНЪ.

Такъ вы приказный? Понимаемъ-съ! Это точно, что ноньче приказные много на счетъ торговли займуются — капиталы завелись... Такъ вотъ изволите ли видѣть, съ казной потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ, можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли выставишь, — казна все мнѣтъ. Конечно-съ, тутъ не безъ расходовъ, да за то и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-съ. Ну, и опять-таки отъ того для насъ это дѣло сподручно, что принимаютъ тамъ все, можно сказать, по-Божески. Намеднись, вонъ я полушубки въ казну ставилъ; только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія-то полушубка нѣтъ — тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ такими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ — на смѣхъ бы подняли! Ну, а въ казнѣ все изойдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большое. Вотъ тоже случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я было въ тѣ-поры и барки ужъ нагрузилъ: сплыть бы только да и вся недолга. Анъ тутъ подвернулся прикащикъ отъ купцовъ заграничныхъ — цѣну даетъ славную. Думалъ я думалъ, да перекрестимшись и отдалъ весь хлѣбъ прикащику.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

А какъ же съ казной—то?

ИЖБУРДИНЪ.

Съ казной—то? А вотъ какъ: пошелъ я, запродавши хлѣбъ—отъ, къ писарю становаго, такъ онъ мнѣ, за четвертакъ, такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подивился. И наводненіе, и мелководіе тутъ; только нашествія непріятельскаго не было. (*Всѣ смѣются.*) Такъ оно и доподлинно скажешь, что казна—матушка всѣмъ намъ кормилица... Это точно—съ. По той причинѣ, что еслибъ не казна, куда же бы намъ съ торговлей—то дѣваться? Это все единственно, что деньги въ ланбартъ положить, да и сидѣть самому на печи, сложа руки.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ (*глубокомысленно*).

Да, это такъ... недостатокъ предприимчивости... Это, такъ—сказать, болѣзнь русскаго купечества... Это знаете... (*Палахвостовъ улыбается*). Вы смѣетесь? Но скажите, отчего же? Отчего же Англичане, напримѣръ, Французы...

ИЖБУРДИНЪ.

А оттого это, батюшка, что на все свой резонъ есть—съ. Положимъ, вотъ хоть я предприимчивый человѣкъ. Снарядилъ я, примѣрно, карабъ, или тамъ подрядился къ какому ни—на—есть иностранцу выставить столько—то тысячъ кулей муки. Вотъ—съ, и искупилъ я муку, искупилъ дешево—нече сказать, это все въ нашихъ рукахъ—погрузилъ ее въ барки... Ну—съ, а потомъ—то куда жъ я съ нею дѣнусь?

ПРАЗДНОШАТАЮЩИЙСЯ.

Какъ куда?

ИЖБУРДИНЪ.

Да точно такъ-съ. Позвольте полюбопытствовать, изволили вы по Волгѣ плавать? Нѣтъ-съ? Такъ это точно, что вы на этотъ счетъ сумнѣнье имѣть можете; а вотъ какъ мы въ эвтомъ дѣлѣ, можно сказать, съ младенчества произошли, такъ и знаемъ, какъ это рѣка-съ. Это рѣка, доложу я вамъ, съ позволенія сказать-съ. Сегодня она вотъ здѣсь, а на другой, сударь, годъ, въ эвтомъ-то мѣстѣ ужъ песокъ, и она во-куда побѣгла. Никакъ тутъ и не сообразишь. Тащишься-тащишься этта съ грузомъ-то, инда злость тебя одолѣетъ. До Питера-то изъ нашихъ мѣстъ года въ два не доѣдешь, да и то еще Бога благодари, коли Угодники тебя доѣхатъ допустятъ. А то вотъ не хочешь ли на мели посидѣть, или совсѣмъ затонуть; или вотъ рабочіе у тебя съ барокъ поубѣгутъ — ну, и плати за все въ тридорога. Какая же тутъ, сударь, цѣна? Могу ли я теperича досконально себя въ эвдакомъ дѣлѣ разсчитать? Что вотъ молъ купилъ я по томъ-то, провозъ будетъ стоить столько-то, продамъ по такой-то цѣнѣ? А неустойка? Вѣдь Агличанинъ-то не казна-съ; у него нѣтъ этихъ ни мелководій, ни моровыхъ повѣтріевъ; ему вынь да положь. Нѣтъ-съ; наша торговля еще, можно сказать, въ рукахъ Божіихъ находится. Вывезетъ Волга-матушка—ну, и съ капиталомъ; не вывезетъ — зубы на полку клади. (Обращаясь къ Полахвостову.) А вотъ вы еще,

Савва Семенычъ, говорите, чтобы однимъ предметомъ торговать!

ПАЛАХВОСТОВЪ (самодовольно).

Да, оно конечно; тутъ большой нужно капиталъ имѣть, чтобъ не треснуть.

ИЖБУРДИНЪ.

Вотъ-съ со мной случай былъ. Сплавляли мы ленное сѣмя къ Архангельскому; рѣчонка эта—Луза прозывается — препакостная: дней восемь или десять только и судоходство по ней, а плыть приходится до Устюга цѣлую недѣлю: пропустилъ тутъ часъ, ну и бѣдствуй. Да и не пропустишь свое время, такъ и то плыть по ней наказанье; затопить это кругомъ верстъ на пять, и не знаешь гдѣ берега. Плылъ я, кажись, благополучно; еще бы немножко, выплылъ бы въ безопасное мѣсто. Такъ нѣтъ же; нанесло меня, сударь, на такую колоду, что ни назадъ ни впередъ. Куда дѣваться? А мимо меня, знашь, проходятъ барки другихъ торговцовъ и хошь бы одинъ-те глазомъ мигнулъ. Я было къ нимъ: помогите дескать, родимые—такъ куда тебѣ! Только смѣются... Принужденъ былъ искать рабочихъ вольныхъ, а тамъ и людей-то совсѣмъ нѣтъ. Чтожь бы вы думали, взяли съ меня эти Зыряне? Да по три рубля въ сутки на человѣка, да сутки съ трое тутъ и проработали. Вотъ тебѣ и барышъ.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙ СЯ.

Да отчего жь, однакожь, вамъ не помогли товарищи?

ИЖБУРДИНЪ.

Какіе они, батюшка, товарищи? Вотъ выпить, въ три листа сыграть — это они точно товарищи, а помочь въ коммерческомъ дѣлѣ, это, выходитъ, особъ статья. По той причинѣ, что имъ же выйднѣе, коли я опоздаю ко времени, а какъ совсѣмъ затону — и того лучше. Выходитъ, что коммерція, что война — это сюжетъ одинъ и тотъ же. Тутъ всякій не то, чтобъ помочь, а пуще норовитъ какъ ни-на-есть тебя погубить, чтобъ ему просторнѣе было. *(Вздыхаетъ.)*

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Какъ же это по вашему называется?

ИЖБУРДИНЪ.

А какъ бы вамъ объяснить, ваше благородіе? Называютъ это и мошенничествомъ, называютъ и просто разсчетомъ — какъ на что кто глядитъ. Оно, конечно, вотъ какъ тонешь, хорошо какъ бы кто тебѣ помогъ, а какъ съ другаго пункта на дѣло посмотришь, такъ вѣдь не всякому же тонуть приходится. Иной двадцать лѣтъ плаваетъ, и все ему благополучно сходитъ: такъ ему-то за чтожь тутъ терять? Это вѣдь дѣло не взаимное-съ.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Ну, а скажите, пожалуйста, вотъ вы начали говорить о судорабочихъ: какимъ образомъ вы ихъ занимаете?

ИЖБУРДИНЪ.

По контрактамъ, батюшка, по контрактамъ; нынче

безъ контракта по землѣ, сударь, ходить невозможно.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Какимъ же образомъ и съ кѣмъ заключаете вы эти контракты?

ИЖБУРДИНЪ.

А съ помѣщикомъ, или всего чаще съ начальствомъ. Съ начальствомъ-то, знаете, для насъ выгоднѣй, почему что хошь и есть тамъ расходъ, да за то они народъ ужь больно дешево продають. Дашь писарю сто рублей, такъ онъ хошь всю волюсть за тобой укрѣпить. Ну, и выходитъ, что и самъ ты надъ ними будто помѣщикъ. Чтò Бога гнѣвить, тягости намъ не сколько! А все потому, осмѣлюсь вамъ доложить, что начальство выгодъ нашихъ доподлинно опредѣлить себѣ не можетъ. Кабы знало оно ихъ, стами рублями тутъ бы не отдѣлаться, а теперича вотъ, съ малаго-то ума, ему и сто рублей за медвѣдя кажутся. Оно конечно, сударь, отчего бы иногда и не прибавить, да испытали мы ужь на себѣ это средство; далъ ты ему нынче полтора, онъ на будущій годъ ужь двѣсти запроситъ, да такъ-то разбалуется, что каждую зиму будетъ эту статью увеличивать. А какъ опредѣлено ему споконъ вѣку, словно заповѣдь, сто рублей, такъ они у него ужь зараньше въ приходную книжку такъ записаны.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Ну, а какъ вы полагаете на примѣръ на счетъ же-

лѣзныхъ дорогъ? вѣдь это, по моему мнѣнію, могло бы значительно подвинуть нашу торговлю... (*Палахвостовъ крестится*).

Ижбурдинъ (въ сторону).

Э, братъ! да ты, видно, вонъ изъ какихъ сторонъ выѣхалъ!

Сокуровъ (важно и съ разстановкой).

Да-съ, это точно... чугулки, можно сказать, ноньче по Рассеи первой сюжетъ-ть... Осмѣлюсь вамъ доложить, ѣздили мы съ тятенькой лѣтось въ Питеръ, такъ они до самаго то-есть Волочка молчали, а какъ пріѣхали мы туда черезъ девять-ту часовъ, такъ словно закатились смѣючись. Я было къ нимъ: «Христось молъ съ вами, папынька!» — такъ куда! «Ой, говорятъ, умру! эка штука: бывало, въ два дни въ Волочокъ-отъ не доѣдешь, а теперь гляди, въ девять часовъ эо мѣсто уѣхали!» А они, смѣю вамъ объяснить, въ старой вѣрѣ состоятъ-съ!

Палахвостовъ.

Да, это точно, что родитель твой въ старой вѣрѣ; ну, а ты, щенокъ, въ какой состоишь?

Сокуровъ.

Чтожь, Савва Семенычъ, мы, конечно, люди молодые; желаемъ въ образованномъ обществѣ пребываніе имѣть — вотъ хочъ бы, примѣрно, съ ихъ благороднымъ сіятельствомъ... Почему, что намъ ихній сюжетъ очень интересенъ-съ. Мы, Савва Семенычъ, благодареніе Господу, завсегда благо-

родныхъ дѣловъ не гнушаемся, и насупротивъ того съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ къ нимъ при-
вержены... Вотъ хочъ бы касательно родителя-съ:
оно конечно, они намъ родители, а извѣстно, су-
противъ насъ ужь не придутся. Кабы да не власть
ихняя, что они насъ, можно сказать, въ табакъ
истереть могутъ, чтожь бы они противъ насъ могли
сдѣлать?

Палахвостовъ.

Знаю, братъ, знаю. Знаю, что умри вотъ сегодня
у тебя отецъ, такъ ты бы и прахъ-отъ его завтра
по вѣтру развѣялъ. А вотъ ужь лишить онъ тебя
родительскаго благословенья!

Сокуровъ.

Благословенья онъ насъ не лишитъ; это вы напра-
сно, Савва Семенычъ, беспокоиться изволите. За
свои грѣхи они ноньче зрѣнія ужь лишились, такъ
имъ теперича въ пору Богу молиться, а не то что
дѣла дѣлать. А ужь коли вы насъ, Савва Семенычъ,
неуваженіемъ попрекаете, такъ вамъ самимъ, упо-
вательно, извѣстно, какими порядками нашъ роди-
тель свой капиталъ нажилъ-съ. Кабы не сжегъ онъ
въ ту-пору питейный домъ совсѣмъ и съ цѣловаль-
никомъ, да не воспользовался бы тутотка выручкой,
какой же бы онъ былъ теперича капиталистъ? За
это, можетъ, и зрѣніе-то у нихъ Богъ отнялъ.
Какое же тутъ, Савва Семенычъ, почтеніе въ серд-
цѣ воспитывать можно, когда онъ съ-измальства
такимъ дѣломъ занимался? А мы и то завсегда про-
тивъ нихъ съ нашимъ уваженіемъ-съ.

ПАЛАХВОСТОВЪ.

Ладно; вотъ тебѣ черти-то на томъ свѣтѣ языкъ-отъ вытянуть! (*Нѣсколько минутъ молчанія.*)

ИЖБУРДИНЪ.

Вотъ-съ, ваше благородіе, все-то такъ у насъ нынче въ разстрой пошло.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Ну, а какъ вы на счетъ улучшенныхъ путей сообщенія полагаете? (*Ижбурдинъ молчитъ.*) Одна-кожь?

ИЖБУРДИНЪ (*рѣшительно*).

Для насъ, ваше благородіе, эти чугушки все одно, что разореніе. Вотъ какъ я вамъ скажу.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Отчего же? вѣдь вы сами сейчасъ высчитывали, какіе несете убытки отъ тысячи неудобствъ, которыя терпитъ каждая ваша операція вслѣдствіе загрозднительности путей сообщенія.

ИЖБУРДИНЪ.

Да-съ, это точно; я говорилъ. Да мы къ этому, сударь, дѣлу испоконъ вѣку привычны; для насъ коли дѣло обошлось безъ ухабовъ да безъ бурлаковъ, такъ ровно оно и не дѣло. Это все единственно, что безъ клоповъ спать, безъ таракановъ щихлѣбать. На все на это резонтъ есть. Давно вотъ, кажется, почту завели, а нашъ братъ и доселѣ ее обѣгаетъ, все норовитъ на вольныхъ проѣхать. Эти вольные берутъ съ насъ въ тридорога, а везутъ-то

такъ, что кажется, душу всю вытянуть, проклятые! Лѣтось ѣздилъ я съ парнемъ въ Нижній, такъ ямщикъ—отъ сталъ на полдорогѣ отъ станціи, и не ѣдетъ впередъ: «прибавьте, говоритъ, хозява, три цѣлковенькихъ, такъ поѣду». Ну, и прибавили. А отчего мы, сударь, на почтѣ не ѣдимъ? Оттого все, не нашего это малаго разума дѣло, а дѣло оно дворянское. Да и чиновникъ тамъ такой есть, что на каждой тебѣ станціи словно въ зубы тычетъ: «ты молъ за честь почитай, что сподобилъ тебя Создатель на почтѣ ѣхать!» Станешь это лошадей торопить, ну, одинъ только и есть отвѣтъ ото всѣхъ: «пождешь молъ, борода, не велика чина птица.» Ну, и стоишь у завалинки. Выходить совсѣмъ мы и обрѣбли, по той причинѣ, что всякъ тебѣ говоритъ: куда ты лѣзешь? Ужъ чего, кажется, деньги по повѣсткѣ получить — а и тутъ, сударь, измаешься ждавши въ передней; не пускаютъ дальше да и все тутъ. Полтинникъ тебѣ стоить, чтобъ предъ лицо—то почтмейстерское стать, а онъ тебѣ тоже: «не время, приходи завтра». И хошь бы со всѣми они такъ—ту —все бы не больно надсадно было, а то вѣдь подъ носомъ у тебя деньги выдають, подъ носомъ сторонніе люди черезъ переднюю проходятъ... А объ мужичкахъ и говорить нече; случалось мнѣ самолично видѣть, какъ иной по мѣсяцу ходитъ за какимъ—нибудь цѣлковымъ, и все рѣшенья получить не можетъ. По эвтой самой причинѣ и капиталъ свой бережешь, даже отъ сѣмьи—то прячешь, потому что неровенъ часъ—деньги—то всякому вѣдь по нраву.

Какъ въ этакое-то, сударь, передѣлъ побываешь, такъ и не до чугунокъ тебѣ: это первое дѣло. А второе дѣло будетъ то, что для нашего брата купца что чугунокъ завести, что гильдію совсѣмъ снять — это все одинъ сюжетъ, все вокругъ одного пальца вертится. Еслибъ вотъ хоть теперь кто сказалъ, что нѣтъ молъ гильдіи, всякъ дескать воленъ торговать чѣмъ и какъ пожелаетъ, — развѣ можно было бы оставаться въ купцахъ? Вѣдь это для насъ было бы все единственно, что въ петлю лѣзти, почему какъ въ то время всякая, можно сказать, щель тебѣ сотню супостатовъ выставить: «самъ-то молъ я хошь и проторгуюсь, да покрайности весь торгъ перепакую». Ну, и чугунокъ тоже-съ. (*Тягостное и продолжительное молчаніе.*) Это, ваше благородіе, все враги нашего отечества выдумали, чтобъ насъ какъ ни-на-есть съ колеи сбить. А за ними и наши туда же лѣзутъ—вонъ эта гольтепа, что негоціантами себя прозываютъ. Основательный торговецъ никогда въ экое дѣло не пойдетъ, даже и разговаривать-то объ немъ не будетъ, по той причинѣ, что это все одно, что противъ себя говорить.

ПАЛАХВОСТОВЪ.

Это точно, что эти щелкоперы (*указываетъ на Сокурова*) на всю нашу операцію мораль напустили.

ИЖБУРДИНЪ.

Нынче вотъ молодость всѣми, сударь, дѣлами завладѣть желаетъ. Оно бы и ничего: чтожь, если царь

въ головѣ есть, да руку себѣ набилъ, — дѣйствуй на здоровье. Такъ нѣтъ: онъ все нарохтитъ тебѣ съ наругательствомъ, да не то чтобъ тебя уважить, а пуще въ бороду тебѣ наплевать желаетъ. «Я, говорить, негоціантъ, а не купецъ; мы говорить, изъ Питера отъ Руча комзолы себѣ выписываемъ — вотъ молъ мы каковы!» Ну-съ, отцамъ-то разумѣется, и надсадно на него смотрѣть, какъ онъ бороду-то себѣ оголилъ, давъ кургузомъ кафтанишкѣ передъ людьми привередничаетъ. Вотъ и тянутъ старики, какъ бы достояніе-то свое тоже зря разбросать. А который не успѣлъ умереть, не растративши капитала, молодцы мигомъ этому дѣлу подсобятъ. Такъ оно и идетъ все колесомъ. Вотъ лѣтось померъ у насъ купецъ, такъ сынокъ-отъ — чтобы вы думали? — только что успѣлъ старика схоронить, первымъ долгомъ нализался мертвецки, на заводъ поѣхалъ, и перебилъ тамotka всѣ стекла: «я, говорить, давно эту мысль въ головѣ держалъ». Да съ тѣхъ-то поръ и идетъ у нихъ дебошъ: то женскій полъ соберетъ, въ горницѣ натопитъ, да какъ есть и безобразничаетъ, или зазоветъ къ себѣ приказнаго какого ни-на-есть ледащаго: «вотъ, говорить, тебѣ сто рублей, дозволю молъ только себя выпоротъ!» Намеднись одинъ пьянюжка и согласился, да только что они его, сударь, выпустили, онъ сталъ въ воротѣхъ да и кричитъ караулъ. Насилу ужъ городничій дѣло сладилъ, что на пяти стахъ помирились: «не хочу, говорить, давай тысячу; у меня молъ и поличное завсегда при себѣ.» А не то

вотъ выѣхалъ онъ третьѣднись пьяный—роspьяный въ санóчкахъ; сидитъ себѣ одинъ да самъ и лошадыю править. Да въ глазахъ—то у него, прости Господи, видно черти ужъ скачутъ, только ѣдетъ онъ одинъ—отъ, а вперѣди ему Ванька кучеръ показывается; вотъ онъ и покрикиваетъ: «пошелъ, Ванька», «молчать, Ванька подлецъ»... Подивились мы только въ ту—пору, какъ его Богъ помиловалъ, что лошадь въ прахъ не расшибла. (*Всѣ смѣются.*) Такъ неужтожь эки—то сэрванцы лучше насъ, стариковъ! (*Къ Сокурову.*) Такъ—то вотъ и ты, паренекъ, коли будешь родительскимъ благословеніемъ брезговать, пойдеть на вѣтеръ все твое достояніе.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Отчего же нибудь да происходитъ этотъ разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Воспитаніе тутъ что ли?

ИЖБУРДИНЪ.

Какое тутъ, батюшка, воспитаніе! Вотъ онъ бороду себѣ выбрилъ, такъ развѣ по этому только супротивъ насъ лучше будетъ, а грамота—то и у него не Богъ вѣсть какая: азъ—ангелъ—ангельскій—архангелъ—архангельскій—буки—бабаки.... А то еще воспитанія захотѣли! Нѣтъ—съ, тутъ, признательно доложить, другаго сорта есть причинность. Старые порядки къ концу доходятъ, а новыхъ еще мы не dospѣлись. Вотъ—съ хошь бы ихъ тятенька. Грѣхъ сказать, они человѣкъ почтенный, а только это су—щая истина, что они цѣловальника—то сожгли да съ

тѣхъ поръ и жить зачали. Прежде какъ мы торговали? Привезетъ бывало тебѣ мужичокъ овса кулей десятокъ или рогожи сотъ пять, ну, и свалишь, а за деньгами приходи молъ черезъ недѣлю. А придетъ онъ черезъ недѣлю — и знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, кто ты таковъ. Уйдетъ бѣдняга и управы никакой на тебя нѣтъ, потому что и градоначальникъ и вся подъячая братія твою руку тянетъ. Такимъ-то родомъ и наживали капиталы, а подъ старость грѣхи предъ Богомъ замаливали. Да опять таки, даже промежь самихъ себя простота была: ни счетовъ, ни книгъ никакихъ; по душѣ всякій торговалъ — кто кого, можно сказать, переторгуетъ. (*Вздыхаетъ*). Теперь же сударь, все это, видно, къ концу приходитъ. Не оттого, чтобы меньше на этотъ счетъ отъ начальства вольготности для насъ было, — на это пожаловаться грѣхъ, а такъ, знашь, больше свой же братъ, вотъ этакой-то проходимецъ кургузый норовить тебя на весь народъ обхаять. Его-то самого общиплютъ кругомъ, такъ онъ и надѣется на старикахъ сердце сорвать: «вы молъ богатѣете оттого, что мошенники, а я вотъ честный, такъ и бѣдный»...

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ.

Странно, однакожь.

ИЖБУРДИНЪ.

Какъ этакую-то мораль онъ пустить, такъ оно и точно что въ оба глядѣть станешь... Ну, а ему тоже проку отъ этого мало: стариковъ-то онъ опако-

стиль, а самъ выдумать ничего не выдумалъ. Вотъ оно и выходитъ, что старые порядки къ концу пришли, а новыхъ мы не dospѣлись. По той причинѣ, что выдумывать еще мы не горазды, не выросли разума въ мѣру. А приходится, видно, своею головой жить. (Къ Сокурову.) А ну-ка, паренекъ, вотъ ты востеръ больно; разкажикась намъ, какъ это намъ съ тобой, въ малолѣтствіи, безъ отца-матери вѣкъ прожить, въ чужихъ людяхъ горекъ хлѣбъ снѣдаючи, рукавомъ слезы утираючи?... (Палахвостовъ смѣется.)

Сокуровъ (съ досадою).

Извѣстно, мы теперь въ рукахъ Божіихъ, по стопамъ родительскимъ, можно сказать, ходимъ... Вотъ другой манеръ, кабы мы своимъ капиталомъ дѣйствовали...

Ижбурдинъ.

Эка подумаешь приключилась надъ нами штука! жили мы доселѣ словно въ дѣвичество, горя не вѣдали, а теперь во-куда дѣло-то пошло! Поди-ка лѣтъ пятнадцать назадъ, какъ плыветъ бывало по рѣкѣ конная-то машина, такъ и что диву! А нонѣ выѣзжай-ко съ ней на Волгу-то, всякъ норовить тебя оконфузить: «эхъ-ма, говоритъ, куда-те запропастило; верстъ, чай, съ десятокъ, дяденька, въ сутки уѣдешь!»! завелись вездѣ праходы — просто хошь торговлю бросай, а тутъ еще объ какихъ-то чугункахъ твердятъ! А мы, сударь, этого дѣла и понять-то не можемъ, почему какъ оно для насъ

вмѣсто забавы. Ну, и овладѣютъ нами нѣмцы заѣзжіе... инѣ и подлинно свѣтопреставленью скоро быть надоть!...

Сокуровъ.

Тятенька баеть, что быть этому дѣлу въ 1860 году; ему вишь старикъ какой-то сказывалъ, съ чердынскихъ пустынь ономнись приходилъ.

Ижбурдинъ.

Вотъ, сударь, сами извольте судить, какая тутъ можетъ статья коммерція, коли мы антихриста съ часу на часъ поджидаемъ.

Праздношатающійся.

Вы представили мнѣ довольно странную картину. Признаюсь вамъ даже, я мало тутъ что-нибудь понимаю. Съ одной стороны, старая система торговли, основанная, какъ вы говорили сами, на мошенничествѣ и разныхъ случайностяхъ, далѣе идти не можетъ; съ другой стороны, устройство путей сообщенія, освобожденіе торговли отъ стѣсняющихъ ее ограниченій, по вашимъ словамъ, неминуемо повлечетъ за собой объединеніе цѣлаго сословія, въ рукахъ котораго находится въ настоящее время вся торговля... Какъ согласить это? какъ помочь тутъ?

Ижбурдинъ.

А кто это знаетъ! мы объ такомъ дѣлѣ развѣ думали? Мы вотъ видимъ только, что наше дѣло къ концу приходитъ, а какъ оно тамъ на предки выдетъ — все это въ руцѣ Божіей... Наше теперича дѣло объ

томъ только думать, какъ бы самимъ-то намъ въ миръ прожить, безпечальну пробыть. (*Встаетъ.*)
Одначе, мы съ вашимъ благородіемъ тутотка забавляемся, а насъ чай и бабы давно поди ждутъ . . .
Прощенья просимъ. (*Всѣ встаютъ и уходятъ.*)

С Ц Е Н А П.

ПРАЗДНОШАТАЮЩІЙСЯ (*въ раздумьи*).

Чего онъ мнѣ тутъ нагородилъ, ничего и не поймешь! . . ба! мысль! (*вынимаетъ изъ кармана записную книжку и пишетъ*) мошенничество . . . обманъ . . . взятки . . . невѣжество . . . тупоуміе . . . общее безобразіе! . . что выйдетъ, не знаемъ, а подадимъ горячо!

С Р У К А

«Скучно! крупные капли дождя стучать въ окна моей квартиры; на улицѣ холодно, темно и грязно; осень давно уже вступила въ права свои, и какая осень! Безобразная, гнилая, съ проникающею насквозь сыростью, и вѣчнымъ туманомъ, густою пеленою встающимъ надъ городомъ....

«Свѣча уныло и какъ-то слѣпо освѣщаетъ комнату; обстановка ея бѣдна и гола: дюжина стульевъ базарной работы, да диванъ, на которомъ жутко сидѣть — вотъ и все. Какъ хотите, а комфортъ славная вещь! Вотъ теперь бы мягкое кресло, да каминъ, да хорошую сигару — забылъ бы и грязь и дождь. Воображеніе разгорѣлось бы, представило бы картинки заманчиваго свойства; въ струйкахъ сигарочнаго дыма показались бы нимфы, генеральскія эполеты, звѣзды, груды золота, общее уваженіе

и такъ далѣе; однимъ словомъ, все, что только можетъ вмѣстить въ себѣ тонкая струйка табачнаго дыма... А потомъ? потомъ сонъ, сладкій сонъ наложилъ бы на все это свою всесильную руку; полногрудыя нимфы пустились бы въ обольстительнѣйшій танецъ съ генеральскими эполетами, звѣзды съ общимъ уваженіемъ; однѣ груды золота остались бы, по прежнему, неподвижны, иронически посматривая на всю эту суматоху.

«А сонъ великое дѣло, особливо въ Крутогорскѣ. Сонъ и водка—вотъ истинные друзья человѣчества. Но водка необходима такая, чтобы сразу забирала, покоряла себѣ всего человѣка; что—называется воръ—водка, такая, чтобы сначала всѣ вообще твои суставчики словно перешибло, а потомъ изнылъ бы каждый изъ нихъ въ особенности. Такая именно водка подается у моего добраго знакомаго, предсѣдателя. Носятся слухи, будто бы и всякій крутогорскій чиновникъ имѣетъ право на полученіе подобной водки. Нужно справиться: нѣтъ ничего мудренаго, что коварный откупщикъ употребляетъ во зло мою молодость и неопытность.

«Странная, однакожь, вещь! Слылъ я, кажется, когда-то порядочнымъ человѣкомъ; водки въ ротъ не бралъ, не наѣдался до изнеможенія силъ, послѣ обѣда не спалъ, одѣвался прилично, былъ бодръ и свѣжъ, трудился, надѣялся, и все чего-то ждалъ, къ чему-то стремился... И вотъ, въ какія-нибудь пять лѣтъ, какая переменна! Лицо отекло и одрябло; въ глазахъ свѣтится собачья старость: движенія

вялы; словесности, какъ говоритъ пріятель мой, Яковъ Астафьичъ, совсѣмъ нѣтъ..... скверно!

«И какъ скоро, какъ безпрепятственно, совершается процессъ этого превращенія! Съ какою изумительною быстротой поселяется въ сердце вялость и равнодушіе ко всему, потухаетъ огонь любви къ добру и ненависти ко лжи и злу! И то, что когда-то казалось и безобразнымъ и гнуснымъ, глядитъ теперь такъ гладко и пристойно, какъ-будто все это въ порядкѣ вещей, и такъ ему и быть должно.

«Это примиреніе совершается вообще очень просто. Оглядишься вокругъ себя, всмотришься въ окружающихъ людей, и поневолѣ сознаешь, что всѣ они, право, не дурные ребята. Они не глупы — и это первый пунктъ; они гостепріимны и общительны, а стало-быть и добры — это второй пунктъ; они бѣдны и сверхъ того снабжены семействами, и потому самое чувство самосохраненія вынуждаетъ ихъ заботиться о средствахъ къ существованію, каковы бы ни были эти средства — это третій пунктъ. Разсудокъ безъ труда принимаетъ эти причины и удовлетворяется ими. Ибо что сказать противъ нихъ? Какъ бы вы ни были красно-рѣчивы, какъ бы ни были озлоблены противъ взятокъ и злоупотребленій, вамъ всегда готовъ очень простой отвѣтъ: человѣкъ такое животное, которое, безъ одежды и пищи, ни подъ какимъ видомъ существовать не можетъ. Понятно? слѣдовательно....

«Отчего же, несмотря на убѣдительность этихъ доводовъ, все-таки ощущается какая-то неловкость

въ то самое время, когда они представляются уму съ такою ясностью? Несомнѣнно, что эти люди правы, говорите вы себѣ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительность представляетъ такое разнообразное сплетеніе гнусности и безобразія, что чувствуется невольная тяжесть въ вашемъ сердцѣ... Ктожь виновать въ этомъ? Гдѣ причина этому явленію?

— Въ воздухѣ, отвѣчаетъ мнѣ искреннѣйшій мой другъ, Яковъ Петровичъ, тотъ самый, который изобрѣлъ *хвещовъ* и мазь для рощенія конскихъ волосъ на человѣческихъ головахъ.

«Въ воздухѣ! Да не можетъ же быть, чтобъ весь воздухъ былъ до такой степени зараженъ гнилыми міазмами, чтобъ не было никакихъ средствъ очистить его отъ нихъ. Прочь ихъ, эти испаренія, которыя не даютъдохнуть свободно, которыя заражаютъ даже самаго здороваго человѣка!»

«— Э, батюшка, намъ съ вами вдвоемъ всего на свой ладъ не передѣлать! отвѣчаетъ мнѣ тотъ же изобрѣтатель растительной мази: — а вотъ лучше выпьемъ—ка водочки, закусимъ селедочкой, да сыграемъ пулечку въ вистикъ: печаль—то какъ рукой сниметь!»

«Ну, и выпьемъ....»

«Сегодня утромъ принесть ко мнѣ секретарь бумагу. Надо, говорить, затребовать по ней дополнительныхъ свѣдѣній.»

«— Да зачѣмъ же ихъ требовать? вѣдь они всѣ есть у васъ подъ руками?»

«— Есть—съ.»

«— Такъ что же?

«— Да помилуйте, за чтожь я опять подъ отвѣтственность попасть долженъ?

«— Какъ подъ отвѣтственность?

«— Да точно такъ-съ. Теперъ конецъ мѣсяца, а сами вы изволите помнить, что его высокородіе еще въ прошломъ мѣсяцѣ пыталъ меня бранить за то, что у меня много бумагъ къ отчетности остается, да посулилъ еще изъ службы за это выгнать. Ну, а если мы эту бумагу начнемъ разрѣшать, такъ разрѣшимъ ее не раньше слѣдующаго мѣсяца, а дополнительныхъ-то свѣдѣній потребуешь, такъ хоть и не разрѣшена она досконально, а все *какъ-будто* исполнена: его высокородіе и останутся довольны.

«Нечего дѣлать, исполнилъ по желанію Ивана Никитича: не попадать же ему, въ самомъ дѣлѣ, подъ отвѣтственность изъ-за какой-то непонятной щепетильности.

«— Это ужъ у нихъ, у канальевъ, такъ изстари заведено, отвѣчалъ мнѣ Яковъ Петровичъ, когда я разказалъ ему этотъ анекдотъ: — этого, батюшка, намъ съ вами и селитряною кислотой не вывести!

«Выпили мы по рюмочкѣ, и подлинно, я прозрѣлъ.

«А всему виной моя самонадѣянность... Я думалъ, въ кичливомъ самообольщеніи, что нѣтъ той силы, которая можетъ сломить энергію мысли, энергію воли! И вотъ оказывается, что какому-то неопрятному, далекому городку предоставлено совершить этотъ подвигъ уничтоженія. И какъ просто! почти безъ борьбы! потому что какая же можетъ

быть борьба съ явленіями, заключающими въ себѣ лишь чисто-отрицательныя качества?

«А мнѣ ли не твердили съ дѣтскихъ лѣтъ, что покорностью цвѣтутъ города, благоденствуютъ селенія, что она даетъ силу и крѣпость недужному на одрѣ смерти, бодрость и надежду истомленному работой и голодомъ, смягчаетъ сердца великихъ и сильныхъ, открываетъ двери темницы забытому узнику... но кто исчислить всѣ твои благодѣянія, всѣ твои цѣленія, о мать всѣхъ доблестей!

«Посмотрите на этого юношу; онъ только-что сошелъ съ школьной скамьи; видъ его скромнѣе, щеки розовы, поступь плавна и благонравна, глаза опущены внизъ... Онъ получилъ чудесный аттестатъ отъ своихъ наставниковъ и воспитателей; успѣхи его были отличные, нравственность безпримѣрная; нѣтъ того балла, нѣтъ той цифры, которою можно было бы выразить удовольствіе начальниковъ. Гдѣ же ключъ ко всему этому? гдѣ, какъ не въ томъ, что этотъ юноша — покорный юноша! Онъ безпрекословно выучивалъ наизусть заданныя странички, отъ «мы прошлый разъ сказали» до «объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующій разъ»; онъ аккуратно въ девять часовъ снималъ съ себя курточку, и хотя не всегда имѣлъ желаніе почивать, но во всякомъ случаѣ благонравно закрывалъ глазки, и удерживалъ свое ровненькое дыханье, чтобы оно какъ-нибудь не оскорбило деликатнаго слуха его наставника... О, это преблаговоспитанненькое дитя, самое покорненькое дитя на свѣтѣ! Для него не существовало

ни стола, ни стула, ни книги, а было: «стульчикъ», «столикъ», «книжечка»; онъ никогда не бѣгалъ, не суетился, его не видали ни распотѣвшимъ, ни раскраснѣвшимся... Въ глазахъ его, правда, не видно блеску, не видно огня молодости... но за то какая покорность! Боже, какая покорность! О, дайте мнѣ расцѣловать его, дайте обнять его, это милое, покорное дитя!

«Но вотъ онъ сдѣлался чиновникомъ; съ какимъ вниманіемъ, съ какимъ простодушіемъ выслушиваетъ онъ наставленія начальника и благодѣтеля! Какъ удивляется его проницательности, глубоко-мыслию, обширности взгляда! Не недостойной ли, не презрѣнный ли онъ сосудъ... извините, сосудикъ! — и между тѣмъ его считаютъ достойнымъ — да, достойнымъ! — вмѣщать въ себѣ всѣ премудрости бюрократіи! И за то съ какимъ трепетомъ беретъ онъ въ руки бумажку, очиниваетъ ножичкомъ перышко, какъ работаетъ его миниатюрное воображеніе, какъ трудится его крохотная мысль, придумывая каждое слово, каждое выраженіе замысловатаго отношенія, въ которомъ должны быть умѣщены громаднѣйшіе помыслы, величайшія начинанія, необъятнѣйшіе планы!

«— Главное дѣло, будь кратокъ, говоритъ ему начальникъ: — только въ выраженіи чувствъ преданности и покорности краткость неприлична и даже вредна; во всемъ же прочемъ краткость, краткость и краткость!»

«И онъ слѣпо слѣдуетъ этому наставленію: изла-

гаеть дѣло кратко, почитаетъ плодовито. И послѣ этого можно ли изумляться, что этотъ маленькій, чистенькій, усердненькій чиновничекъ дѣлается въ свою очередь источникомъ помысловъ, начинаній и плановъ!

«Нѣтъ, покорность не значитъ подлость, не значитъ искательство и низкопоклонничество, не значитъ слабоуміе и апатія; покорность не наущничество, не лукавство изподтишка, не лицемѣріе.... Это особая, своеобразная добродѣтель, съ помощью которой человѣкъ многое выигрываетъ и ровно ничего не проигрываетъ.

«Теперь все это представляется мнѣ ясно, какъ дважды два; странно даже, какъ я когда-нибудь могъ мыслить иначе.

«Когда я ѣхалъ въ Крутогорскъ, то мнѣ казалось, что и я долженъ на дѣлѣ принести хоть частичку той пользы, которую каждый гражданинъ обязанъ положить на алтарь отечества. Думалось мнѣ, что въ самой случайности, бросившей меня въ этотъ край, скрывается своего рода предопредѣленіе.... Юношескія мечты, тщетныя мечты! сколько въ нихъ, однакожь, свѣжести и чистоты, сколько жажды добра и истины!

«Что же я сдѣлалъ, какіе подвиги совершилъ?

«О провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаніями

тѣ мелкія вождельнія, исключительно направленные къ матеріальной сторонѣ жизни, къ доставленію крошечныхъ удобствъ, которыя имѣютъ то неоцѣненное достоинство, что устраняютъ всякій поводъ для тревогъ души и сердца? Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается, какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль! Когда человѣкъ испытываетъ горькую нужду, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, все вокругъ него свидѣтельствуетъ о благахъ жизни, все призываетъ къ ней, тогда нѣтъ возможности не пробуждаться даже самой сонной натурѣ. Воображеніе работаетъ, самолюбіе страждетъ, зависть кипитъ въ сердцѣ, и вотъ совершаются тѣ великіе подвиги ума и воли человѣческой, которымъ такъ искренно дивится покорная генію толпа. Что нужды, что подготовительныя работы къ нимъ смочены слезами и кровавымъ потомъ; что нужды, что не одно, быть-можетъ, проклятіе сорвалось съ устъ труженика, что горьки были его исканія, горьки нужды, горьки обманутыя надежды: онъ жилъ въ это время, онъ ощущалъ себя человекомъ, хотя и страдалъ...

«Да; жалко, поистинѣ, жалко положеніе молодаго человѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей, и увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея. А тамъ подкрадется матушка-лѣнь, и такъ крѣпко

сожметъ въ своихъ объятіяхъ новобранца, что и очнуться некогда. Посмотришь кругомъ: вѣдь живутъ же добрые люди, и живутъ весело — ну и самъ станешь жить весело.

«О вы, которые живете другою, широкою жизнію, вы, которыхъ оставляютъ жить, и которые оставляете жить другихъ, — завидую вамъ! И если когда-нибудь придется вамъ горько, и вы усомнитесь въ вашемъ счастіи, вспомните, что есть иной міръ, міръ зловоній и болотныхъ испареній, міръ сплетень и жирныхъ кулебякъ, и горе вамъ, если вы тотчасъ же не поспѣшите подписать удовольствіе вѣчному истцу вашей жизни — обществу!»

«А все-таки странно, что я сегодня цѣлый вечеръ сижу дома и одинъ. Гдѣ бы они могли быть всѣ? У Порфирія Петровича — не можетъ быть: онъ такъ милъ и любезенъ, что всегда меня приглашаетъ; Александръ Андреичъ тоже души во мнѣ не слышитъ: «ты, говоритъ, только проигрывай, а то хоть каждый день пріѣзжай.»

«Вѣрно у князя Льва Михайловича! Станный человекъ этотъ князь! Разсердился на меня не на шутку за то, что я выразился, яко бы онъ, въ удобное для охоты время, командируетъ своего секретаря, подъ видомъ дѣлъ службы, собственно для стрѣлянія дичи къ столу его сіятельства. Чтожъ, говоритъ, тутъ дурнаго? развѣ это взятка? вы мнѣ скажите, взятка ли это? Развѣ я вымогалъ, сдѣлалъ какую-нибудь подлость, развѣ это деньги? Деньги ли дичь, спрашиваю я васъ? и имѣлъ ли онъ право,

Этотъ молокососъ, осуждать дѣйствія начальства, подрывать довѣріе къ нему, онъ, который каждое воскресенье объдаетъ у меня!»

«Князь вообще знаменитъ строгостью своей логики, и Порфирій Петровичъ очень смѣялся, разказывая мнѣ про негодованіе его сіятельства.

«Вообще я знаю очень много примѣровъ подобнаго рода логики. Есть у меня пріятель судья, очень хорошій человѣкъ. Пришла къ нему экономка съ жалобой, что такой-то писецъ ее избидѣлъ: встрѣтившись съ ней на улицѣ, картуза не снялъ. Экономка — бабенка здоровая, кровь съ молокомъ; судья человѣкъ древній и экономокъ любить до смерти. Подать сюда писца.

«— Ты по какому это праву не поклонился Анисьѣ?

«— Да помилуйте, ваше высокоблагородіе...

«— Нѣтъ, ты отвѣчай, по какому ты праву не поклонился Анисьѣ?

«— Да помилуйте, ваше высокоблагородіе...

«— Ты мнѣ говори: отвалятся у тебя руки? а? Отвалятся?

«— Да помилуйте, ваше высокоблагородіе...

«— Нѣтъ, ты не вертись, а отвѣчай прямо: отвалятся у тебя руки или нѣтъ?

«La question aussi carrément posée, писецъ молчитъ и переминается съ ноги на ногу. Пріятель мой во всемъ блескѣ заслуженнаго торжества.

«— Чтожь ты молчишь? ты говори: отвалятся или нѣтъ?

«— Нѣтъ, отвѣчаетъ подсудимый съ какимъ-то злобнымъ шипѣньемъ.

«— Ну, слѣдственно...

« И логика, какъ и всегда, осталась побѣдительницею анархіи.

« А можетъ-быть, они и у доктора. Милѣйшій человекъ этотъ докторъ и преостроумный. Когда придетъ къ нему крестьянинъ или мѣщанинъ «за своею надобностью», или проще по рекрутской части, и принесетъ всѣ нужные по дѣлу документы, онъ никогда сразу не начнетъ дѣла, а сначала заставитъ просителя побожиться предъ образомъ, что другихъ документовъ у него нѣтъ, и когда тотъ побожится «чтобъ и глаза-то мои лопнули» и «чтобъ нутро-то у меня изгнило», прикажетъ ему снять сапоги и тщательно осмотрить ихъ. Понеже наученъ докторъ долголѣтнимъ опытомъ и практикою, что у мужика сапоги все одно что ломбардъ.

«И за всѣмъ тѣмъ докторъ предрагоцѣнный человекъ. Выпить ли, сыграть ли въ «любишь не любишь» — на все это онъ именно душа. Особливо какъ на ту пору подойдетъ рекрутскій наборъ.

«Были, однакожь, и у меня иныя времена, окружали меня иные люди — все иное! Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру... куда все это дѣвалось?

«Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости? Ведете ли, какъ и я, безрадостную скитальческую жизнь, или же утонули въ отличіяхъ, погрязли въ

почестяхъ. и съ улыбкой самодовольствія посматриваете на бѣдныхъ тружениковъ, робко проходящихъ мимо васъ съ понуренными головами! Многіе ли изъ васъ бодро выдержали пытку жизни, не смирились передъ гнетущею силою обстоятельствъ, не прониклись духомъ праздности, унынія и любоначалія?

«Господи! неужели нужно, чтобъ обстоятельства вѣчно гнели и покалывали человѣка, чтобъ не дать заснуть въ немъ энергіи, чтобы не дать замереть этой страстности стремленій, которая горитъ на днѣ души, поддерживаемая какимъ-то неугасаемымъ огнемъ? Ужели вѣчно нужны будутъ страданія, вѣчно вопли, вѣчно скорби, чтобы сохранить въ человѣкѣ чистоту мысли, чистоту вѣрованія?

«Помню я и долгіе зимніе вечера, и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единоедушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ насъ! Помню я и тебя, многолюбимый и незабвенный другъ и учитель нашъ! Гдѣ ты теперь, какая желѣзная рука сковала твои уста, изъ которыхъ лились на насъ слова любви и упованія!

«И отчего всѣ эти воспоминанія такъ ясно, такъ отчетливо воскресаютъ передо мной, отчего сердцу дѣлается отъ нихъ жутко, а глаза покрываются какою-то пеленой? Ужели я еще не достаточно убилъ въ себѣ всякое чувство жизни, что оно такъ назойливо напоминаетъ о себѣ, и напоминаетъ въ такое именно время, когда одно представленіе о немъ мо-

жетъ поселить въ сердцѣ отчаянье, близкое къ мысли о самоубійствѣ!

«А потомъ фантазія незамѣтно переноситъ меня къ далекимъ временамъ моего дѣтства. Встаютъ передо мной и сельскій нашъ домъ, и тополи въ саду, и церковь на небольшомъ пригоркѣ, и фруктовый садъ, о которомъ мы, дѣти, говорили не иначе, какъ «тотъ садъ», потому что онъ былъ разведенъ особнякомъ отъ усадьбы, и потому что насъ пускали въ него весьма рѣдко. Помню я и всенощныя по субботамъ, и старика-отца, тихо и пламенно молящагося, и старушку-мать, вѣчно занятую, вѣчно хлопчущую. И какъ тихо становилось во всемъ домѣ послѣ всенощной, когда священникъ, окропивъ святою водою всѣ комнаты и давъ всѣмъ намъ благословеніе, уходилъ домой! Говоръ и шумъ умолкали и въ дѣвичьей, и въ дѣтской, и вездѣ, гдѣ, въ теченіи дня, было такъ суетливо и людно; все какъ будто сосредоточивалось и углублялось въ себя; все ждало грядущаго праздника... И мы, дѣти, знали въ то время цѣну празднику, и горяча была наша молитва передъ отходомъ ко сну.

«Помню я и школу, но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи... Тамъ царствовало лишь педантство и принужденіе; тамъ не хотѣли признавать законность дѣтскаго возраста, и подозрительно смотрѣли на каждое рѣзвое движеніе сердца, на каждую дѣтскую шалость... Нѣтъ, я сегодня настроенъ такъ мягко, такъ добро-

дѣтельно, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ...
прочь школу!

«Но отчего же вдругъ будто дрогнуло въ груди
моей сердце, отчего я самъ слышу учащенное бие-
ніе его, отчего вся кровь хлынула мнѣ въ лицо?»

«Тамъ, вдали, вижу я, мелькаютъ два сѣренькія
платица., Боже! да это онѣ, онѣ, мои дѣвочки, съ
ихъ звонкимъ смѣхомъ, съ ихъ непринужденною
веселостью, съ ихъ вьющимися черными локонами!
Какъ хороши онѣ, и сколько зажгли сердце, не-
смотря на свои четырнадцать только лѣтъ: онѣ еще
носятъ коротенькія платица, онѣ могутъ еще гром-
ко говорить, громко смѣяться; имъ не воспрещены
еще тѣ нѣсколько рѣзкія, угловатыя движенія, ко-
торыя придаютъ такой милый, оригинальный смыслъ
каждому ихъ слову! Но въ особенности вы, моя
маленькая, миленькая Бетси, вы, радость и утѣше-
ніе всего живущаго, волнуете всю кровь въ моло-
домъ человѣкѣ, изо всѣхъ силъ устремляющемся къ
вамъ... Но что же я вижу? Кажется, и вы покрас-
нѣли и даже чуть-чуть не споткнулись на ровномъ
мѣстѣ; и у васъ зажглись глазки, и вся ваша минія-
турная фигурка внезапно приняла какой-то томный
и немного-лѣнивый характеръ? Ужели вы также
любите?»

«И вы, о молодой человѣкѣ, вы желаете быть
остроумнымъ и произносите лишь фразы, поражаю-
щія васъ самихъ своею казенностью; вы желаете
выразить, какъ глубоко вы счастливы, какъ много
вы думали о ней, которая, и на будущее время,

должна составлять источникъ всѣхъ тревогъ и волненій вашего сердца, — и вмѣсто того говорите только о красотѣ вечера, о завтрашнемъ спектаклѣ, о предстоящей вамъ поѣздкѣ въ деревню. О, какъ хотѣлось бы вамъ, чтобъ она исчезла и провалилась сквозь землю, эта гнусная гувернатка—Англичанка, какъ тѣнь преслѣдующая нашу Бетси! Вы и не подозреваете того, что если бы въ цѣломъ мірѣ были только вы, да безцѣнная Бетси, вы и тогда не нашлись бы сказать ей ничего особенно — глубоко-мысленнаго и остраго.

«Но утѣшьте, молодой человѣкъ! Бетси уже очень хорошо умѣетъ читать за строками, и въ вашей ничего не значащей фразѣ о погодѣ чуткое ея ухо очень отчетливо слышитъ: «какъ хорошо, о какъ отрадно было бы въ этотъ тихій вечеръ, подъ этимъ безоблачнымъ небомъ, при этихъ звѣздахъ, обнять тебя, дорогое дитя, обнять и умереть, упоиваясь твоимъ молодымъ дыханіемъ!» Вотъ что слышится ей въ вашихъ будничныхъ фразахъ, вотъ что читаетъ она на вашемъ лицѣ, недовольному выраженію котораго какъ-то странно противорѣчитъ безпредѣльная нѣжность вашихъ взоровъ.

«То была первая, свѣжая любовь моя, то были первыя сладкія тревоги моего сердца! Эти глубокіе сѣрые глаза, эта кудрявая головка долго смущали мои юношескіе сны. Все думалось: «какъ хорошо бы погладить ее, какое бы счастье прильнуть къ этимъ глазамъ, да такъ и остаться тамъ жить!»

«И куда все это дѣвалось, куда скрылись эти чуд-

ныя мгновенія, въ которыя все существо какъ будто стремилось и поднималось вверхъ!

«Вокругъ меня мгла и туманъ; Порфиріи Петровичи, Яковы Астафьичи, Ѳедоры Герасимычи жадно простираютъ ко мнѣ голодныя руки и не даютъ мнѣдохнуть. Я самъ начинаю походить на Поприщина, тоска сосетъ мое бѣдное сердце, страшный кошмаръ давить мнѣ грудь...

«Гдѣ я, гдѣ я, Господи!»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Вмѣсто введенія	1
---------------------------	---

ПРОШЛЫЯ ВРЕМЕНА.

Первый разказъ подъячаго	17
Второй разказъ подъячаго	35
Непріятное посѣщеніе	46

МОИ ЗНАКОМЦЫ.

Обманутый подпоручикъ	79
Порфирій Петровичъ	93
Княжна Анна Львовна	118
Буеракинъ	146
Пріятное семейство	174

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ И МОНОЛОГИ.

Выгодная женидба	205
Что такое коммерція?	234
Скука	257

ОТЛАВЛЕНІЕ

МЕСТО БРАТІИ

ПРОШІИ ВРЕМНА

17	Первый разказъ подрабатъ
35	Второй разказъ подрабатъ
48	Непріятное посѣщенье

МОН СЛАВНОМЫ

70	Означенный подполковникъ
93	Портретъ Петровица
118	Грѣшна Анна Фролова
140	Вскрытныя
171	Пріятное семейство

ДРАМАТИЧЕСКІИ СЦЕНЫ И МОНОЛОГЫ

202	Встрѣча женщины
234	Что такое комедія?
257	Сказка

Saltykov-Ščedrin, Michail Evgrafovič,

Gubernskie otscherki Is sapisok otstarnago nadvornago sovjetnika
Schtschedrin

Bd.: 1

Moskva (1857)

P.o.rel. 3409-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036418-2